

ДРЕВНЯЯ БАКТРИЯ

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
О Р Д Е Н А Т Р У Д О В О Г О К Р А С Н О Г О З Н А М Е Н И И Н С Т И Т У Т А Р Х Е О Л О Г И И
А К А Д Е М И Я Н А У К У з С С Р
И Н С Т И Т У Т А Р Х Е О Л О Г И И

ДРЕВНЯЯ БАКТРИЯ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ
СООБЩЕНИЯ
ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
РАБОТАХ НА ЮГЕ
УЗБЕКИСТАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1974

Районы Южного Узбекистана являются подлинной археологической сокровищницей нашей страны. Здесь расположены и замечательные памятники каменного века, и недавно открытые крепости эпохи бронзы, и бесчисленные руины городов и поселений Бактрии, одной из богатейших и загадочных стран древнего мира. Все эти памятники в течение многих десятилетий изучаются советскими археологами, причем масштабы и темпы исследований прогрессивно нарастают. Систематически работают в этих районах археологи Института археологии АН УзССР и Института искусствоведения им. Хамзы Министерства культуры УзССР. Изучает буддийские памятники экспедиция Государственного Эрмитажа и Музея искусства народов Востока. С 1972 г. начала работу Бактрийская экспедиция, организованная Ленинградским отделением Института археологии АН СССР и Институтом археологии УзССР. Весьма важной является оперативная информация о результатах широко развернувшихся археологических изысканий. С этой целью предпринято издание предварительных отчетов об археологических работах, проводившихся на территории древней Бактрии. Первым выпуском такого издания и является настоящая книга, включающая в основном сообщения об археологических раскопках 1972 г., и следует надеяться, что эти материалы послужат важным источником для изучения древней истории народов Узбекистана и соседних областей.

Ответственный редактор

В. М. М А С С О Н

ПРОБЛЕМА ДРЕВНЕГО ГОРОДА И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ

(Перспективы исследования)

По мере расширения наших знаний о древней истории Средней Азии становится все явственней большая роль как самих городов, так и вообще процесса урбанизации в эпоху, предшествующую V—VI вв. н. э. В полной мере это относится и к древней Бактрии, северная часть которой в основном лежит в пределах Сурхандарьинской области Узбекской ССР. Уже в середине 30-х годов Термезской комплексной археологической экспедицией был поставлен вопрос о Термезе как о крупном городском центре греко-бактрийского и особенно кушанского периодов (М. Е. Массон, 1940). Разведки, проведенные в 1949—1954 гг. Л. И. Альбаумом, и осуществленные им разведочные раскопки расширили представления о поселениях городского типа Северной Бактрии (Альбаум, 1955, 1960). Но особенно большое значение имело открытие М. М. Дьяконовым в долине Кафирнигана городищ Калаи-Мир и Кей-Кобадшах, завершить начатые раскопки которых, однако, не удалось (Дьяконов, 1953). Впоследствии на территории Юго-Западного Таджикистана был открыт и исследован целый ряд городищ, восходящих, во всяком случае в верхних слоях, к кушанскому времени (Мандельштам, 1964; Юркевич, 1965; Литвинский, Мухитдинов, 1969). Особенно важными следует признать результаты исследований экспедиции, возглавляемой Г. А. Пугаченковой, которая не только выявила первоклассные памятники искусства, но и начала систематические раскопки крупного городского центра — Дальверзин-Тепе (Пугаченкова, 1971а). Опираясь на широкие археологические разведки, существенно продвинувшие составление археологической карты древней Бактрии, Г. А. Пугаченкова поставила ряд общих вопросов развития городской культуры этой страны (1972а). Наконец, следует отметить систематические раскопки в округе столицы Северной Бактрии — городища Старого Термеза — буддийского монастыря Кара-Тепе (Грек и др., 1964; Буддийские пещеры..., 1969) и открытие Л. И. Альбаумом первоклассного буддийского комплекса в этом же районе.

Все эти работы позволяют в целом достаточно разносторонне охарактеризовать городскую культуру древней Бактрии, особенно ее искусство и отдельные виды идеологических представлений. Вместе с тем очевидно, что для всесторонней характеристики проблемы древнего города необходимо расширение круга работ, охват целого ряда новых памятников. С этой целью в 1972 г. была организована силами Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и Института археологии АН УзССР специальная Бактрийская экспедиция. Основные задачи этой экспедиции — многолетние стационарные раскопки одного из круп-

ных городских центров Северной Бактрии и получение массового археологического материала, характеризующего его структуру, древние производства, быт, культуру и общественную организацию непосредственных производителей. При этом следует иметь в виду, что памятники светского и культового искусства хорошо известны по раскопкам Г. А. Пугаченковой, дополняемым материалами Л. И. Альбаума и частично Б. Я. Ставиского. В неотрывной связи с этой задачей стоит вопрос изучения городской округи, предусматривающий раскопки сельских поселений и усадеб и получение материалов для характеристики образа жизни рядовых общинников и реконструкции аграрных отношений.

Весной 1972 г. участниками Бактрийской экспедиции была проведена разведка памятников Северной Бактрии, после чего отряд под руководством аспиранта Ш. Пидаяева приступил к раскопкам некрупных поселений, которые предположительно можно отнести к типу сельских. Осенью 1972 г. отряд под руководством А. Я. Щетенко при участии В. Н. Пилипко и К. Сабирова начал раскопки на городище Зар-Тепе, где производилось вскрытие комплекса, расположенного в центре памятника, и изучение оборонительных сооружений.

Поселения городского типа в Северной Бактрии являлись центрами ирригационных районов, значение которых сохранилось до сих пор, что облегчает выявление и изучение соответствующих объектов. Исследование северного ирригационного района Денау-Шурчи в течение многих лет систематически проводится экспедицией под руководством Г. А. Пугаченковой. В результате этих работ намечена линия развития от поселений на севом орошении периодов поздней бронзы (Миршаде) и раннего железа (Мурад-Тепе) до крупного центра типа зарождающегося города середины I тыс. до н. э. (Кызыл-Тепе), в округе которого расположен ряд мелких сельских поселений (Пугаченкова, 1971б, 1972б). С III—II вв. до н. э. столицей этого ирригационного района становится крупное городище Дальверзин, занимающее по своим размерам в Северной Бактрии второе место после Термеза (Пугаченкова, 1971а).

Четкий подквадратный план городища Дальверзин-Тепе, так же как и Кызыл-Тепе, указывает на целенаправленную деятельность их строителей, предусматривавших регулярную планировку.

В джаркурганском ирригационном районе древним центром является городище Хаитабад-Тепе, образующее в плане многоугольник неправильных очертаний, с четко выделенной цитаделью, видимо, вторично обживавшейся в пору раннего средневековья. На буграх в центре городища встречается средневековая керамика, но проведенные разведочные раскопки показали, что на большей части городища, где по всхолмлениям относительно четко читается древняя планировка, верхний слой содержит строительные остатки позднекушанского времени. Весьма перспективным представляется исследование оборонительных сооружений Хаитабада с ясно прослеживаемыми прямоугольными башнями и гребнем крепостной стены, сложенной из мелкоформатного сырцового кирпича ($30 \times 30 \times 7$; $32 \times 32 \times 10$ см). Вероятно, эта местами обнажившаяся кладка отражает работы по поддержанию укреплений, проводившиеся в последний период существования города, датирующийся, так же как и вскрывавшееся в нем небольшое строение верхнего слоя, позднекушанским временем. Неправильная конфигурация городища, надо полагать, свидетельствует о стихийном процессе формирования поселения, истоки которого скорее всего восходят еще к ахеменидскому периоду.

В этом отношении полную противоположность представляет центр ангорского ирригационного района — городище Зар-Тепе, предварительно исследовавшееся Л. И. Альбаумом (Альбаум, 1955, 1960). Четкий пря-

моугольник крепостных стен, фланкированных башнями, свидетельствует о его принадлежности к типу городских поселений древней Средней Азии, само появление которых есть все основания рассматривать как результат целенаправленной градостроительной политики центральной власти (В. М. Массон, 1966а, стр. 39—40). Строительство Зар-Тепе, возможно, относящееся к греко-бактрийскому или юечжийскому периоду, скорее всего было связано с проведением канала, соответствующего современному Зангу и позволившего создать новый ирригационный район, столицей которого был призван стать вновь отстроенный город. В микрорельефе городища Зар-Тепе прослеживаются всхолмления, образованные руинами крупных строений, остатки гончарных печей, видимо, соответствующие древним производственным центрам, и понижения древних площадей. Начатые раскопки массивного всхолмления, расположенного в центре городища, привели к открытию монументального архитектурного комплекса, лишь частично вскрытого осенью 1972 г. Два обширных зала — один четырехколонный, а другой двенадцатиколонный — и примыкающие к ним менее значительные строения являются частью обширного комплекса, очевидно, дворцового характера. Двенадцатиколонный зал, бывший первоначально проходным, позднее был перестроен: в нем заложен один из двух проходов и возведены в центре два кубообразных возвышения из сырцового кирпича (на их поверхности сохранились следы воздействия огня). Возможно, перестройки свидетельствуют об использовании зала в культовых целях. Найденный на полу этих строений незначительный керамический материал позволяет отнести последний период обживания всего комплекса к позднекушанскому времени.

Древним центром четвертого ирригационного района, каким является область Шерабада, орошение которой строилось на использовании вод Шерабаддарьи, было городище Джандавлат-Тепе. Отсутствием четкой внешней конфигурации оно напоминает Хаитабад-Тепе и отличается от спланированных подквадратных городов типа Дальверзина и Зар-Тепе. Скорее всего это обстоятельство связано с длительным и сложным процессом формирования здесь городского центра. Уже на настоящем этапе изучения можно говорить о достаточно интенсивном освоении района в середине I тыс. до н. э. Так, на склонах самого городища обнаружена керамика типа Яз-Депе III, а при раскопках небольших холмов в его окрестностях на двух из них также был обнаружен аналогичный материал. Один из таких холмов, раскопанный Ш. Пидаевым, содержал остатки мощной пахсовой платформы, вероятно являвшейся основанием какого-то культового строения. Судя по планировке городища Джандавлат-Тепе, его укрепления состояли из нескольких прямых отрезков крепостных стен, видимо ограждавших постепенно разрастающееся поселение. В более высокой, восточной части как будто читается квадратная планировка, могущая означать границы одного из первых поселений. Разведочные раскопки, произведенные в глубокой промоине, располагавшейся на месте бывшего въезда в западной части городища, дали обильный керамический материал, в том числе и серую керамику, наличие которой может указывать на относительно раннюю датировку в пределах кушанской эпохи. Мусорные слои и небольшие керамические вымостки, возможно, связаны с проходившей здесь улицей-спуском. Среди костных остатков животных нет костей бухарского оленя, присутствие которого на Хаитабаде может быть объяснено обширными тугаями, еще сохранявшимися в кушанское время на Сурхандарье, расположенной неподалеку от этого городища.

Использование северобактрийских археологических материалов для изучения проблемы древнего города предполагает прежде всего высокую

степень их систематизации на унифицированной основе, включающей как способы первичной фиксации, так и понятийную сетку и способы обработки. С этой целью уже при учете памятников была применена система единой шифровки. Результаты такого предварительного учета приведены в статье Э. В. Ртвеладзе (см. ниже, стр. 74). Была разработана предварительная система унифицированной терминологии для обозначения керамических форм с введением в качестве критериев цифровых параметров (стр. 88). Значительные трудности представляет такая существенная сторона интерпретации археологических материалов, как вопросы датировки, связанные с проблемой кушанской хронологии, сложность которой хорошо известна (Т. Зеймаль, 1969). При существующей тенденции распространить максимально позднюю дату Канишки на археологические материалы образуется ощутимая лакуна в истории Бактрии III—II вв. до н. э., особенно учитывая все увеличивающееся число известных памятников предшествующей эпохи. Оставляя на будущее развернутое рассмотрение темы «кушанская хронология и бактрийская археология», отметим, что в свете многих соображений наиболее перспективным представляется помещение начала эры Канишки в начало II в. н. э., как это предлагается Нараяном, Розенфилдом и целым рядом других исследователей.

Обратимся теперь к некоторым общим вопросам изучения древних среднеазиатских городов и возможностям использования при этом археологических материалов Северной Бактрии.

Открытия последних лет показывают, что северобактрийские памятники могут быть использованы при рассмотрении проблемы древнейших этапов процесса урбанизации в Средней Азии. Так, поселение Сапалли-Тепе, открытое Л. И. Альбаумом и детально изучаемое А. Аскаровым, свидетельствует о распространении в середине II тыс. до н. э. в областях к северу от Амударьи высокоразвитой оседлоземледельческой культуры, имеющей близкую перекличку с южнотуркменистанскими комплексами типа Намазга V и Намазга VI, особенно с мургабским вариантом последнего (Альбаум, 1969; Аскаров, 1972, 1973; В. М. Массон, 1959). Исследования Г. А. Пугаченковой показали, что аналогичная культура была распространена и по среднему течению Сурхандарьи (1972в). Здесь в районе Миршаде имеется довольно крупный памятник эпохи бронзы — Муллали-Тепе, частично перекрытый аллювиальными наносами. Обнажения культурного слоя мощностью до 1.5—2 м тянутся вдоль частично срезавшего памятник оврага на расстояние около 200 м, а случайные находки керамики при рытье колодца позволяют предполагать, что в поперечнике поселение имело не менее 400 м. Находимые в обнажении фрагменты керамики, в том числе обломки керамической подставки с процарапанным знаком, поразительно близки южнотуркменистанским материалам. Идентичные памятники были открыты советско-афганской экспедицией и к югу от Амударьи, что как бы намечает границы Бактрии эпохи бронзы как культурно-исторической общности (Аскаров, 1973).

Новые материалы со все большей убедительностью показывают, что истоки процесса урбанизации Средней Азии, по крайней мере для южных ее районов, следует искать в памятниках эпохи бронзы. С нашей точки зрения, можно говорить о двух эпохах в урбанизации Средней Азии — древневосточной (конец III—середина I тыс. до н. э.) и античной (III в. до н. э.—IV в. н. э.). На территории Южного Туркменистана формирование раннегородских центров отмечено уже для конца III—первой четверти II тыс. до н. э., как об этом свидетельствуют результаты изучения руин Намазга-Депе и особенно Алтын-Депе (В. М. Массон, 1967б, 1970). Данный процесс был тесно связан с кон-

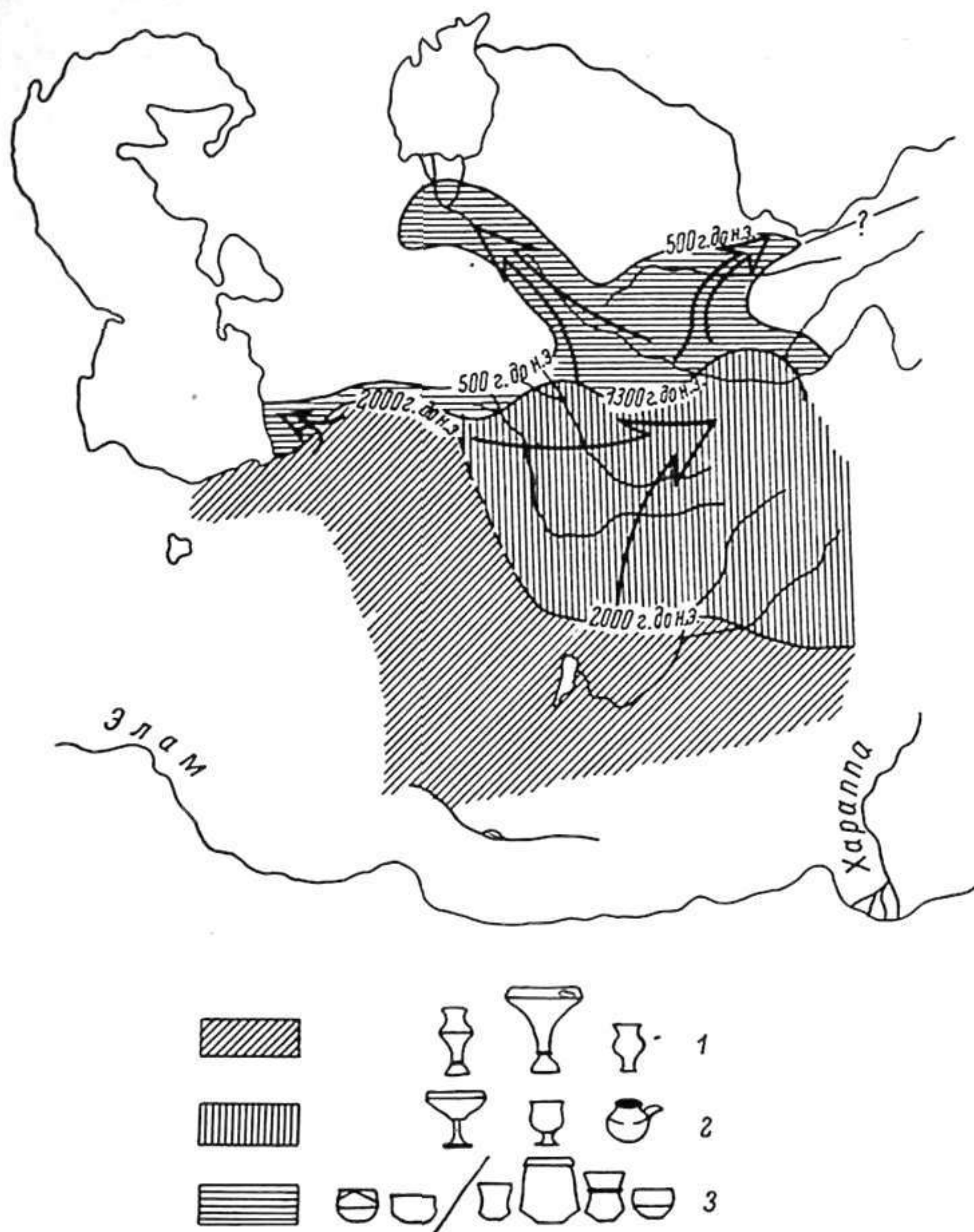
центрацией земледельческого населения в этих центрах и с развитием ремесел, образующих на их территории мощные производственные единицы (Масимов, 1973). При этом Алтын-Депе поглотило жителей ближайших поселений, еще существовавших рядом с ним в период позднего энеолита. Функция города как единого организма и идеологического центра привела к сложению культового комплекса с монументальной архитектурой и обширной жреческой гробницей. Фортификация таких раннегородских центров примитивная и упрощенная, общая аморфная планировка отражает стихийный процесс их формирования на базе раннеземледельческих поселений эпохи энеолита. Вместе с тем характерен высокий уровень этой раннегородской культуры, в целом единый для всей зоны городских цивилизаций второго порядка, расположенных между Шумером и Индией.

В середине и второй половине II тыс. до н. э. наблюдается экспансия урбанизированной культуры древневосточного типа в Маргиану (Аучин, Тахирбай 3), в Северную (Сапалли, Муллали) и Южную Бактрию (группы памятников у Давлетабада и у Акча). Распространенный здесь тип небольших поселений строгого планировочно-фортификационного канона в виде квадратных крепостей с башнями определен скорее всего структурой и размерами обосновавшихся в них общественных единиц и политической ситуацией, в которой происходила эта экспансия. Генетически предшествующие памятники пока лучше всего изучены в подгорной полосе Южной Туркмении, но нет оснований замыкать предполагаемую метрополию бактрийских пионеров цивилизации столь узкими территориальными рамками. В этом отношении особый интерес представляет открытие в Шахри-Сохте, в иранском Сеистане, экспедицией под руководством М. Този катакомбных захоронений с многочисленной керамикой в качестве сопровождающего инвентаря. Этот тип погребений хорошо известен для Бактрии в результате раскопок А. Аскарова и совершенно отсутствует в Южном Туркменистане.

В первой трети I тыс. до н. э. процессы урбанизации на юге Средней Азии усиливаются (см. рисунок). Центрами оазисов, базирующихся на небольших речках или замкнутых ирригационных системах, становятся крупные поселения с цитаделями. Широкое распространение получает прием возведения мощных платформ как для цитаделей, так и для отдельных зданий. Вместе с тем в Парфии, Маргиане и Бактрии отмечается частичная внешняя варваризация культуры, нашедшая наиболее яркое выражение в распространении лепной керамики, нередко украшенной росписью типа Яз-Депе I. Это обстоятельство явно указывает на сложную этническую ситуацию данного периода, но, возможно, наряду с поисками керамической прародины (Сарианиди, 1973) следует поставить вопрос о распространении соответствующих комплексов в результате культурной интеграции, столь характерной для обществ, переживающих урбанизационные процессы. Во всяком случае для середины I тыс. до н. э., когда заканчивается эпоха экстенсивного расширения территории городской культуры в Средней Азии, культурная интеграция в строительном деле и в керамическом производстве проявляется особенно ярко.

В античную эпоху урбанизация Средней Азии характеризуется интенсификацией этого процесса, что нашло отражение, в частности, в политике сознательного градостроительства. К данной эпохе и относятся памятники, исследованные Бактрийской экспедицией. При их изучении большое значение имеет проблема города и округа, соотношения центров городского типа и более мелких, в том числе сельских, поселений. Уже Г. А. Пугаченкова обратила внимание на наличие в оазисах Северной Бактрии крупных городских центров, в соподчинении которых, видимо,

находились малые городки и селения. Выше были кратко охарактеризованы некоторые ведущие городские центры амударьинского правобережья. Структурно такая оазисная хозяйственно-политическая система напоминает картину, устанавливаемую в результате археологических работ и анализа письменных источников для Месопотамии III—II тыс.

Распространение городской культуры в Средней Азии в древний период.

1 — 2100—1750 гг. до н. э.; 2 — 1750—650 гг. до н. э.; 3 — 650—350 гг. до н. э.

до н. э. (И. М. Дьяконов, 1969). Здесь основной хозяйственно-политической единицей (номом) была группа населенных пунктов, тяготеющих к одному или к двум-трем взаимосвязанным центрам, а также к одному магистральному каналу или к определенному участку русла реки, воды которой служили для орошения. Характер расселения в пределах этих единиц, наличие или отсутствие укреплений и другие особенности во многом зависели от конкретной политической ситуации. Вполне вероятно, что в ходе хозяйственно-градостроительной деятельности бакт-

рийских властей заново создавались хозяйственно-политические единицы путем проведения магистрального канала и строительства городского центра. Примером создания микрооазиса без городского центра является проведение канала и основание трех поселений в Бишкентской долине в первых веках н. э. (Мандельштам, 1964). В более крупных масштабах это было осуществлено в Вахшской долине при создании джуйбарской ирригационной системы с городищами Кухна-Кала и Кум-Тепе (Т. Зеймаль, 1969). Не исключено, что аналогичным было и происхождение оазиса Зар-Тепе, городской центр которого кратко характеризовался выше.

Мелкие, или сельские, поселения Бактрии изучены лишь в очень слабой степени. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что многие из них не только укреплены, но и просто представляют собой как бы город в миниатюре, с подквадратной планировкой, со слегка обособленным участком цитадели, с крепостными стенами, фланкированными башнями. Возможно, что это связано не с напряженной военно-политической ситуацией внутри Кушанской державы, которая известна своими внешними войнами, а с определенной системой социально-политической иерархии. Показательна поразительная унификация облика культуры крупных центров и мелких поселений, проявляющаяся прежде всего в таких массовых археологических материалах, как терракота, керамика и монеты. В этом явлении можно видеть выражение процесса культурной интеграции, характерного для обществ высокой урбанизации, а в условиях конкретных оазисов — отражение связей между общинами, опосредствованными через город как составной элемент системы город—село (Долгий, Левинсон, 1971).

Но, разумеется, главным элементом этой системы был сам город, который и должен находиться в центре внимания исследователей. Здесь первостепенное значение имеет определение самого понятия «город». И. М. Дьяконов характеризует город как центр тяготеющей к нему округи и центр специализированного ремесла, товарного и иного обмена, а также накоплений (1969). Вероятно, к этой характеристике, в целом достаточно общей и широко распространенной, следует добавить определение «крупный центр» (В. М. Массон, 1966б, стр. 164). Сразу же, естественным образом, встает вопрос о количественных критериях самого понятия «крупный центр». Как известно, Г. Чайлд предлагал считать городом населенный пункт, обладающий, помимо прочих признаков, числом жителей в 5000 человек и более. Это, может быть, и справедливо для Месопотамии, где высока плотность земледельческого населения, но в других ареалах явно требует выделения категории небольших городков со значительно меньшим числом жителей (В. М. Массон, 1967а, стр. 91—92). По Г. Франкфурту, плотность населения в древних городах Месопотамии около 400 человек на 1 га (Frankfort, 1950, p. 103). При подобной оценке число жителей Кей-Кобадшаха должно было бы составлять около 3500 человек, Саксанохура — около 2000, Зар-Тепе — около 6500 человек. Однако в каждом случае необходимо корректировать эти общие оценки конкретными расчетами плотности застройки городищ и индивидуальным обликом памятников. Так, для Дальверзин-Тепе площадью в 28 га следует учитывать его относительно рассредоточенную застройку и наличие внутри городских стен производственных участков, занятых, например, керамическими горнами. Наоборот, одноименный памятник, изучаемый в Южной Бактрии советско-афганской экспедицией, имеет нуклеарную площадь в 12 га, на которой расположено значительное число нежилых строений, но вместе с тем к нему примыкают достаточно обширные пригороды. Следует надеяться, что масштабные раскопки бактрийских городов позволят выработать количественные критерии, учитывающие локальную специфику исследуемых объектов.

При определении города следует учитывать также и древнюю понятийную сетку, но с поправкой на определенное отставание «народной модели» от реально существующего положения вещей. Это обстоятельство достаточно определенно проявляется в отношении города. Соответствующего термина нет в «Авесте», отсутствует он и в Северо-Западной Индии времени, предшествующего походам Александра Македонского, хотя наличие городов в этой области, по уровню развития весьма близкой к Бактрии, сомнений не вызывает. У известного санскритского грамматика Панини и для поселений, и для городов употребляется один и тот же термин — «грама» (Бонгард-Левин, Ильин, 1969, стр. 324). Наоборот, греки, попавшие в Среднюю Азию с хорошо развитыми представлениями о противоположности города и деревни, сразу разглядели близкие различия в местной среде, что нашло отражение в текстах грекоязычных писателей (Пьянков, 1969). Не приходится сомневаться в том, что часть жителей древних городов не порывала своих связей с сельским хозяйством, о чем имеются прямые указания письменных источников, в частности «Артхашастры» (Бонгард-Левин, Ильин, 1969, стр. 556, прим. 51). Однако не их наличие определяло специфику городских центров.

С точки зрения структурно-функционального анализа древний город может рассматриваться как единая целостная система, в которой составляющие элементы (планировка, размеры, производственные центры, монументальные строения, городская культура и т. д.) представляют собой не внешние по отношению друг к другу объекты, а взаимосвязанные части этой системы, получающей благодаря таким связям принципиально новые качества. Следует учитывать, что археологам большей частью приходится иметь дело с внешними элементами города как системы, что составляет специфику урбанархеологии.

Остановимся кратко на некоторых из этих составных элементов. Не оставляет сомнений наличие жесткой связи между величиной городского центра и характером расположенных в нем памятников монументальной архитектуры, выражающих функцию города как политического и идеологического центра. Это характерная черта кушанского градостроительства. Даже в таком небольшом городке, как Саксанохур, представлен обширный дворцово-храмовый комплекс. Детальное исследование сооружений этого типа должно способствовать решению вопроса, имеем ли мы в данном случае дело с резиденцией правителя или с местопребыванием своеобразного чиновничьего магистрата, управлявшего, согласно античной традиции, городами древней Индии. Как сообщает Страбон, в Индии «блюстители городского порядка делятся на 6 групп по 5 человек», причем каждая из групп ведала определенной сферой городской жизни — ремеслом, торговлей, сбором налогов и т. п. (Strabo, XV, 1, 51). В настоящее время определенные материалы о внутренней структуре древнебактрийских городов дают лишь раскопки Г. А. Пугаченковой на Дальверзин-Тепе. Здесь выделяются монументальные жилища знати, первоначально характеризовавшиеся даже как дворцовые строения (Пугаченкова, 1971б, 1972б). Сосредоточенные в особом квартале, эти постройки своей внушительностью и масштабами напоминают дома знати урартского Аргиштихинили и согдийского Пенджикента. Налицо бесспорная социальная поляризация типов застройки, находящая количественно осязаемое выражение. На том же памятнике топографически выделяется квартал гончаров, в котором были сосредоточены обжигательные печи. Аналогичные производственные центры имеются и на целом ряде других городищ — на Зар-Тепе, на южнобактрийском Дальверзине, на небольшом Саксанохуре. Для последнего особенно характерна традиционная преемственность сохранения гончар-

ного производства на протяжении трех строительных горизонтов (Литвинский, Мухитдинов, 1969, стр. 161). Как известно, материально-пространственная среда города навязывает устойчивые образцы сменяющимся поколениям, способствуя воспроизводству сложившихся социальных структур (Долгий, Левинсон, 1971, стр. 97—98). Эта черта городских поселений становится особенно заметной при последовательном вскрытии культурных напластований древних городов.

Однако между установлением наличия соответствующего элемента города и его социологической интерпретацией лежит ответственный и малоработанный участок реконструктивных процедур, осложняемых поливариантностью исторических явлений. Так, если опираться на данные письменных источников, характеризующих ремесла древней Индии, можно в равной мере видеть в этих археологически устанавливаемых кварталах гончаров либо следы деятельности корпораций ремесленников — шрени с их наследственной локализацией ремесла, с собственным уставом и строгим уставом, либо остатки гончарных мастерских, принадлежавших частному лицу и обслуживавшихся подневольными лицами, получающими каждое утро пищу вместо жалованья. Судя по праву хозяина распоряжаться жизнью этих людей, они скорее всего были рабами (Бонгард-Левин, Ильин, 1969, стр. 355—356).

В настоящее время получены интересные материалы, характеризующие древнебактрийский город как культовый и идеологический центр. При этом выясняется большая роль буддизма, оставившего в городах яркие культовые памятники, с энтузиазмом раскапываемые археологами. Хорошо известны буддийские памятники столицы Северной Бактрии — древнего Термеза. Это и буддийский пещерный монастырь Кара-Тепе, и ступа Зурмала, и небольшой, но богатый наземный монастырь Фаяз-Тепе. Заметной была роль буддизма и в менее значительных городских центрах. Так, буддийское святилище обнаружено Г. А. Пугаченковой в окрестностях Дальверзин-Тепе; в южнобактрийском Дальверзине буддийские росписи в городском храме перекрывают более ранние (Дюоскуров), буддийская кумирня возникает и вне городских стен. Это явление, как нам кажется, связано с функцией буддизма, особенно в махаянистском варианте, как идеологии урбанизирующегося общества. Как известно, буддизм выработал новый взгляд на личность, значительное развитие которой в условиях городской культуры общеизвестно. Уравнение людей хотя бы в духовной области, упрощение махаянистским толком «пути к спасению» способствовало превращению буддизма в подлинно массовую религию, популярную в среде непосредственных производителей и удобную для городского патрициата. Как отмечают историки древней Индии, там влияние буддизма преобладало в экономически развитых частях страны, в основном в крупных городах и в прилегающих к ним районах, и «поэтому упадок городов в послегуптский период способствовал и упадку буддизма. В деревню буддизм проник в меньшей мере. Сельские общины продолжали придерживаться своих традиционных верований, поклонялись прежним богам» (Бонгард-Левин, Ильин, 1969, стр. 606). Рассмотрение буддизма в качестве идеологии урбанистического общества может способствовать объяснению его широкого распространения в древней Бактрии при использовании кушанской администрацией популярности новой религии.

Городская культура древней Бактрии и Кушанская держава — это последний аспект затронутой проблемы, на котором нам хотелось бы остановиться в настоящем кратком обзоре. Археологические исследования не оставляют сомнений в том, что именно на кушанский период приходится расцвет городской культуры древней Бактрии, демонстрируемый как значительным числом городских центров, так и высоким

уровнем урбанизированной культуры, распространившейся на все населенные пункты, как мелкие, так и крупные. Новые теоретические разработки показывают, что процесс урбанизации был сложным явлением, не сводимым только к росту городского населения или увеличению числа городов. По мнению некоторых исследователей, урбанизация может быть понята как «процесс развития концентрации, интенсификации общения, как процесс интеграции все более разнообразных форм практической жизнедеятельности ... Присущая урбанизации тенденция к концентрации и интенсификации общения наиболее ярко проявляется в создании городов как центров дальнейшего развития урбанизации» (Ахиезер и др., 1969, стр. 44). Следует обратить особое внимание на развитие соответствующих явлений в Кушанской державе, создавшей условия политической стабильности и интеграции, давшие в целом ситуацию, в высшей мере благоприятную для проявления урбанистических тенденций. Нам кажется, что рассмотрение Кушанской империи как урбанистической цивилизации позволит глубже понять ее особенности и место в историческом процессе. Как отмечают исследователи, в аршакидской Армении, например, города являлись важнейшей опорой царской власти, которая и стремилась к их укреплению (Саркисян, 1955, стр. 59). Без учета активной градостроительной политики центральной власти нельзя понять появление в кушанскую эпоху значительного числа четко спланированных укрепленных поселений городского типа. Истоки такой политики имеют глубокие предпосылки в градостроительной деятельности Александра Македонского и его наследников и даже в деятельности властителей ахеменидской эпохи (Кирополь на Сырдарье, городища Кызыл-Тепе в Северной Бактрии и Алтын-Тепе в Южной). Однако отчетливо наблюдаемый археологией расцвет городов именно в кушанский период не может не обратить на себя пристального внимания.

Л и т е р а т у р а

- Ахиезер А. С., Л. Б. Коган, О. И. Яницкий. 1969. Урбанизация, общество, научно-техническая революция. ВФ, № 2.
- Альбаум Л. И. 1955. Некоторые данные по изучению Ангорской группы археологических памятников (1948—1949). ТИИА АН УзССР, т. VII, Ташкент.
- Альбаум Л. И. 1960. Балалык-Тепе. Ташкент.
- Альбаум Л. И. 1969. Памятник эпохи бронзы на территории Сурхандарьи. ОНУ, № 5.
- Аскарлов А. 1972. Раскопки на поселении Сапалли-Тепе. АО 1971 г. М.
- Аскарлов А. 1973. К вопросу о выделении культуры Сапалли. Тез. докл. сессии, посв. итогам археологических иссл. 1972 г. в СССР. Ташкент.
- Бонгард-Левин Г. М., Г. Ф. Ильин. 1969. Древняя Индия. М.
- Буддийские пещеры Кара-Тепе в Старом Термезе. 1969. М.
- Грек Т. В., Е. Г. Пчелина, Б. Я. Ставиский. 1964. Кара-Тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. М.
- Долгий В. М., А. Г. Левинсон. 1971. Архаическая культура и город. ВФ, № 7.
- Дьяконов М. М. 1953. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадан). МИА, № 37, М.—Л.
- Дьяконов И. М. 1969. Проблемы города в Вавилонии II тыс. до н. э. Тез. докл. Всесоюз. симпозиума «Город и торговля Древнего Востока III—I тыс. до н. э.». Ереван.
- Зеймаль Е. В. 1968. Кушанская хронология. М.
- Зеймаль Т. И. 1969. Вахшская долина в древности и раннем средневековье. Автореф. канд. дисс. Л.
- Кругликова И. Т., В. И. Сарнианиди. 1972. Советско-афганская археологическая экспедиция. АО 1971 г. М.
- Литвинский Б. А., Х. Мухитдинов. 1969. Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан). СА, № 2.
- Мандельштам А. М. 1964. К истории Бактрии-Тохаристана. КСИА, в. 98, М.
- Масимов И. С. 1973. Гончарное производство раннегородского центра эпохи бронзы. Тез. докл. на сессии, посв. итогам археологических иссл. 1972 г. в СССР. Ташкент.

- Массон В. М. 1959. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, № 73, М.—Л.
- Массон В. М. 1966а. Страна тысячи городов. М.
- Массон В. М. 1966б. От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества. VII Междунар. конгр. доисториков и протоисториков. Докл. и сообщ. археологов СССР. М.
- Массон В. М. 1967а. Становление раннеклассового общества на Древнем Востоке. ВИ, № 5.
- Массон В. М. 1967б. Протогородская цивилизация юга Средней Азии. СА, № 3.
- Массон В. М. 1970. Раскопки на Алтын-Десе в 1969 г. Ашхабад.
- Массон М. Е. 1940. Термезская археологическая комплексная экспедиция. КСИИМК, в. 8, Л.
- Пугаченкова Г. А. 1971а. Новое в изучении Дальверзин-Тепе. СА, № 4.
- Пугаченкова Г. А. 1971б. Археологические исследования Узбекистанской искусствоведческой экспедиции. АО 1970 г. М.
- Пугаченкова Г. А. 1972а. Культура бактрийских городов в свете исследований в Южном Узбекистане. Тез. докл. на сессии и пленумах, посв. итогам полевых иссл. в 1971 г. М.
- Пугаченкова Г. А. 1972б. Работы Узбекистанской искусствоведческой экспедиции. АО 1971 г. М.
- Пугаченкова Г. А. 1972в. Новый памятник древнебактрийской культуры. В кн.: Успехи среднеазиатской археологии. I. Л.
- Пьянков И. В. 1969. Город Средней Азии ахеменидского времени по данным античных авторов. Тез. докл. Всесоюзн. симпозиума «Город и торговля Древнего Востока III—I тыс. до н. э.» Ереван.
- Сарганиди В. И. 1973. Восточнохорасанская культура расписной керамики Афганистана. КСИА, в. 136, М.
- Саркисян Г. Х. 1955. Из истории городской общины в Армении. ВДИ, № 3.
- Юркевич Э. А. 1965. Городище кушанского времени на территории Северной Бактрии. СА, № 4.
- Frankfort H. 1950. Town Planning in Ancient Mesopotamia. Town Planning Review, v. 21.

У. ИСЛАМОВ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО КАМЕННОМУ ВЕКУ ЮЖНОГО УЗБЕКИСТАНА

Для юга Узбекистана характерно сочетание горных хребтов и речных долин. Наиболее значительная из последних — долина Сурхандарьи — начинается южнее селения Дерханабад. Здесь Большой Узбекский тракт идет по долине р. Кан (левый приток Кичик-Урядарьи). Дорога все время неуклонно поднимается. За селением Акрабат она, наконец, взбегает на водораздел между бассейнами рек Гузардарьи и Шерабаддарьи. Со всех сторон вокруг Акрабатского перевала громоздятся невысокие, но резких очертаний горы — крайние юго-западные отроги Байсунского хребта, или Байсунтау, сложенные разноцветными горными породами: белыми, зеленоватыми, красными. Особенно эффектно плоские, слабо наклоненные в одну сторону плиты желтовато-белых известняков. Перепиливая их, временные водные потоки образуют узкие и глубокие долины. Главная магистраль огибает хребет Сарымас и проходит в долину Шуробсай через мягкие холмистые возвышенности, сложенные породами, содержащими каменную соль и гипс. Они легко растворимы и вымываются подземными водами, поэтому в Шуробской долине много пещер, воронок, провалов (Смирнов, Цапенко, 1958). Горы высотой 1000—1500 м, похожие на те, что видны с перевала Акрабат, тянутся далеко на юг и восток. Склоны их покрыты невысокой травой, хорошо растущей на каменистой и засоленной почве.

На огромных пространствах междуречья Кичик-Урядарьи и Шерабадарьи нет постоянных водотоков. Летом только жалкие ручейки соленой воды струятся по дну наиболее крупных долин Шуробсая, Сайрабсая и нек. др. Повсюду следы бурной деятельности воды: глубокие русла, подмытые склоны возвышенностей, нагромождения гальки, песка и глины. Эта работа частых и мощных селевых потоков, особенно буйствующих в весеннее время.

Населенные пункты расположены преимущественно около редких родников пресной воды. Один из них — небольшое селение Сайраб. Вскоре за Сайрабом дорога выходит в долину среднего течения Шерабадарьи, самого крупного после Сурхандарьи притока Амударьи. Начинается она под названием Мачайдарьи (Тургандарьи) в горах Байсунтау. Долина Мачайдарьи сравнительно широкая. По ее правому берегу располагаются слабо расчлененные средней высоты горы, а над левым берегом стремительно уходят ввысь гигантские известняковые плиты, как бы бронирующие северо-западные склоны хребта Байсунтау. В долине приютились селения, состоящие всего из нескольких глинобитных домиков. Самые большие из них — Паст-Мачай и Юкары-Мачай. На окраине Юкары-Мачай находится ущелье Заутолошсая. В его высоких крутых склонах видны небольшие отверстия, ниши, гроты, пещеры. Во многих из них обнаружены следы стоянок каменного века.

Мировую известность получил грот Тешик-Таш — широкая, почти овальная ниша.

Изучение эпохи каменного века на территории юга Узбекистана до второй половины 30-х годов XX в. носило характер фиксации и учета отдельных находок и памятников. В 1933 г. Я. Г. Гулямовым — членом Термезской экспедиции (руководитель М. Е. Массон) — при ознакомлении с городищем Айртам были найдены кремневые изделия эпохи мезолита (Массон, 1939; Окладников, 1949; Парфенов, 1961).

Систематическое и планомерное исследование археологических памятников, относящихся к каменному веку, началось в основном с конца 30-х годов XX в. Впервые в 1937 г. в состав Термезской экспедиции был включен археологический отряд по изучению памятников каменного века на территории Средней Азии, возглавляемый А. П. Окладниковым. Во время работ этого отряда в долине Тургандарьи были обнаружены интереснейшие местонахождения, датируемые каменным веком: Катта-Сули-Камар, Зарапчак-Гут, Дозаны-Хона, Амир-Темир, Тешик-Таш и др. (Окладников, 1945, 1949). Пристальное внимание исследователей привлекали раскопки древнейшей пещеры Тешик-Таш, расположенной на северо-западном склоне Байсунтау, в 18 км от районного центра Байсун Сурхандарьинской области. Высота ее у входа 7 м, а ширина 20 м. Вглубь вдается на 21 м. В потолке большая трещина, от которой она и получила свое название (Тешик-Таш — «камень с отверстием», или «дырявый камень»). Изучение этой пещеры было продолжено в 1937—1939 гг. В результате здесь были обнаружены богатейшие культурные остатки мустьерской эпохи, включающие кремневые изделия, фауну, а также кости неандертальского человека. Кроме того, Г. В. Парфеновым было зарегистрировано в Байсунском районе несколько пунктов пещерных стоянок и раскопана пещера Мачай (Массон, 1939).

Однако сложилось такое положение, что после раскопок Тешик-Таша, проведенных в 1938 г. А. П. Окладниковым, долгое время археологические исследования каменного века на этой территории не проводились. Лишь за последние 10 лет число специалистов по каменному веку Узбекистана значительно возросло, расширился и масштаб полевых работ.

В данной статье мы намерены кратко изложить результаты раскопочных и разведочных работ, осуществленных в 1969—1971 гг. в разных местах Сурхандарьинской области (рис. 1).

В 1970—1971 гг. Сурхандарьинский палеолитический отряд под руководством автора настоящей статьи осуществил раскопки в пещере Мачай. Стоянка располагается на правом берегу Мачайдарьи между селениями Юкары-Мачай и Паст-Мачай, в 4 км к северо-востоку от знаменитого Тешик-Таша (Исламов, 1972а, 1972б).

Пещера Мачай впервые была исследована в 1938—1942 гг. Г. В. Парфеновым (История народов Узбекистана, 1950, стр. 20—21). Однако

Рис. 1. Схема расположения памятников эпохи мезолита Средней Азии.

основные находки этих лет оказались утерянными, так же как планы и разрезы. Ныне имеются лишь немногочисленные каменные и костяные орудия, хранящиеся в Республиканском историческом музее в Ташкенте. Тем не менее о пещерной стоянке Мачай писали много, хотя никто не мог достаточно точно датировать ее: нижние слои относили к эпохе мустье, а верхние — к верхнему палеолиту (История Узбекской ССР, 1955). А. П. Окладников и А. А. Формозов по материалам, имеющимся в Термезском музее, датировали этот памятник мезолитическим временем. Чтобы выяснить, к какой же эпохе он принадлежит, необходимо было произвести здесь повторные раскопки.

В свое время Г. В. Парфеновым не были исследованы центр и передняя часть пещеры, перекрытые огромными блоками, каждый весом до 1—2 т (рис. 2, 3). Причем было неясно, когда произошел обвал — еще до того, как здесь жили древние люди, или же позднее. Чтобы начать новое исследование пещеры, пришлось расчистить завал, для этого был применен взрывной метод.

Под завалом был обнаружен суглинистый слой небольшой мощности, содержащий единичные каменные и костяные изделия, а также кости животных. Ниже снова располагались огромные блоки, которые пришлось удалять. Под ними залегал суглинистый рыхлый слой мощностью 0.3 м. В нем также были обнаружены каменные орудия и кости животных. В центральной и приустьевой частях пещеры был заложен

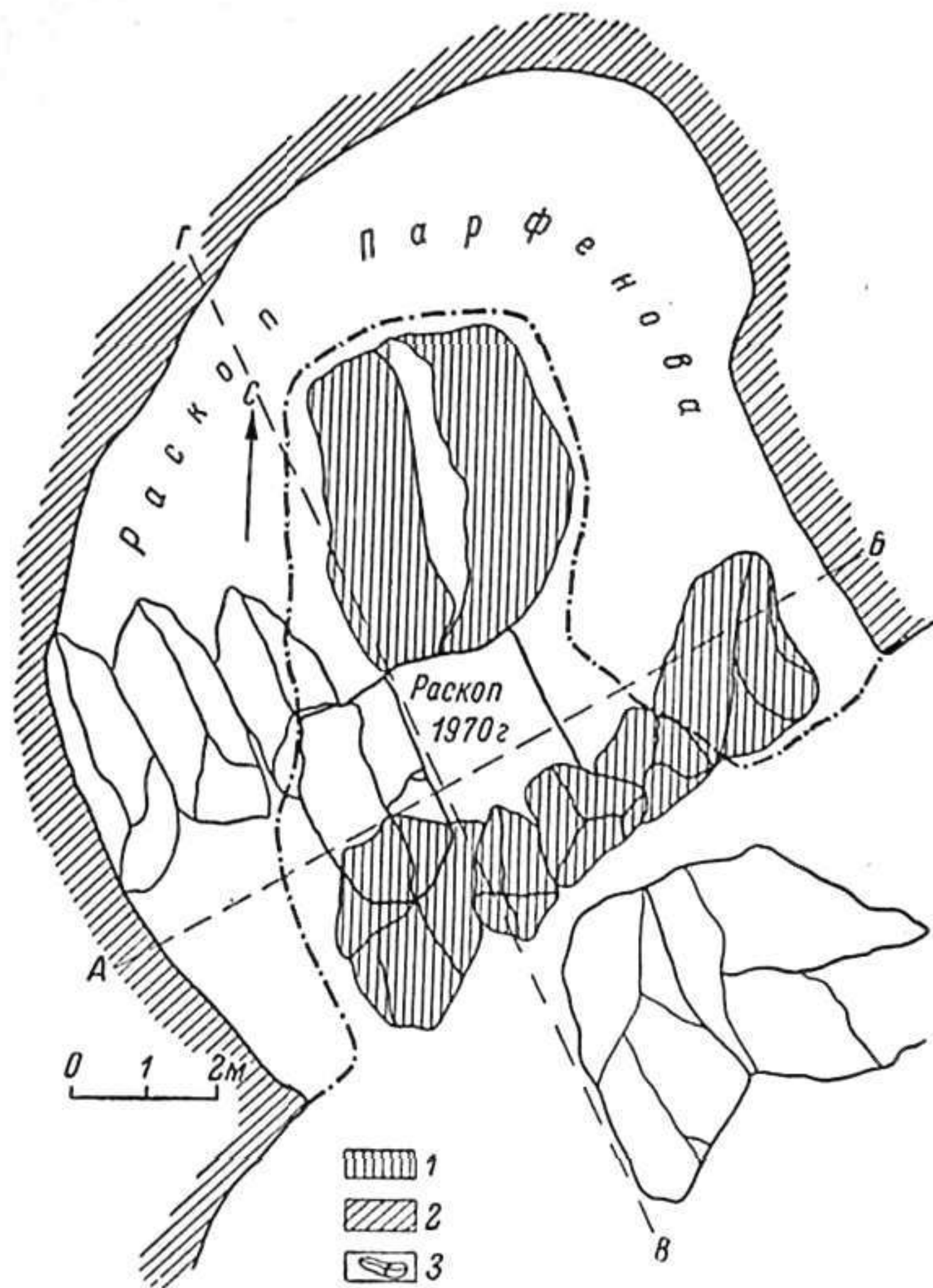

Рис. 2. Мачайская пещера. План.

1 — глыбы камня в верхней части пещеры; 2 — скала; 3 — глыбы камня, обнаруженные после взрыва.

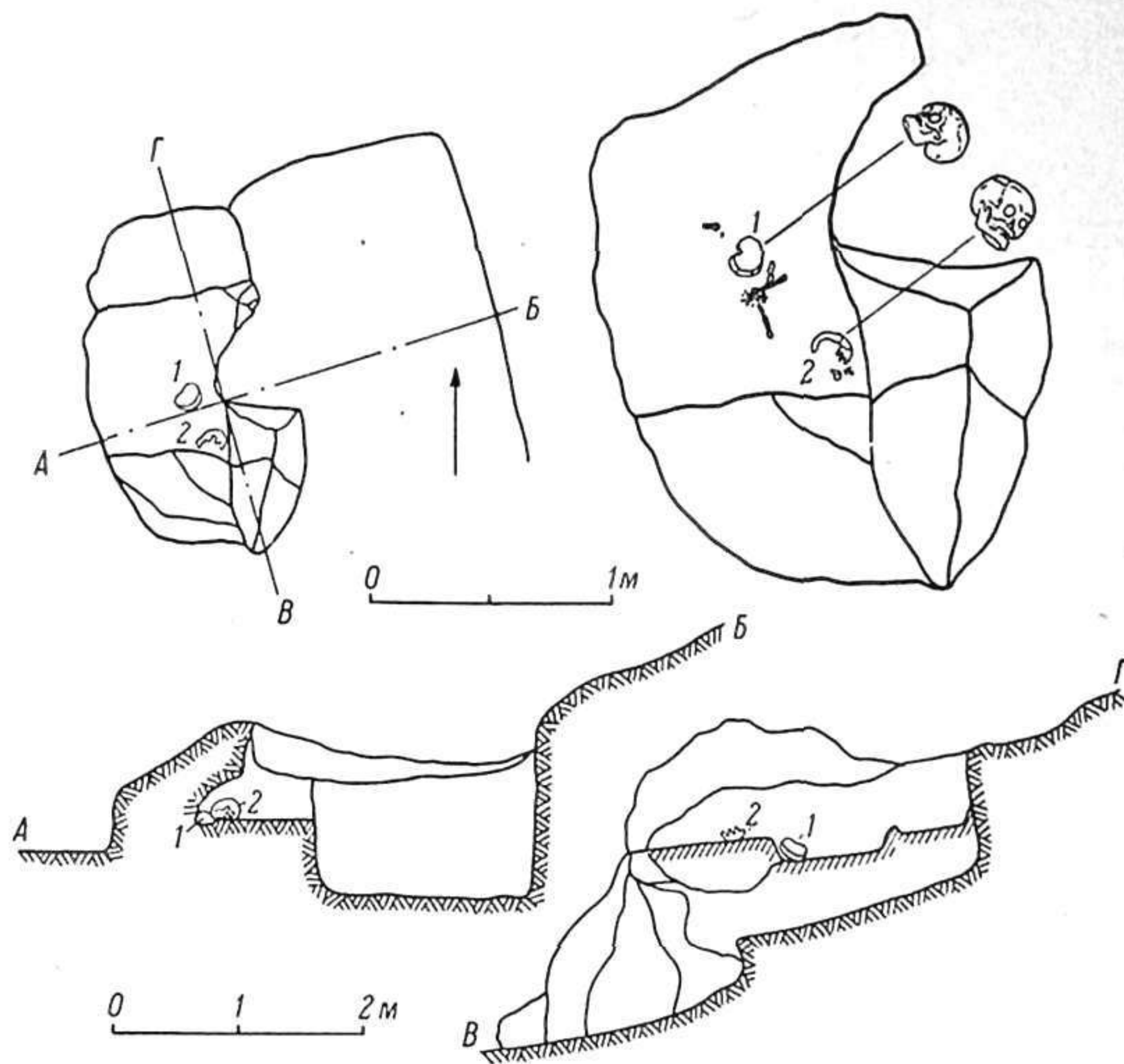

Рис. 3. План пещеры Мачай (кв. Ж-1-2-3).

1, 2 — места находок черепов.

раскоп площадью 10 кв. м. В центре его обнаружены зубы и часть человеческой челюсти (рис. 4, 1, 2). Весь вскрытый участок был обильно насыщен древесными угольками. Видимо, когда-то здесь находились очаги, сооруженные первобытными людьми.

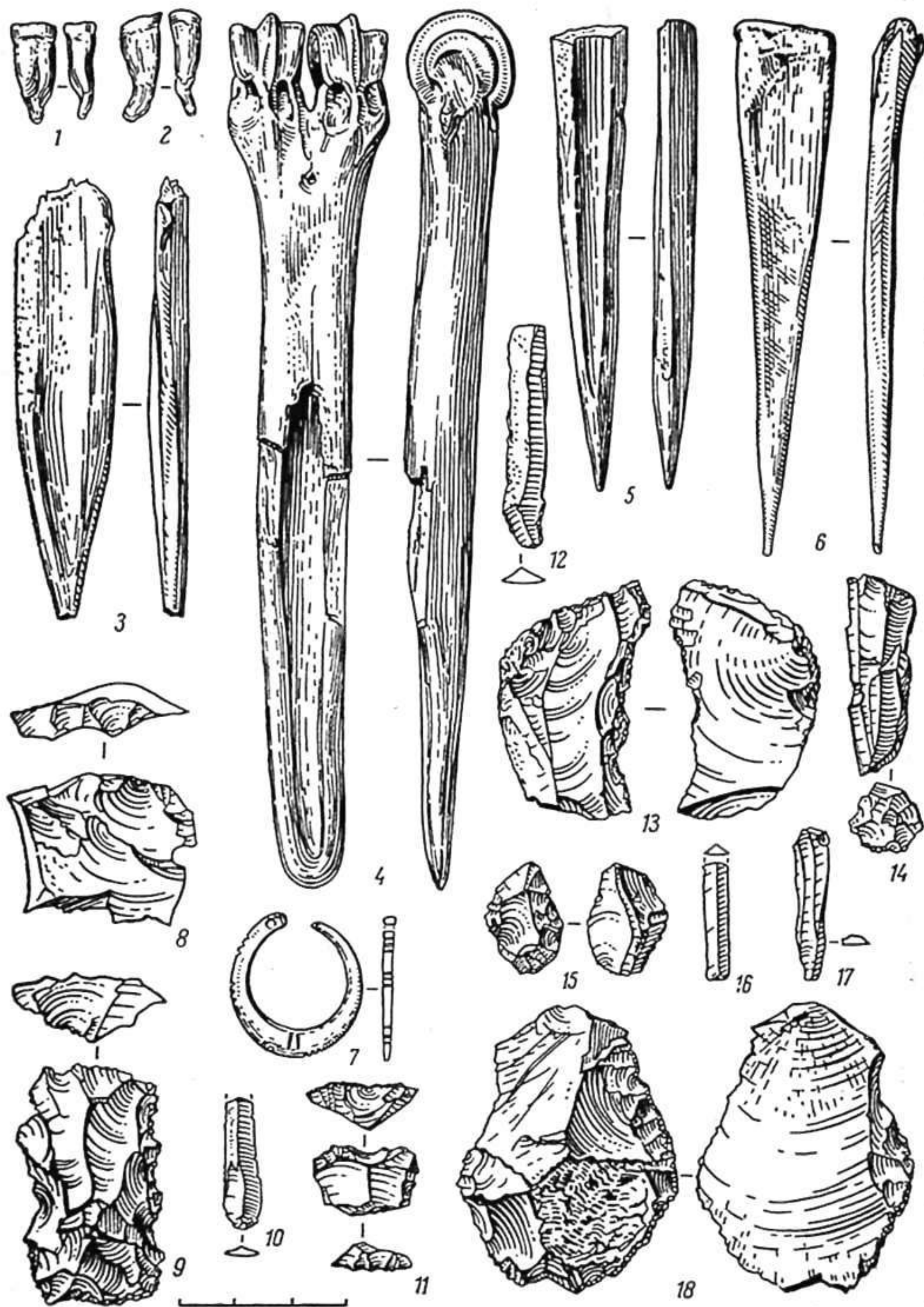

Рис. 4. Пещера Мачай. Орудия труда.

1—7 — кость; 8—18 — кремнь.

В центре раскопа, в кв. Ж-2, под большим камнем был обнаружен череп человека. Под ним оказался еще один череп. Расстояние между черепами 35 см. Оба находились в 1.2 м под уровнем древней поверхности, оба были повреждены в древности. От первого сохранилась часть

правой половины черепной коробки; лобная и лицевые части отсутствовали. Череп лежал на правой стороне, затылочной частью на юг. В заполнении его встречено много очень мелких фрагментов от черепной крышки, от грудной кости и от верхней конечности; лицевых костей не найдено. От второго черепа сохранились черепная крышка и много мелких фрагментов (рис. 4, 3). По предварительному заключению В. Я. Зезенковой, оба найденных черепа очень узкие и безусловно относятся к долихокранному или даже гипердолихокранному типу.

Пока трудно решить, являются эти остатки свидетельством захоронения или перед нами результат стихийного бедствия — обвала.

Рядом с первым черепом, у затылочной части, лежали миниатюрные каменные пластинки и отщепы. Под ним обнаружены угольки и мелкие кости. По всей видимости, здесь был очаг, так как имеются обгорелые кости животных. Культурные слои в основном обнаружены под большими блоками, которые обвалились, вероятно, вследствие землетрясения.

В пещере Мачай во время раскопок была собрана небольшая коллекция каменных и костяных орудий. Каменные орудия изготовлены, как правило, из серого кремня, но попадает и черный кремень. Здесь встречаются конусовидные нуклеусы с торцовым скалыванием (1 экз.), конусовидные нуклеусы с круговым скалыванием (10) (рис. 4, 14) и клиновидные нуклеусы со смежными площадками (2). Широко распространены скребки различных форм. Это концевые скребки на пластинках удлинённых пропорций с выпуклым рабочим концом (4 экз.), двойные концевые скребки с выпуклым рабочим концом (1), скребки на отщепах высокой формы с овальным рабочим краем (4), скребки на отщепах высокой формы с выемкой на рабочих краях (3) (рис. 4, 11), скребки на отщепах высокой формы с прямым рабочим концом (3), скребки на плоских отщепах с овальным рабочим краем (5) и, наконец, нуклевидные скребки (2 экз.). Среди пластин встречаются крупного размера — длина от 4.5 см до 8 см, ширина от 2 см до 3.5 см — без ретуши (30 экз.), среднего размера — длина от 2.5 см до 4 см, ширина от 0.8 до 1.3 см, ретушированные по одному продольному краю со стороны спинки (16), среднего размера, ретушированные по двум краям со стороны спинки (7), с выемками по бокам (5), средних размеров с противоположащей ретушью (1), средних размеров без ретуши (54 экз.). Довольно разнообразны и микропластины. Среди них микропластинки, ретушированные по одному продольному краю со стороны спинки (8 экз.), ретушированные по одному продольному краю со стороны брюшка (3), ретушированные по двум краям со стороны брюшка (6), микропластинки с противоположащей ретушью (2), микропластинки со скошенным концом (2), микропластинки без ретуши (40 экз.) (рис. 4, 10, 16, 17). Кроме того, следует отметить чопперовидные орудия (3 экз.) (рис. 5, 1, 2), скребла (5), отбойники (11), наковальни (2), песты-терочники (2), крупные отщепы (72), крупные осколки кремня (13), отщепы с ретушью (18) и отщепы без ретуши (290 экз.). В коллекции имеются также орудия аморфной формы, на которых под микроскопом видны следы, характерные для скребка-скобеля (7 экз.) и топора (2 экз.).

Уже по этому перечислению видно, что характерной чертой кремневой индустрии Мачайской пещеры является наличие конусовидных нуклеусов с круговым скалыванием, концевых скребков, изготовленных на пластинках удлинённых пропорций с выпуклым рабочим концом, скребков на отщепах высокой формы с выемкой на рабочем конце, микропластинок со скошенным краем, отбойников, наковален, топоров, краскотерок и скребел (рис. 5, 3).

Кроме того, при раскопках были обнаружены костяные изделия. Это прежде всего подвеска с просверленным отверстием и прочерченным

орнаментом (рис. 4, 7), изготовленная, видимо, из трубчатой кости животного; она обрабатывалась на абразивном инструменте (поверхность тщательно отшлифована и заполирована до блеска). Имеются также орудия типа лоцил из трубчатых костей животных, видимо архара

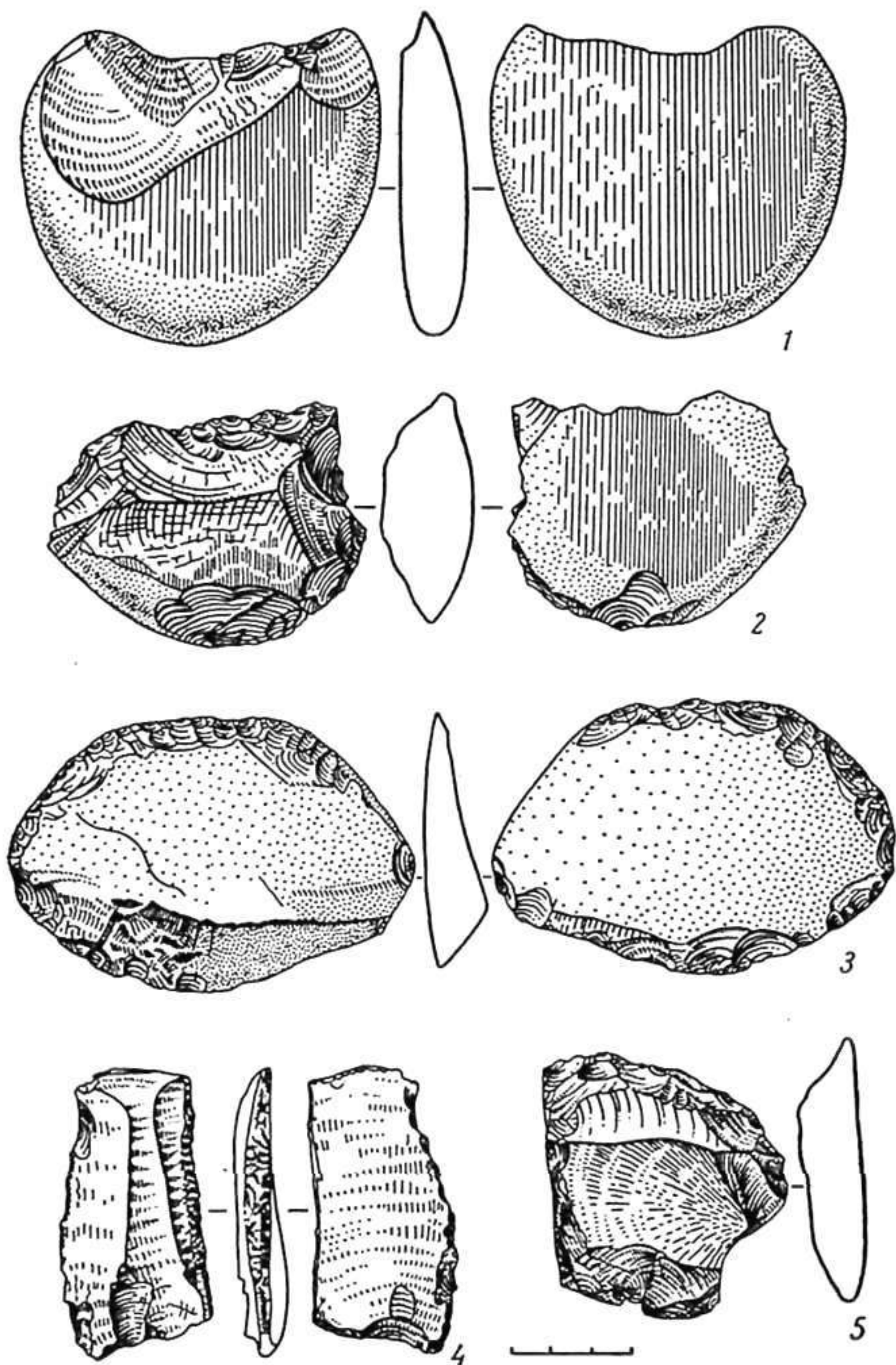

Рис. 5. Пещера Мачай. Орудия труда.

1—5 — кремнь.

(рис. 4, 4). При изучении этих костяных орудий под большим увеличением на их рабочей поверхности обнаружены мелкие линии — царапины, расположенные параллельно продольной оси орудия. Такие царапины являются показателем способов употребления костяных инструментов. По-видимому, эти орудия использовались для выравнивания швов кожаной одежды и других подобных операций. В пещере обнаружены также костяные шилья с сильно заполированным рабочим острием. Они тоже изготовлены из трубчатых костей животных и, вероятно, использовались

для шпивания кожаных одежд (рис. 4, 3, 5, 6). Общий облик материала подтверждает принадлежность пещеры Мачай к эпохе мезолита в широком смысле этого слова. Это позволяет остановиться на некоторых вопросах истории и культуры юга Узбекистана в эпоху мезолита.

Первым из них является вопрос абсолютной и относительной хронологии, один из наиболее сложных и наименее разработанных вопросов.

Располагая данными типологии кремневых орудий и радиокарбона, попытаемся датировать пещеру Мачай. Абсолютная датировка верхнего ее слоя по C^{14} 7550 ± 110 . Скребки на высоких массивных отщепах, найденных в пещере, аналогичны таковым Самаркандской стоянки (Лев, 1964). Скребла, масса отщепов различных размеров и галечные орудия имеют параллели в материалах Туткаула (Ранов, Коробкова, 1971), Ош-Хона (Ранов, 1962) и Сай-Сайеда (Юсупов, 1972). Различные микропластинки аналогичны микропластинкам из слоев 1—3 пещеры Али-Таппех, расположенной в Северном Иране, где соответствующие слои имеют дату $12\,410 \pm 480$, слои 20—21 — $10\,780 \pm 320$ (McBurney, 1969). Орудия из грубых пластинок напоминают некоторые экземпляры из пещеры Хоту в Северном Иране (Coon, 1952), а также аналогичны микропластинкам из пещеры Палегавры (Braidwood, Howe, 1960).

Эти аналогии как бы удревняют памятник. Однако, учитывая имеющуюся абсолютную датировку верхних слоев Мачая и то, что пещера расположена в замкнутом горном районе, что затрудняло общение ее обитателей с другими, более развитыми племенами соседних районов, пещеру Мачай предварительно следует датировать концом эпохи мезолита.

Второй важной проблемой является изучение хозяйственной деятельности мезолитических племен юга Узбекистана. Это изучение может быть осуществлено на основании ряда источников.

Первый источник — восстановление природной среды мезолитической эпохи.

В настоящее время получены определенные данные, свидетельствующие о ее стабильности начиная с периода голоцена. По Г. Н. Лисицкой, для памятников равнинных районов Средней Азии характерен комплекс растительности тугайного типа — тополь, клен, вяз, ясень, тамариск — и растительность водоемов; последняя свидетельствует о наличии водных источников, являвшихся необходимым условием для существования первобытного человека. В горных и предгорных районах состав растительности иной: вместе с лиственными породами, характерными для лесов долинного типа, встречены такие широко распространенные в горах Средней Азии породы, как можжевельник и ксерофитные древовидные кустарники — миндаль и фисташка (Лисицина, 1972).

Второй важный источник — фундаментальное изучение каменных орудий. Основным занятием и источником существования для племен, населявших эти территории, была охота; об этом свидетельствуют найденные в гроте Мачай орудия для разделки туш, раскроя и выделки шкур. Согласно функциональному определению каменных орудий, ножи составляют в Мачае 16.28%, скребки разнообразной формы — 5.38%. Следовательно, на охотничье оружие приходится примерно 22—25% от общего числа орудий.

Третий источник — это остеологические материалы. В пещере Мачай были найдены кости животных: лисицы — 12%, каменной куницы — 4, кабана — 8, бухарского оленя — 4, сибирского козла — 20, барана — 4, собаки — 4 (определение Б. Батырова). Из этого можно заключить, что основным объектом охоты с целью получения мяса были копытные стадные животные.

Охота, вероятно, имела облавный характер. На стоянке найдены костные остатки собак, которые могли принимать участие в такой охоте. Вопрос об орудиях охоты остается открытым. Правда, в коллекции есть метательные орудия для пращи, но они составляют очень маленький процент.

Третьей важной проблемой является вопрос историко-культурных связей юга Узбекистана с памятниками соседних территорий.

По характеру каменных орудий пещера Мачай, как отмечалось выше, тяготеет прежде всего к стоянкам, открытым в районе Южного Таджикистана, Южной Туркмении, Переднего Востока, Северного Ирана, входя в круг культур с микролитовидными индустриями (рис. 6).

Помимо раскопок пещеры Мачай, на юге Узбекистана были осуществлены и другие исследования. Так, в мае 1969 г. Сурхандарьинский отряд (У. Исламов и М. Р. Касымов) проводил разведку в районе Сари-Асие, в ходе которой была просмотрена самая нижняя часть правобережья Тупалангдарьи.

Река начинается почти с гребневой части Гиссарского хребта, на котором находятся ледники Северцева и Батырбай, единственные в Узбекистане; общая площадь их около 3 кв. км (Корженевский, 1930). Долина Тупаланга узкая и глубокая. Прорезая во многих местах высокие хребты, она превращается в грандиозные ущелья с обрывистыми, нависающими склонами. Сильно расчлененные склоны гор очень живописны. Повсюду видны выходы древних пород: гранитов, сланцев, мраморов. Часто вершины гор имеют форму острых пиков. Пологие склоны покрыты лесами. В них оригинально сочетаются хвойные деревья (арча) с лиственными (туркестанским кленом, фисташкой). Здесь же встречаются естественные заросли инжира (Корженевский, 1941). Хребты, расположенные на высотах более 2500—3000 м, в четвертичное время пережили оледенение, оставившее свои следы в рельефе. Повсюду скалистые пики, изъеденные древними ледниками, на месте которых остались овальные понижения — так называемые цирки (там же). На плоском или слабо вогнутом дне этих чашеобразных понижений кое-где лежат пятна вечного снега. Склоны обработанных ледником долин крутые, обнаженные, а днища плоские и широкие, часто заболочены и покрыты невысокой, ярко-зеленой травой, растущей иногда рядом со снегом (Четыркин, 1958).

Для обитания и хозяйственной деятельности наиболее благоприятны природные условия верхней части долины Сурхандарьи. Тупалангдарья и другие водные потоки образуют здесь обширные, сливающиеся один с другим галечниковые конусы выноса, перекрытые сверху небольшим слоем суглинка.

В нижней части Тупалангдарьи, в местности Подахана, удалось обнаружить 130 каменных изделий архаичного облика. Находки приурочены к отвалам, которые образовались во время сооружения водонасосной станции в 1967 г. С тех пор каждый год после дождей в результате смывания верхней части грунта обнажаются находки. По свидетельству строителей, бульдозеры сняли трехметровую толщу отложений на одном из участков террасы. Следовательно, именно в ней когда-то располагались находки. С целью выяснения максимальной глубины нахождения изделий мы заложили ряд шурфов размером 2×2, 1×1.5 м, но культурный слой выявить не удалось. Вероятно, он полностью был уничтожен бульдозерами.

Теперь несколько слов о самих находках. Сырьем для изготовления орудий служили гальки из кремневых пород в основном темного, серого, зеленоватого, реже шоколадного цвета. Исходный материал достаточно твердый, на что указывают некоторые признаки, фиксируемые на

отщепах и нуклеусах. Для снятия отщепов требовались сильные удары. Наверное, поэтому площадки почти на всех отщепах широкие и скошенные, а их брюшковая поверхность покрыта изъемами, трещинами и мор-

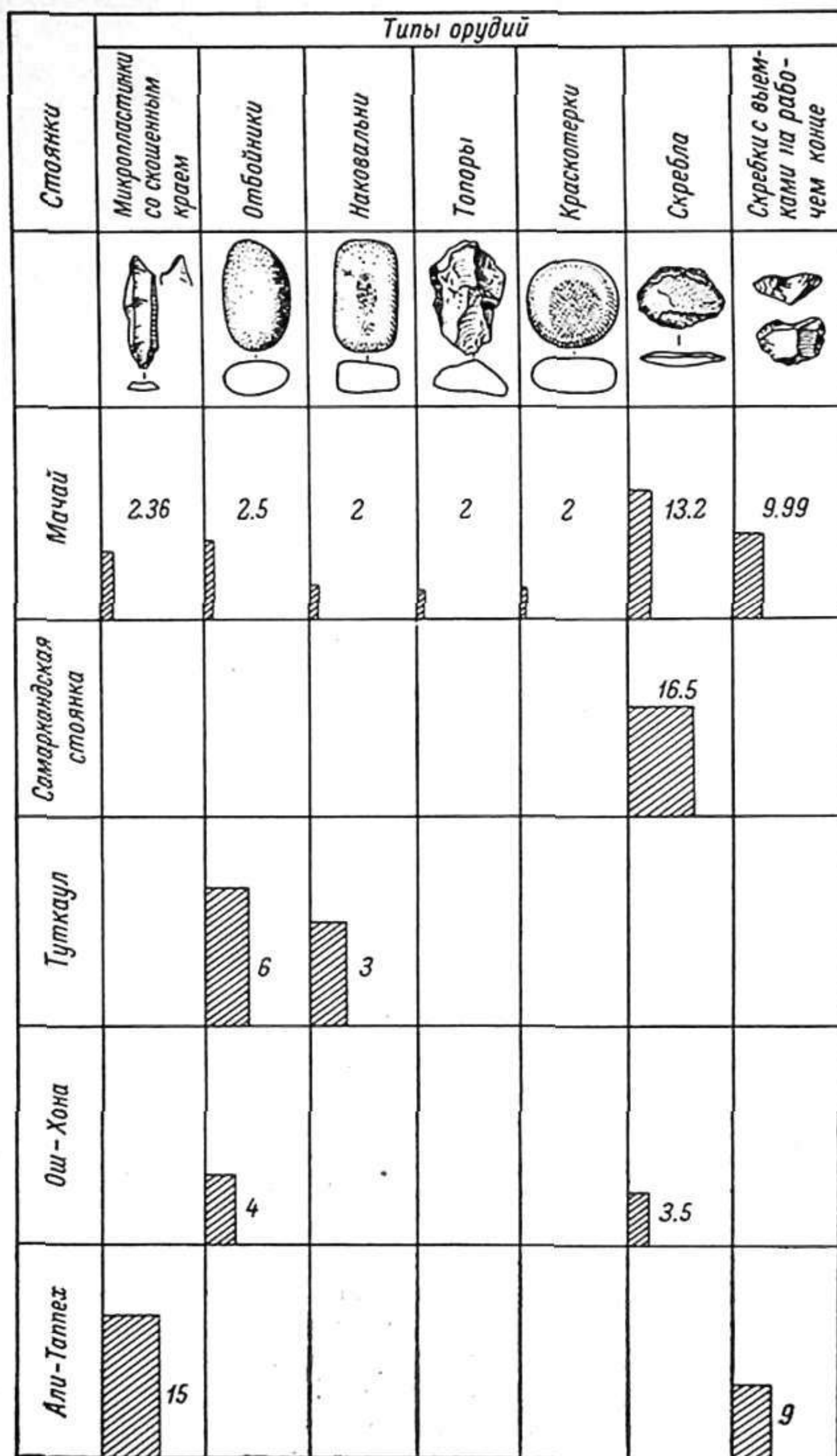

Рис. 6. Сравнительная таблица каменных орудий пещеры Мачай и памятников соседних территорий.

Цифры — процент орудий данного типа от общего числа изделий.

щинами. Часто поверхность откола неровная, точки от ударов четкие. Ударный бугорок не всегда выражен. Нередки случаи повреждения площадок и даже их отсутствия. Краевые сколы занимают значительный

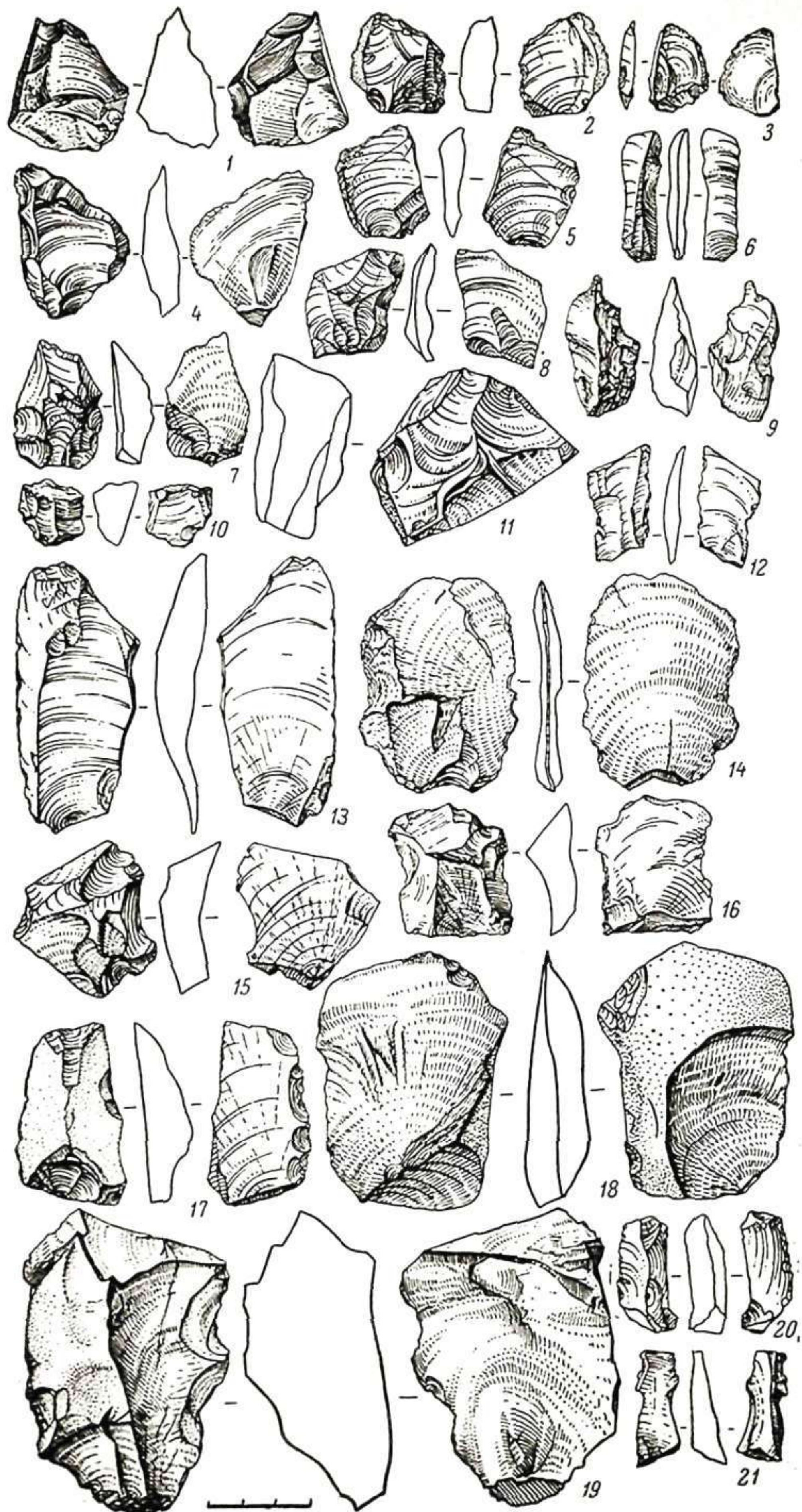

Рис. 7. Каменные орудия из Анташских (1—12, 14, 20, 21) и Подаханских (13, 15—19) мастерских.

процент среди всей массы отщепов. Максимальный размер отщепов — $8 \times 6.5 \times 3.5$ см, минимальный — 1.5×1 см. Отщепы преимущественно массивные, форма их невыработана, хотя иногда встречаются отщепы удлинённых очертаний; имеются также треугольные сколы и пластины. Последние, правда, невыразительны: массивные и укороченных пропорций. Нуклеусы главным образом бесформенные. Лишь 1 экз. можно отнести к разряду грубопризматических. Видны негативы от снятия удлинённых отщепов.

Орудия как таковые в коллекции отсутствуют. Выделяется небольшая группа продольных и поперечных отщепов с фасетками ретуши. На некоторых образцах они нерегулярны и скорее всего имеют естественное происхождение. По краю самого большого отщепа со стороны спинки произведены два снятия, которые придали краю выпукло-вогнутую форму. Края других отщепов, однако, отретушированы более тщательно. Логичней отнести эти изделия к разряду скребловидных орудий, оставляя открытым вопрос о их назначении. Добавим, что ретушь по всему продольному краю отмечена и на одной из пластин, усечённой с двух концов. Основная же масса отщепов следов обработки не имеет (рис. 7, 13, 15—19).

Судя по всему, перед нами остатки мастерской, где происходила только первичная обработка камня. Лучшие заготовки были унесены первобытными обитателями этих мест. Теперь о датировке. Комплексы мастерских всегда датировать трудно. В рассматриваемой коллекции имеются как массивные пластины обирахматского типа, так и грубые отщепы, отмеченные в индустрии Самаркандской стоянки. Нет заготовок мезолитического облика. С нашей точки зрения, изделия, обнаруженные в районе Тупалангдарьи, можно предположительно относить к верхнему палеолиту.

Другое местонахождение открыто в Шерабадском районе и связано с местностью Каттик-Камиш. Автор этих строк в 1971 г. проводил разведку в окрестностях Южного Кугитангтау и Окташ. Низменность Дарай-Голь, которая располагается между этими горами, изобилует источниками воды, привлекающими к себе внимание людей, живущих постоянно в этих местах. В горах Окташ имеются выходы кремня, которые тянутся примерно на 10 км. К ним и приурочены 3 открытых нами местонахождения. Находки располагаются на относительно ровных площадках на расстоянии 30—70 м от скопления обломков кремня.

Первый пункт, названный Каттик-Камиш 1, находится в 300 м от ближайшего источника. Здесь собрано довольно большое число кремневых предметов. Среди них выделяются бесформенные и призматические нуклеусы, отщепы (иногда правильных очертаний), пластинки призматической формы. Среди отщепов есть заготовки, в частности, для скребков. Присутствует и огромное количество обломков кремня. Некоторые из них обнаруживают следы работы.

В 400 м к юго-востоку от Каттик-Камиш 1 найдено другое скопление находок. Этот пункт получил название Каттик-Камиш 2. Здесь кремнь в основном серо-желтого цвета и высокого качества. Помимо отщепов, зафиксированы призматические пластинки, иногда ретушированные, скребки на отщепах. Другие пластинки невыразительны, и определить характер фасеток, имеющих на их краях, трудно. Куски кремня в Каттик-Камиш 2 также многочисленны.

Участок с выходами кремня нам не удалось обследовать полностью. Маршрут был закончен у селения Газ. Вблизи этого селения обнаружено третье местонахождение, которое мы назвали Газ 1. Из находок следует отметить отщепы, призматические пластинки и обломки кремня (рис. 7, 1—12, 20, 21).

Надо признать, что во всех трех местонахождениях нет типичных, датирующих орудий. Отщепы, обломки, чешуйки составляют 94% имеющегося материала. По-видимому, открытые в районе Окташ местонахождения, так же как и местонахождения Тупалангдарьи, должны быть отнесены к мастерским. По крайней мере нет оснований видеть в них стоянки. Любопытно, что окташские кремни близки по фактуре к наконецникам стрел и пластинам из Сапалли-Тепе и Фаяз-Тепе. Вполне возможно, что в течение длительного времени люди приходили в эти места с целью получения заготовок для орудий. Нижнюю границу этого периода пока трудно уверенно определить. Обращает на себя внимание тот факт, что в указанных мастерских не встречаются массивные отщепы и пластины. Размеры пластин и орудий небольшие. Основываясь на этих признаках, можно датировать описанные мастерские самым концом каменного века.

К сожалению, до сих пор на юге Узбекистана (кроме Тешик-Таша) не обнаружено мустьерских памятников. Обилие их в других местах Узбекистана, например в Самаркандской и Ташкентской областях, не оставляет сомнения в том, что стоянки этого времени скоро будут найдены.

Таким образом, открытые в последние годы новые памятники дополнили наши сведения о каменном веке южной части Узбекистана, в основном о его заключительных этапах.

Л и т е р а т у р а

- Исламов У. 1972а. Результаты раскопок пещерных стоянок мезолитического времени в Узбекистане. В кн.: Успехи среднеазиатской археологии. В. 1. Л.
- Исламов У. 1972б. Результаты раскопок 1971 г. в пещерных стоянках Мачай и Обишир V. В кн.: Успехи среднеазиатской археологии. В. 2. Л.
- История народов Узбекистана. 1950. Т. I, кн. 1-я. Ташкент.
- История Узбекской ССР. 1955. Т. I, кн. 1-я. Ташкент.
- Корженевский Н. Л. 1930. Каталог ледников Средней Азии. Ташкент.
- Корженевский Н. Л. 1941. Средняя Азия. (Краткий физико-географический очерк). Ташкент.
- Лев Д. Н. 1964. Поселение древнекаменного века в Самарканде. Исследования 1958—1960 гг. Тр. САМГУ, нов. сер., в. 135.
- Лисицина Г. Н. 1972. Природная среда юга Средней Азии и Казахстана. (Тезисы докладов совещания). Ташкент.
- Массон М. Е. 1939. Археологические исследования в Узбекистане. В кн.: Наука в Узбекистане за 15 лет (1924—1939 гг.). Ташкент.
- Окладников А. П. 1945. Следы каменного века в районе Термеза. Тр. АН УзССР, сер. I, История, археология. ТТАКЭ, т. II, Ташкент.
- Окладников А. П. 1949. Исследования мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш. Южный Узбекистан (Средняя Азия). В кн.: Тешик-Таш. М.
- Парфенов Г. В. 1961. Следы древних культур на городище Айртам. В кн.: История материальной культуры Узбекистана. В. 2.
- Ранов В. А. 1962. Раскопки памятников первобытно-общинного строя на Восточном Памире в 1960 г. В кн.: Археологические работы в Таджикистане. В. VIII. Душанбе.
- Ранов В. А., Г. Ф. Коробкова. 1971. Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане. СА, № 2.
- Смирнов Н. В., Н. Г. Цапенко. 1958. Экономическая география Узбекской ССР. Ташкент.
- Четыркин В. М. 1958. Средняя Азия. М.—Л.
- Юсупов А. 1972. Итоги изучения неолитического поселения в среднем течении р. Вахш. Каменный век Средней Азии и Казахстана. (Тезисы докладов совещаний). Ташкент.
- Braidwood R. J., B. Howe. 1960. Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. Chicago, 1960.
- Coon C. S. 1952. Excavations in Hotu cave. Proc. of the Amer. Philosoph. Soc., v. 96, 3, 1952.
- McBurney C. B. M. 1969. The cave of Ali-Tappeh and Epi-palaeolithic in N. E. Iran. Proceedings of the prehistoric society for 1968. N. S., v. XXXIV, London.

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ КУЛЬТУРЫ САПАЛИ

Благодаря широкому фронту археологических работ 60—70-х годов на юге Узбекистана стало известно, что территория Сурхандарьинской области является весьма перспективной для изучения не только памятников эпохи античности, но и бронзового века. Последние здесь представлены выразительными поселениями оседлых земледельцев, древнебактрийским вариантом урбанизированных культур в зоне цивилизаций второго порядка Древнего Востока (Массон, 1970).

Известно, что до недавнего времени трудно было судить о путях развития оседлого земледелия древнейшей Бактрии, чье легендарное прошлое, изложенное Ктесием Книдским, долгое время волновало ученых античного мира и современных историков. Тем не менее имелись данные о заселении территории Бактрии племенами каменного века; отдельные находки свидетельствуют о возможности открытия здесь памятников и эпохи бронзы. В этом отношении большое значение приобрело открытие и исследование группы могильников в долинах Кафирнигана и Вахша. Материальная культура этих памятников свидетельствует о принадлежности их скотоводческому населению эпохи бронзы (Мандельштам, 1968; Литвинский, 1967). Однако на территории древней Бактрии известен и ряд памятников с совсем иным культурно-хозяйственным обликом. Это поселения Кучук-Тепе и Сапалли-Тепе в Шерабадском оазисе (Аскарлов, 1971), Муллали и Миршаде в Шурчинском оазисе (Пугаченкова, 1972), ряд поселений в Северном Афганистане (Кругликова, Сариниди, 1971).

В настоящее время выделяются две группы памятников, отличающихся друг от друга не только хронологически, но и по культурному облику. Первую группу составляют поселения Сапалли-Тепе, Муллали в Сурхандарьинской области, Дашлы 1, 3 и другие в Северном Афганистане. Вторую группу — Кучук-Тепе и Миршаде в Сурхандарьинской области, Тилля-Тепе и другие в Северном Афганистане.

Наиболее широким раскопкам в настоящее время подвергнуто поселение Сапалли-Тепе. Оно находится в юго-западной части Шерабадской степи и было открыто Л. И. Альбаумом в 1968 г. С 1969 г. нами здесь проводятся широкие раскопки. Поселение представляет собой оплывший небольшой холм площадью около 3 га, вытянутый с востока на запад. В центре расположена почти квадратная возвышенность, которая четко выделяется из остальной части поселения. При раскопках установлено, что центральная часть была укрепленной и ее общая площадь достигала 1 га. Она обнесена тремя рядами обводных стен, между которыми располагались два ряда обводных коридоров. Эти коридоры в настоящее время в западной и северной частях крепости вскрыты полностью, а в восточной и южной частях — частично.

Разведочные шурфы, заложенные в разных частях поселения с целью выяснения культурных слоев памятника, показали, что их характер различен. Наиболее мощные культурные наслоения встречены в центральной, укрепленной части, которая, судя по насыщенности культурными остатками, являлась основной обжитой территорией памятника. Исходя из результатов разведочной шурфовки, широкие раскопки и были сконцентрированы в центральной части поселения.

В ходе работ выяснилось, что весь верхний строительный горизонт поселения разрушен и размыт, сохранились лишь остатки строений в высоту на один или два кирпича. Наряду с этим на уровне остатков стен верхнего горизонта были вскрыты стены разной высоты, причем основания некоторых из них стояли прямо на материке.

Раскопки показали, что сначала были сооружены три обводные стены поселка, застроена северная пристенная полоса крепости, а в южной и в западной ее частях появились отдельные помещения хозяйственно-производственного назначения. Интенсивная застройка крепости почти по всей площади относится ко второму строительному горизонту, в результате чего оформляются целые кварталы, разделенные коридорообразными улицами и переулками. Таких небольших кварталов на вскрытой части поселения выявлено 5. Интересно, что со времени возведения стен второго строительного горизонта все обводные коридоры интенсивно перестраивались под жилые комнаты.

Стены всех строений, жилых и хозяйственных, так же как и обводные стены, были построены из сырцовых кирпичей ($20 \times 10 \times 42$; $22 \times 12 \times 44$ см). На полу некоторых комнат заметны обмазка и кирпичная вымостка. На стенах почти всех комнат и обводных коридоров прекрасно сохранилась многослойная саманная штукатурка. Дома многокомнатные, состоят из жилых и хозяйственных помещений чаще всего прямоугольной и квадратной формы. Многие жилые комнаты имеют очаги типа каминов, с внутренним узким верхним дымоходом. Иногда около очага находили массивную зернотерку. В настоящее время две трети крепости раскопаны полностью и выявлено более 100 помещений различного назначения. Суммируя результаты раскопок, можно говорить, что перед нами небольшой поселок, состоящий из холма-крепости и прилегающей к нему неукрепленной части.

При раскопках выяснилось, что внутри крепость подвергалась сплошной застройке взаимосвязанными помещениями жилого и хозяйственного назначения, которые в свою очередь разделены широкими улицами и переулками на небольшие кварталы. Каждый квартал состоит из нескольких многокомнатных жилищ, принадлежавших большим семьям рядовых общинников поселка. Стратиграфические наблюдения, сделанные здесь при раскопках, показали, что строительные остатки жилых и хозяйственных помещений имеют три строительных горизонта, а значит, архитектурное оформление кварталов происходило в разное время. Так, возведение обводных стен и застройка северной части осуществлены уже на первом этапе строительства поселка. На втором этапе полностью застраивается территория квартала № 1 и происходит интенсивное обживание обводных коридоров, и на последнем этапе интенсивно обживается квартал № 2.

Необходимо отметить, что последовательность строительных этапов и чисто условная, и не связана с большими хронологическими рамками, отражающимися в изменении археологического материала. По сути дела, одним из существенных определяющих признаков времени возведения стен является их стратиграфия. Если стена первого строительного горизонта стоит непосредственно на материке, то стены второго строительного горизонта подстилает культурный слой мощностью до 30 см, а под стенами третьего строительного горизонта его толщина 50 см и более. Хронологическая последовательность строительных горизонтов, связанная со временем возведения стен жилых домов в кварталах, не привела к существенным изменениям и характеризует лишь строительные этапы в рамках одного исторического периода.

При раскопках выявлены очаги двух типов: пристенные, малого размера, построенные из двух рядов кирпичей; очаги-камины, устроенные внутри одной из стен жилых помещений, с верхним дымоходом. Очаги первого типа на поселении встречаются очень редко, а второго — составляют основную массу. Очаги-камины в отличие от первых чаще всего имеют два уровня пода, разделенных кирпичной выстилкой.

В процессе раскопок встречалось несколько керамических печей для обжига сосудов, которые по своему конструктивному устройству представлены двумя вариантами: печи пристенные, видимо, с купольным перекрытием; типа каминов, устроенные внутри обводных стен поселка.

Печи первого типа известны в двух случаях, а второго — в трех. Печи обоих вариантов двухъярусные, с нижней топочной и верхней обжигательной камерами и толстым слоем ошлакованных стенок последней. Под в обоих случаях образовывали сырцовые кирпичи, укрепленные внутри каминобразных печей на столбике, а в пристенных печах — на боковых стенках топочной камеры.

На территории вскрытой части поселения под полами жилых домов, дворцов и улиц, а также под стенами было найдено 58 могил с богатым погребальным инвентарем, аналогичным материалам поселения. По устройству могилы подразделяются на катакомбные, подбойные и ямные, причем последние чаще всего связаны с детскими захоронениями. Устройство могил и сопровождающий покойника инвентарь не дают возможности проследить какие-либо хронологические отличия, что позволяет датировать все исследованные могилы тем же временем, что и поселение.

Анализ археологических материалов Сапалли-Тепе дает возможность наметить некоторые параллели в памятниках соседних культур (юго-западных районов Средней Азии, Северо-Восточного Ирана, Северного и Южного Афганистана), обусловленные не только хронологической близостью, но и историко-культурными связями. Эти параллели в суммарном изложении сводятся к следующему.

1. Один из выразительных признаков керамики Сапалли — полное отсутствие орнаментации и высокий уровень гончарного производства. Сосуды весьма изящны, стройны, легки, с тонкой звонкой стенкой — результат широкого применения гончарного круга быстрого вращения и отличной термотехники. Все это характерно для керамики южнотуркменистанских памятников времени Намазга V и Намазга VI. При типологическом сопоставлении комплекса керамики Сапалли-Тепе с материалами Намазга больше всего мы находим сходства с керамикой времени позднего Намазга V и раннего Намазга VI. Подобная близость ярко прослеживается и между керамикой Сапалли и памятниками типа Дашлы в Северном Афганистане, материалами слоев Гиссар IIIc, Шах-Тепе IIa в Северо-Восточном Иране и периода Мундигак IV в Южном Афганистане.

2. Из числа металлических предметов Сапалли наиболее характерными являются перегородчатые розетковидные печати и печати в виде звездочки, круглое зеркало и зеркало с ручкой, несомкнутые браслеты и колечки с круглым сечением, булавки с розетковидной, лопаточкообразной головкой и булавки с конической шляпкой. Все эти предметы в свою очередь широко распространены в комплексах поселений Акчинского оазиса, на памятниках времени позднего Намазга V и раннего Намазга VI, в слоях Гиссар IIIc и Шах-Тепе IIa, в раннем Тулхарском могильнике и в слоях Мундигак IV.

3. Одна из характерных черт южнотуркменистанских памятников времени Намазга V и Намазга VI, поселений эпохи бронзы Северного Афганистана (Дашлы 1, 3), Северо-Восточного Ирана (Гиссар IIIc), Южного Афганистана (Мундигак IV) — это появление и широкое распространение в качестве орнаментального мотива кружков на каменных, терракотовых бусах биконической формы и печатях. Это выразительный и существенный элемент периода развитой бронзы характерен для материалов Сапалли.

4. Широко распространяются в этот период во всех рассмотренных памятниках кремневые наконечники стрел подтреугольной формы с черешком и отживают свой век кремневые наконечники листовидной формы. В отдельных случаях у них на основании выделяются короткие овальные черешки. Постепенно широкое распространение получают наконечники ромбической формы.

5. Для времени позднего Намазга V и Намазга VI, для слоев Гиссар IIIc, Шах-Тепе IIa, Мундигак IV характерны сильно схематизированные глиняные фигурки людей и животных. Аналогичные статуэтки встречены в комплексе Сапалли, что является весьма существенным не только для определения хронологических рамок жизни на поселении Сапалли-Тепе, но и для этнокультурных аспектов изучения происхождения этой культуры. Материал поселения Сапалли-Тепе столь своеобразен и оригинален, что представляет собой неисчерпаемый источник информации для всестороннего и глубокого историко-культурного и социально-экономического изучения, а также для палеоэкономического и палеоэтнографического анализа этой культуры. Он особенно важен для характеристики древнебактрийского варианта урбанизированных культур в зоне цивилизаций второго порядка Древнего Востока.

Наряду с этим в историко-культурном плане культура Сапалли отличается от оседлоземледельческих памятников соседних областей четкостью архитектурного и фортификационного решения планировки поселения, поквартальным расчленением жилищ внутри крепости, небольшими узкими улицами и переулками, наличием в интерьере жилищ каминов с дымоходами, устроенными внутри стен помещений, наличием в погребальном обряде подбойно-катакомбных могил с богатым инвентарем и почти полным отсутствием на поселении мелкой терракотовой пластики. Население Сапалли, как показали археологические материалы, в эпоху бронзы выработало своеобразную культуру с ярко выраженными специфическими чертами, отличающими ее от культур синхронных памятников, и поэтому рассматривать ее просто как вариант какой-либо уже известной культуры невозможно. По наиболее полно исследованному памятнику, каким является поселение Сапалли-Тепе, эту культуру, с нашей точки зрения, стоит назвать культурой Сапалли. К числу памятников культуры Сапалли можно отнести поселения Давлетабадского и Акчинского оазисов типа Дашлы в Северном Афганистане и памятники северо-западных районов Сурхандарьинской области эпохи бронзы (Муллали-Тепе).

Существенно отметить, что население этих районов бронзового века не только имело тесные связи с оседлыми племенами соседних областей, но и составляло с ними единый этнокультурный пласт, скорее всего обусловленный родственными отношениями племен, оставивших вышеназванные памятники. Так, к западу от Бактрии проживали родственные племена анауско-намазгинского круга, имевшие другой этнокультурный облик. Весьма специфична в рамках этнокультурного пласта и культура иранского Сеистана (Шахри-Сохте). Культура Сапалли, как указывает анализ всего комплекса археологических материалов, имеет глубинные истоки, общие с культурами племен подгорной полосы Южного Туркменистана, иранского Хорасана и Южного Афганистана.

Сумма фактов, полученных из различных источников информации при изучении памятников древнебактрийского варианта культур оседлых земледельцев, позволяет допустить предположение о приходе для районов Бактрии характере носителей культуры Сапалли. Видимо, во второй четверти II тыс. до н. э. из иранского Хорасана или Южного Афганистана в восточном и северо-восточном направлении распространяются племена, часть которых оседает в Давлетабадском оазисе Северного Афганистана,

а другая в древних дельтах Шерабаддарьи в районе Улан-Булакская — горного ручейка родникового происхождения. Следы дальнейшего развития Сапалли на местной основе прослеживаются в материалах поселения и могильника Муллали в районе Миршаде Южного Узбекистана. Это был новый этап развития культуры Сапалли, который по наиболее хорошо исследованному памятнику Южного Узбекистана можно назвать муллагинским этапом этой культуры.

Таким образом, в настоящее время представляется возможным наметить два этапа культуры Сапалли: первый — сапаллинский, второй — муллагинский. Для характеристики первого основным источником служат материалы поселения Сапалли-Тепе и, по данным В. И. Сарияниди, поселения Давлетабадского оазиса, рассматриваемые им как памятники первых переселенцев из Восточного Хорасана. Для характеристики второго этапа могут быть использованы материалы поселений Куль-Тепе в Шерабадской долине, могильника и поселения Муллали в Шурчинском оазисе. По данным радиоуглеродного анализа, сапаллинский этап датируется второй четвертью II тыс. до н. э., а муллагинский — третьей четвертью II тыс. до н. э.

Весьма сложен вопрос о дальнейших судьбах носителей культуры Сапалли. Совокупность археологических данных не позволяет говорить о генетической связи культуры Сапалли с памятниками последующих этапов эпохи бронзы — культуры «эпохи варварской оккупации» — или с памятниками бишкектской культуры. В настоящее время культура этой эпохи в пределах Бактрии известна по стационарным раскопкам Тилля-Тепе в Северном Афганистане и по изучению поселений Кучук-Тепе и Миршаде на юге Узбекистана.

В свете новых материалов из поселения Тилля-Тепе В. И. Сарияниди выдвигает вполне убедительную гипотезу о североафганском происхождении культуры «эпохи варварской оккупации», распространившейся затем в районы Южного Туркменистана, северные и южные области Узбекистана. Наряду с этим В. И. Сарияниди, учитывая ареал и близкое сходство в материальной культуре всех исследуемых комплексов, предлагает назвать эту культуру восточнохорасанской с локальными вариантами (1972).

Здесь необходимо отметить, что в сложении восточнохорасанской культуры несомненно сыграло большую роль влияние степных племен северных районов Средней Азии, но это не значит, что носители восточнохорасанской культуры в основных районах ее распространения являются пришлыми из северных районов Северной Азии. В основе сложения этой культуры лежат прежде всего местные компоненты, и следует полагать, что древние оседлые земледельцы передали свои знания и достижения в области культурно-хозяйственного развития носителям восточнохорасанской культуры. Таким образом, в порядке гипотезы можно допустить, что носители культуры Сапалли на дашлинском этапе своего развития, подобно племенам культуры Намазга VI, подверглись инфильтрации со стороны северных степных племен Средней Азии и на базе местных культурно-хозяйственных достижений сложилась новая линия развития, присущая носителям восточнохорасанской культуры, отличающейся своим обликом от культуры предшествующего этапа развития оседлоземледельческих племен древней Бактрии и подгорной полосы Копетдага.

Памятники, синхронные восточнохорасанской культуре, но иного историко-культурного облика в Бактрии исследованы в Бишкектской долине. Степной характер их развития несомненен.

Носителей бишкектской культуры А. М. Мандельштам склонен рассматривать в качестве племен, пришедших из северных районов

Средней Азии (1968). Здесь он намекает на Заман-Бабу и андроновскую культуру, в археологических материалах которых обнаруживаются близкие аналогии комплексу раннего Тулхарского могильника. А. М. Мандельштам к числу явлений, отражающих андроновские связи, относит ножи с широким клинком листовидной формы и узким клинком подтреугольных очертаний, а связи с традициями Заман-Бабы видит в горшках с шаровидным туловом, в цилиндрических сосудах и мисках, в металлических лопаточках и в других предметах, а также в катакомбном обряде захоронения. Нам кажется, что перечисленные аналогии бишкентской культуры указывают на участие в ее формировании двух групп северных степных племен Средней Азии, но не исчерпывают ее основных компонентов. Это становится особенно ясным на данном этапе изучения памятников эпохи бронзы на территории Бактрии в связи с открытием культуры Сапалли. Если учесть формы керамических изделий (горшковидных сосудов, сосудов приземистой и вытянутой формы, с шаровидным туловом, мисок конической формы, сосудов грушевидной формы), а также круглые зеркала, зеркала с ручкой, лопаточки, колечки, листовидные ножи, кремневые наконечники с черешком и мн. др., то становится бесспорным вопрос о близкой генетической связи носителей бишкентской культуры и племен культуры Сапалли. К числу фактов, указывающих на родственные связи, относится одинаковый обряд захоронения в катакомбах, который имеется как на Сапалли, так и в раннем Тулхарском могильнике. Конечно, здесь имеются и отдельные специфические черты, характерные лишь для каждой из культур.

В хозяйстве культуры Сапалли ярко выражен оседлоземледельческий характер. Ее поселения имеют четкую планировку и хорошо продуманную систему фортификации. Все это отсутствует в культуре племен Бишкентской долины. Основное направление хозяйства и быта бишкентцев — скотоводческое; соответственно керамика изготовлена способом ручной лепки. Гончарная посуда, известная в комплексе бишкентской культуры, принадлежит к числу импорта из древнеземледельческих памятников других районов Бактрии, причем она находит наиболее близкие аналогии в керамике дашлинского этапа культуры Сапалли. Намечаемое отличие в хозяйстве бишкентских и сапаллинских племен обусловливается местными условиями, способствовавшими развитию той или иной отрасли хозяйства. В настоящее время Бишкентская долина представляет собой полупустыню, а местность, в которой расположен ранний Тулхарский могильник, совершенно непригодна для земледелия. Очевидно, такое положение было здесь и в эпоху бронзы. Специфические природные условия с полупустынным ландшафтом, удобным для развития преимущественно скотоводческого хозяйства, не привели бы в этом районе к прогрессу земледельческого хозяйства. Носители бишкентской культуры, сохранив многие элементы культурной традиции предшествующих периодов, выработали новую линию развития, создав культуру, отличную от синхронной оседлоземледельческой восточнохорасанской культуры.

Таким образом, основываясь на вышеотмеченных соображениях, можно предположить, что часть носителей культуры Сапалли, продолжая жить в прежних районах, участвует в формировании восточнохорасанской культуры, а другая значительная группа продвигается в восточном направлении и оседает в горных массивах, образуя местную основу бишкентской культуры. Одной из основных причин деградации культуры Сапалли на дашлинском этапе развития, на наш взгляд, является вторжение северных степных племен в южные цветущие области культур оседлых земледельцев, которое, по всей вероятности, происходило где-то в конце третьей четверти II тыс. до н. э.

- Аскарлов А. 1971. Поселение древних земледельцев на юге Узбекистана. ОНУ, № 8.
- Кругликова И. Т., В. И. Сарияниди. 1971. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий. СА, № 4.
- Литвинский Б. А. 1967. Археологические открытия в Таджикистане за годы Советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии. ВДИ, № 4.
- Мандельштам А. М. 1968. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. МИА, № 145, Л.
- Массон В. М. 1970. Зона раннегородских цивилизаций между Шумером и Индией. Тез. докл. на заседаниях, посв. итогам полевых исследований. М.
- Пугаченкова Г. А. 1972. Новый памятник древнебактрийской культуры. В кн.: Успехи среднеазиатской археологии. В. 1. Л.
- Сарияниди В. И. 1972. Раскопки Тилля-Тепе в Северном Афганистане. М.

Ш. Р. ИИДАЕВ

МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ

В весенний сезон 1972 г. разведочные работы Бактрийской археологической экспедиции были сосредоточены в районе Шерабада Сурхандарьинской области Узбекской ССР. Экспедицией произведены также небольшие зачистки и шурфовки на городищах Хаитабад-Тепе в Джаркурганском районе и Зар-Тепе в Ангорском районе.

Остановимся на краткой характеристике некоторых из этих работ. Так, было обследовано городище Джандавлат-Тепе (Б-38), расположенное в 8 км к северо-востоку от Шерабада и в 1 км к юго-западу от кишлака Саитабад. Оно в плане многогранно и вытянуто по линии ЗВ. Городище в настоящее время со всех сторон окружено заболоченной низиной. Въезд расположен в середине восточной стены. Внутренний рельеф городища довольно ровный и постепенно понижается в сторону ворот. Следов башен не зафиксировано, за исключением у ворот. В настоящее время большая площадь городища использована под кладбище. В северо-западном углу расположена почти квадратная в плане цитадель. Она возвышается от уровня окружающей местности на 13—15 м.

На поверхности городища найдено значительное количество керамических материалов, медные монеты, наконечники стрел и другие находки, позволяющие предварительно определить период жизни Джандавлат-Тепе. Наиболее ранняя керамика, обнаруженная на городище, относится к ахеменидскому периоду. Это сосуды так называемых баночно-цилиндрических форм с резким подкосом при переходе к не очень устойчивому плоскому донцу. К материалам более позднего времени относятся изготовленные на гончарном станке кубки, бокалы, миски, чашки, кухонные котлы и др. Они очень тонкостенны и покрыты ангобом различных оттенков, от красного до коричневого. Часто сосуды поверх ангоба дополнительно покрыты вертикальным или реже горизонтальным лощением (рис. 1).

При расчистке около въезда в восточной части городища было обнаружено наряду с красноангобированной керамикой большое количество сероглиняной посуды, покрытой черным ангобом и иногда даже лощением. В целом керамический материал с городища свидетельствует о высоком уровне керамического производства в кушанский период.

Найденные на городище монеты в основном принадлежат кушанским царям Кадфизу II, Канишке и Васудеве. Большинство монет с городища пока еще не определено, но, видимо, среди них имеются и поздние — кушано-сасанидские. На краю городища были найдены бронзовые наконечники стрел — трехгранные и трехлопастные.

Таким образом, на основании подъемного материала и результатов расчистки можно ориентировочно определить время существования Джандавлат-Тепе — середина I тыс. до н. э. — середина I тыс. н. э.

В окрестностях городища Джандавлат-Тепе разбросаны многочисленные холмы. На четырех из них нами были произведены небольшие рас-

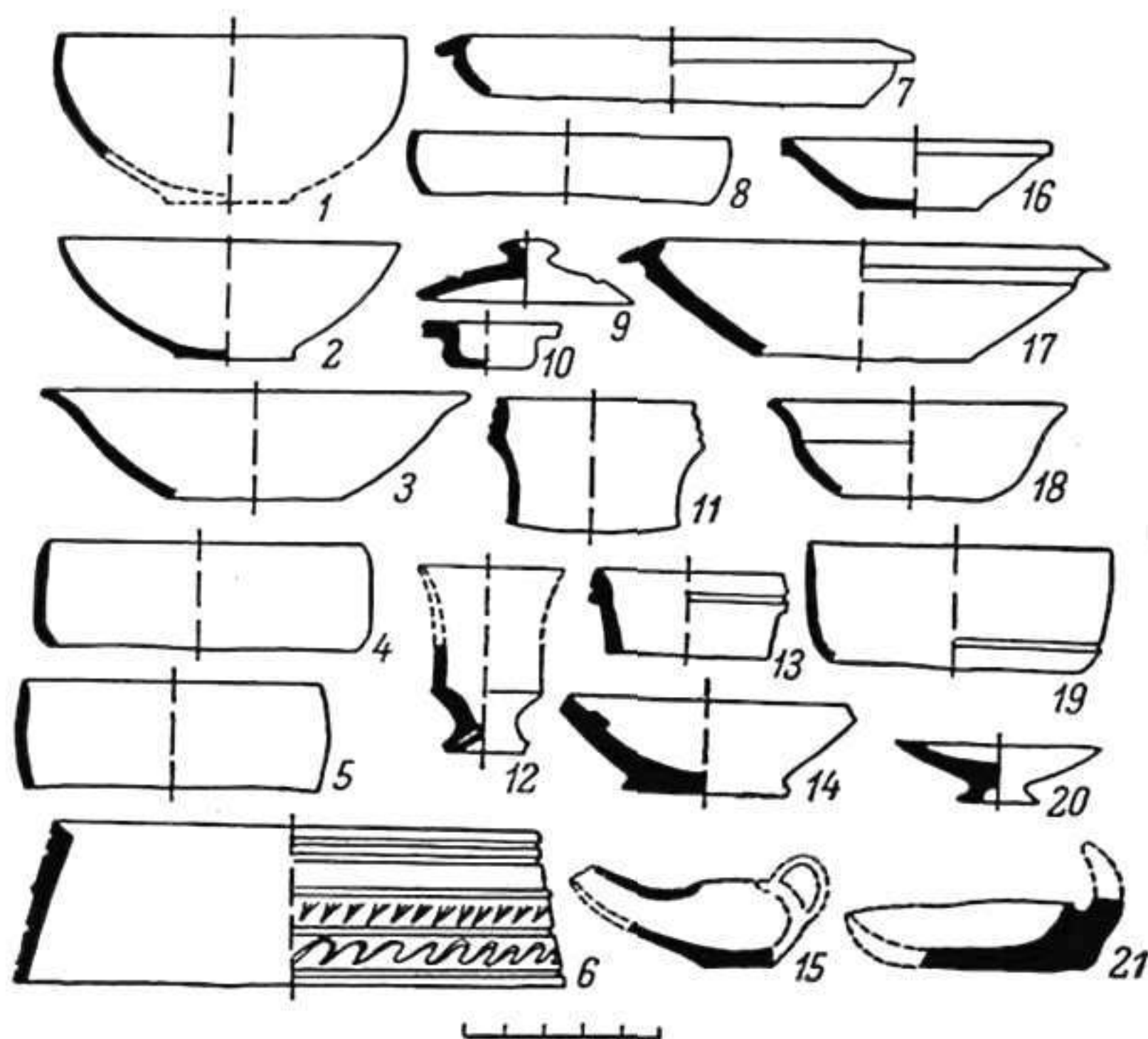

Рис. 1. Керамика с городища Джандавлат-Тепе (1—21).

копки. Один из холмов оказался естественным, и никаких следов деятельности человека здесь не было обнаружено. На остальных трех холмах имеется культурный слой, но четких следов строений не зафиксировано. Вскрытая площадь оказалась небрежно забутованной глиной и сырцовым кирпичом. Вероятно, на этих холмах возводили небольшие земляные платформы для выравнивания поверхности. Такие платформы могли быть использованы в жаркое время как основание для легких шатров.

В 1 км к юго-востоку от городища Джандавлат-Тепе, рядом с кишлаком Сайтабад, среди хлопковых полей находится еще один небольшой круглый холм — Пачмак-Тепе (Б-34). У основания он имеет 30 м, возвышается над окружающей местностью на 3 м. Учитывая малый объем полевых работ, холм был подвергнут полному вскрытию (рис. 2). До глубины 20—25 см от репера идет рыхлая песчаная земля с очень незначительным количеством невыразительной керамики. В южной и восточной частях холма на глубине 30 см от репера прослежена пахсовая стена толщиной 35—37 см. Снаружи стена довольно хорошо оштукатурена глиной с примесью самана. К сожалению, следов северной и западной стен не найдено. На глубине 62 см зафиксирован уровень пола; на нем местами отмечены небольшие скопления золы. На полу также найдены два целых сосуда и фрагменты керамики цилиндрико-конических сосудов —

керамика с подкосом в придонной части. Рядом лежали два разбитых хума, закрытых керамическими крышками и вкопанных в полы до уровня перегиба. Ниже пола по всей площади холма идет очень плотная пахсовая забутовка. В некоторых участках прорубили пахсовую забутовку до 1.5 м, но никаких следов других строений не зафиксировали. В забутовке встречены фрагменты керамики, синхронные с керамикой, найденной на полу. Южная и восточная стены прослеживаются и ниже пола. Поэтому для получения стратиграфии холма и выяснения основания стены в се-

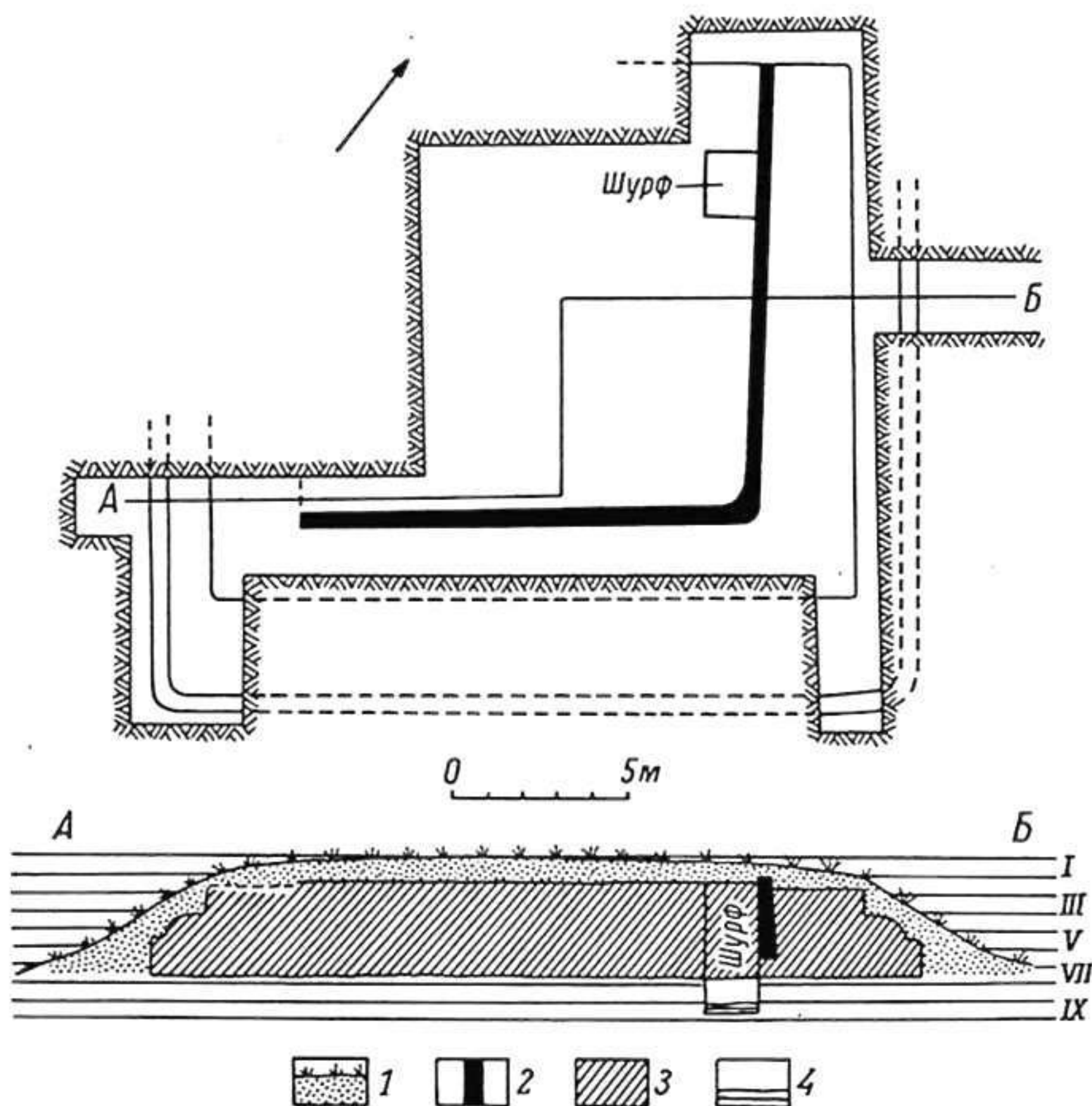

Рис. 2. План и разрез джандавлат-тепинского святилища.

1 — натеchnый слой; 2 — пахсовая стена; 3 — пахсовая забутовка; 4 — материк.

веро-восточной части вдоль стены заложили шурф (2×1.5 м). Выяснилось, что пахсовая стена стоит на пахсовой забутовке. Высота пахсовых блоков, из которых сложена платформа, 45—50 см. Пахса кончается на глубине 3.2 м от репера, ниже идет культурный слой толщиной 90 см, разделенный двумя слоями золы. С середины VIII яруса почва в шурфе увлажнилась. На глубине 4.2 м зафиксировали уровень древней дневной поверхности — материк. Одновременно с материком выступили грунтовые воды.

В культурном слое керамики относительно больше, чем в забутовке. Здесь были обнаружены фрагменты венчиков и донцов миниатюрных сосудов, хума и двух каменных зернотерок; последние двух форм — плоской и вогнутой. Существенных различий между керамикой нижних слоев (культурный слой) и керамикой на полу не отмечено; это позволяет предположить, что памятник возведен в короткий срок и обжигался не очень длительное время.

В дальнейшем в середине восточной стены заложили траншею шириной 1 м, длиной 8 м с целью выяснения внешней конфигурации здания. В результате получили следующую картину. К пахсовой стене примыкает пахсовая забутовка ступенчатой конфигурации. Три другие стороны здания также имеют аналогичную конфигурацию. Юго-восточный угол здания сохранился весьма плохо.

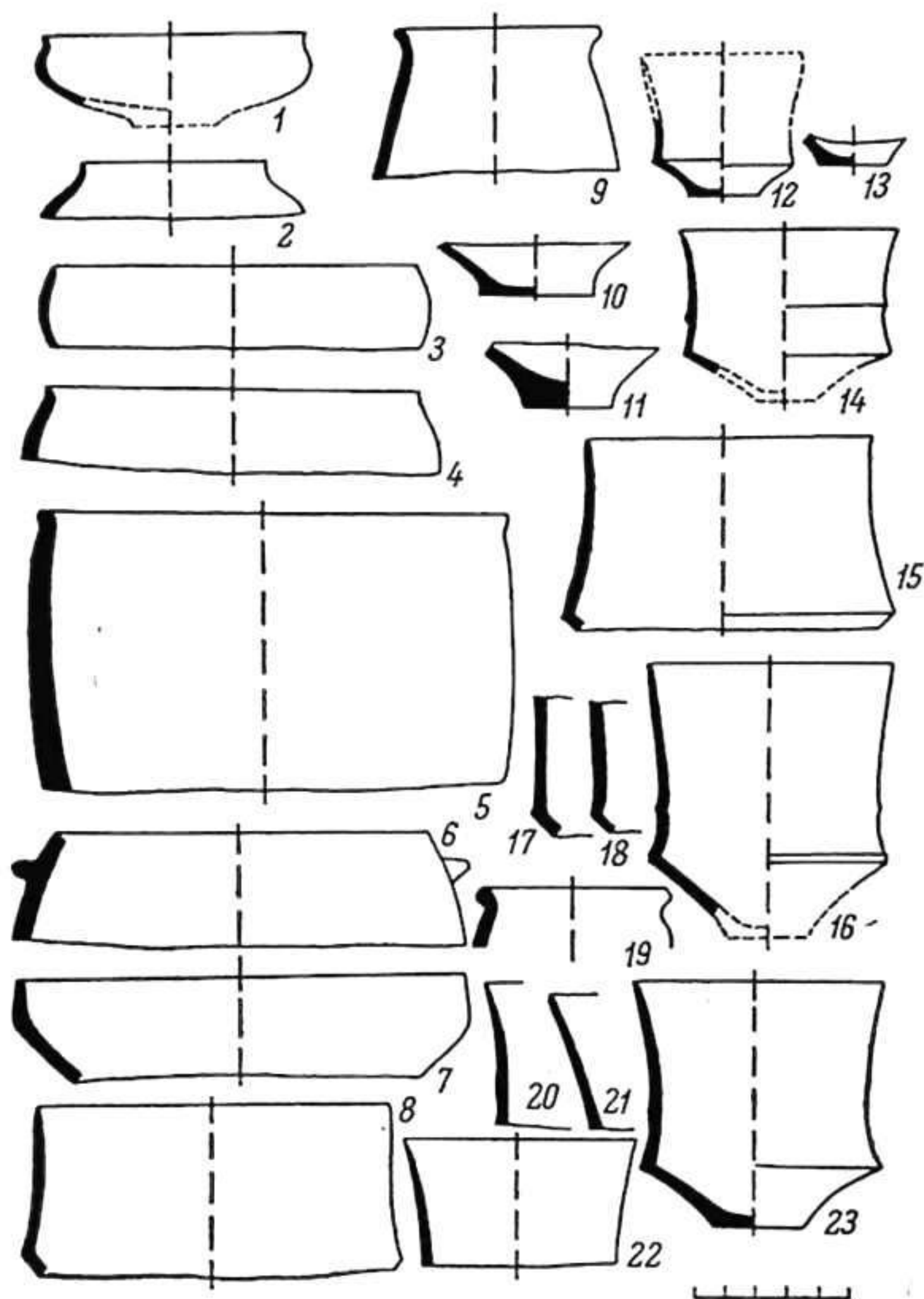

Рис. 3. Керамика (1—23).

Таким образом, вырисовывается очень интересное монументальное здание в виде постамента. Размеры его 21.5×21.2 м, высота 2.6 м. Оно сплошь сделано из пахсовых блоков хорошего качества. Здание состоит из трех ступеней. К сожалению, несмотря на то что холм был почти полностью вскрыт, не удалось выяснить назначение южной и восточной стен.

Основным датирующим материалом Пачмак-Тепе, отражающим материальную культуру Северной Бактрии в середине I тыс. до н. э., является керамика (рис. 3, 4). Она на раскопе представлена в основном четырьмя формами. Фрагменты остальных керамических форм единичны. В целом вся керамика условно разделена нами на две группы: столовая и кухонная посуда. К столовой отнесена посуда небольших размеров, такая как цилиндрико-конические сосуды, чаши, миски, тарелки, крышки; к кухонной — котлы, хумы, хумчи. Технология изготовления и качество

керамики свидетельствуют о том, что мастера-гончары добились больших успехов в использовании гончарного круга и его усовершенствовании.

Ведущей формой среди керамических изделий являются небольшие цилиндро-конические сосуды, изготовленные на гончарном круге (рис. 3, 8, 10—23). Черепок сосудов красновато-розового цвета. Глина хорошо отмучена, обычно без всяких посторонних примесей. Обжиг равномерный. Снаружи почти все сосуды без исключения покрыты желтовато-белым ангобом; внутри сохранен красный цвет. Основным характерным признаком для всех сосудов является распределение ангоба. Как правило, им покрыта лишь верхняя часть тулова, выше перегиба, а нижняя часть сохраняет красный цвет черепка. Этот признак характерен и для комплекса керамики из слоев Яз II и Яз III (Массон, 1959, стр. 35). Обращает на себя внимание еще тот факт, что почти у всех сосудов не очень высокая подкошенная придонная часть. Отношение конической части к тулову сосуда 1:3, перегиб на тулове сделан обычно резко. Стенки конической части в два раза тоньше и, как правило, слегка вогнуты, донце плоское. Стенки цилиндрической части сосуда в середине слегка вогнуты и плавно расширяются к венчику. Диаметр венчика этих сосудов обычно равен диаметру тулова у места перегиба, иногда чуть больше. В одном из сосудов рассматриваемой группы имеется процарапанный знак в виде перевернутой буквы «у» (рис. 3, 23).

На керамических сосудах из нижних слоев часто чуть выше перегиба имеется валик, отсутствующий на керамических сосудах из верхних слоев или не столь четко выраженный (рис. 3, 14, 16). Т. И. Зеймаль, описывая сосуды этой группы из нижнего слоя Болдая, называет их цилиндро-коническими кубками, что, видимо, не соответствует форме сосудов и их функции (1971а, стр. 87).

Цилиндро-конические сосуды характерны для всех памятников Среднего Востока, и поэтому, очевидно, отличаясь лишь в отдельных деталях, они относятся к единой этнокультурной провинции и к одному культурному слою. В частности, наша керамика обнаруживает большое сходство с керамикой из слоев Яз II, Яз III в Маргиане — на западе (Массон, 1959, стр. 39—41, табл. XXXVII, XLII); с керамикой Кюзели-Гыра и Дингильдже в Хорезме — на севере (Воробьева, 1959, стр. 69). Но хорезмийская керамика отличается отделкой поверхности сосудов. Они обычно покрывались красным ангобом. Более близкие аналогии пачмак-тепинская керамика находит с керамикой Афрасиаба I (Тереножкин, 1950, стр. 153), Кобадияна I (Дьяконов, 1953, стр. 279—282), нижнего слоя Болдая (Зеймаль, 1971а, стр. 87, 91) и городища Над-и-Али в Афганистане (Ghirshman, 1939, p. 17—19).

Чаши представлены 1 экз. (рис. 3, 7). Он имеет полусферическую форму и покрыт снаружи желтовато-белым ангобом. Миски и тарелки на раскопе также встречены единично. Очень интересной формой являются вытянутые горшки со слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 3, 9). Следует отметить, что в Пачмаке отсутствуют керамические сосуды банкообразной формы с плоским донцем без подкоса, которые часто встречаются в комплексах Яз III в Маргиане (Массон, 1959, стр. 204, 209, табл. XXXVII), Кюзели-Гыр в Хорезме (Воробьева, 1959, стр. 73, рис. 71, 9—10) и в соседнем Болдае (Зеймаль, 1971а, стр. 87—88).

Хумы и хумчи на раскопе представлены классической цилиндро-конической формой, завершающейся венчиком в виде уплощенного валика, подтреугольных очертаний и крючкообразной (рис. 4, 1—5). Они покрыты снаружи желтовато-белым ангобом до перегиба. У некоторых из них имеются подтеки в подкошенной части. У хумов цилиндрическая и придонная части изготавливались отдельно и потом соединялись. Интересно, что часто на раскопе встречались венчики хумов с небольшой выемкой-

желобком с внутренней стороны для упора крышек. Последние имеют коническую форму и ручку в виде перевернутого донца. Подобные крышки встречены, но редко в комплексах Яз III (Массон, 1959, стр. 41) и Кюзели-Гыр (Воробьева, 1959, стр. 74). Больше их найдено в нижнем слое Болдая (Зеймаль, 1971а, стр. 88). Т. И. Зеймаль, первоначально определяя их как крышки, оговаривает, что они вполне могли употребляться и как вазочки (1971а, стр. 88); в другой же работе она уже считает их вазочками (1971б, стр. 51). Обстоятельство находок наших крышек исключает использование этих форм керамических изделий в качестве вазочек, ибо крышками были закрыты хумы. Крышки также изготовлены на

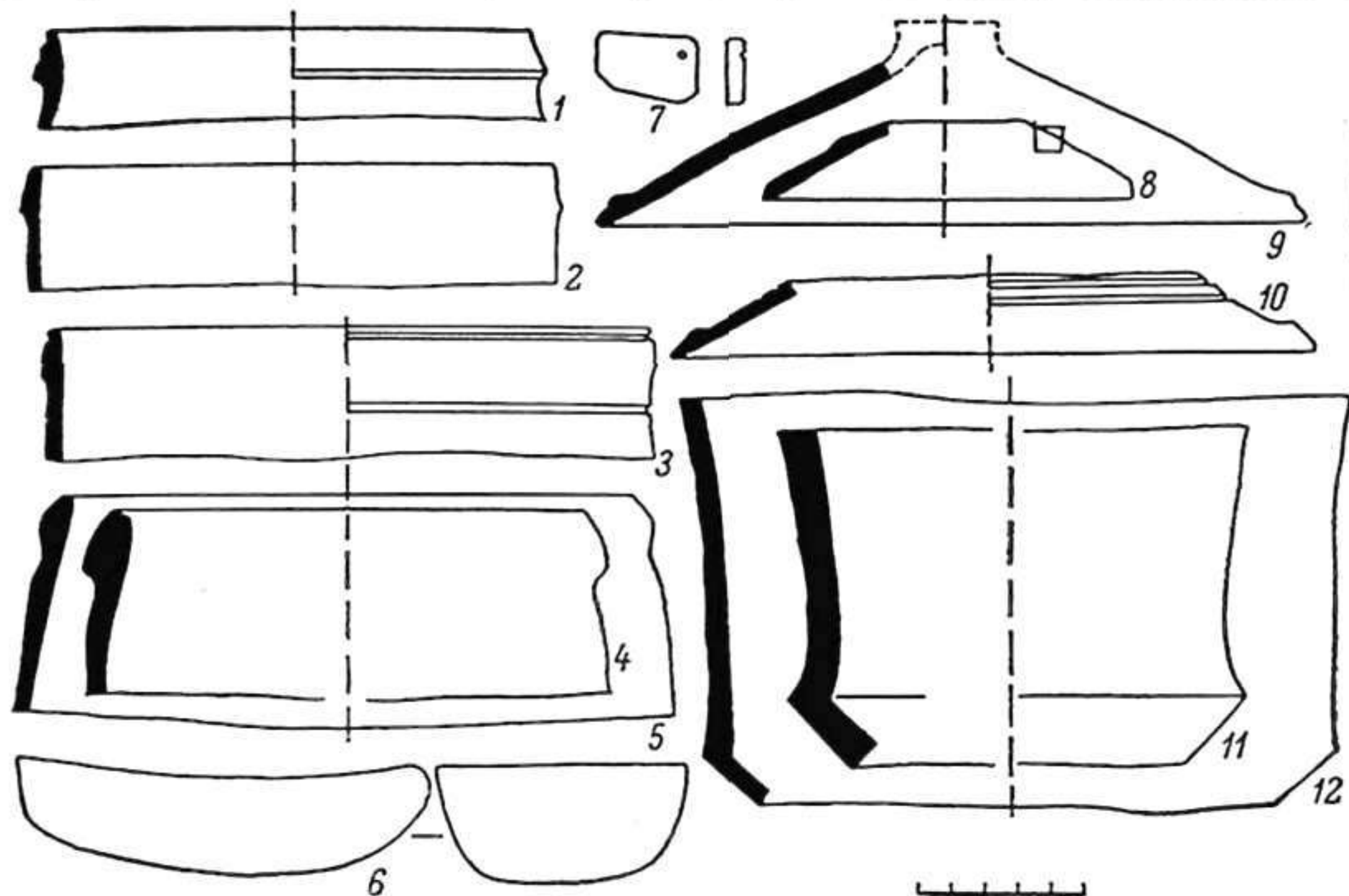

Рис. 4. Керамика (1—12).

гончарном круге и покрыты с обеих сторон желтовато-белым ангобом. На одной из крышек на лицевой стороне имеется процарапанный знак (рис. 4, 8—10).

От руки изготавливались кухонные котлы. Они найдены в нижней части культурного слоя. В качестве отощителя использованы шамот и крупный песок. Покрывались они серым ангобом. На раскопе котлы представлены двумя формами: цилиндрической и шаровидной с подковообразной ручкой на шейке (рис. 3, 5, 6).

В целом керамический комплекс из наших раскопок свидетельствует о высоком уровне керамического производства в ахеменидский период даже в небольших провинциальных городах Северной Бактрии. Почти все формы керамических сосудов с раскопа перекликаются с керамикой этого времени из Средней Азии и Афганистана. На основании аналогии наш комплекс ориентировочно может быть датирован V—IV вв. до н. э.

О назначении здания пока трудно сказать что-либо определенное. Однако несомненно, что это монументальное сооружение имело особое назначение и, возможно, нашими раскопками обнаружено основание культовой постройки типа храма огня. В соседнем Иране храмы огня открытого типа, на постаменте, найдены в ахеменидском Иране, в Персеполе и в Пасаргадах (Herzfeld, 1941, pl. XLIV; Schmidt, 1953, p. 20). Эти храмы датируются серединой VI в. до н. э. Главный храм огня в Пасаргадах возведен из известняковых блоков и со всех сторон окружен стеной.

В Средней Азии основным строительным материалом была глина, а не камень. В небольшом провинциальном центре, каким был Джандавлат-Тепе, трудно ожидать более эффектных памятников монументальной архитектуры. Отметим, что джандавлат-тепинская постройка — первое монументальное здание культового характера, раскопанное в Средней Азии и относящееся к ахеменидскому времени.

В непосредственной близости от Джандавлат-Тепе было проведено исследование других памятников района. К их числу относится Айсаритепе (Б-72), которое находится в 5 км от шоссе Ташкент—Термез и в 20 км к юго-востоку от Шерабада. В плане оно почти квадратное, со

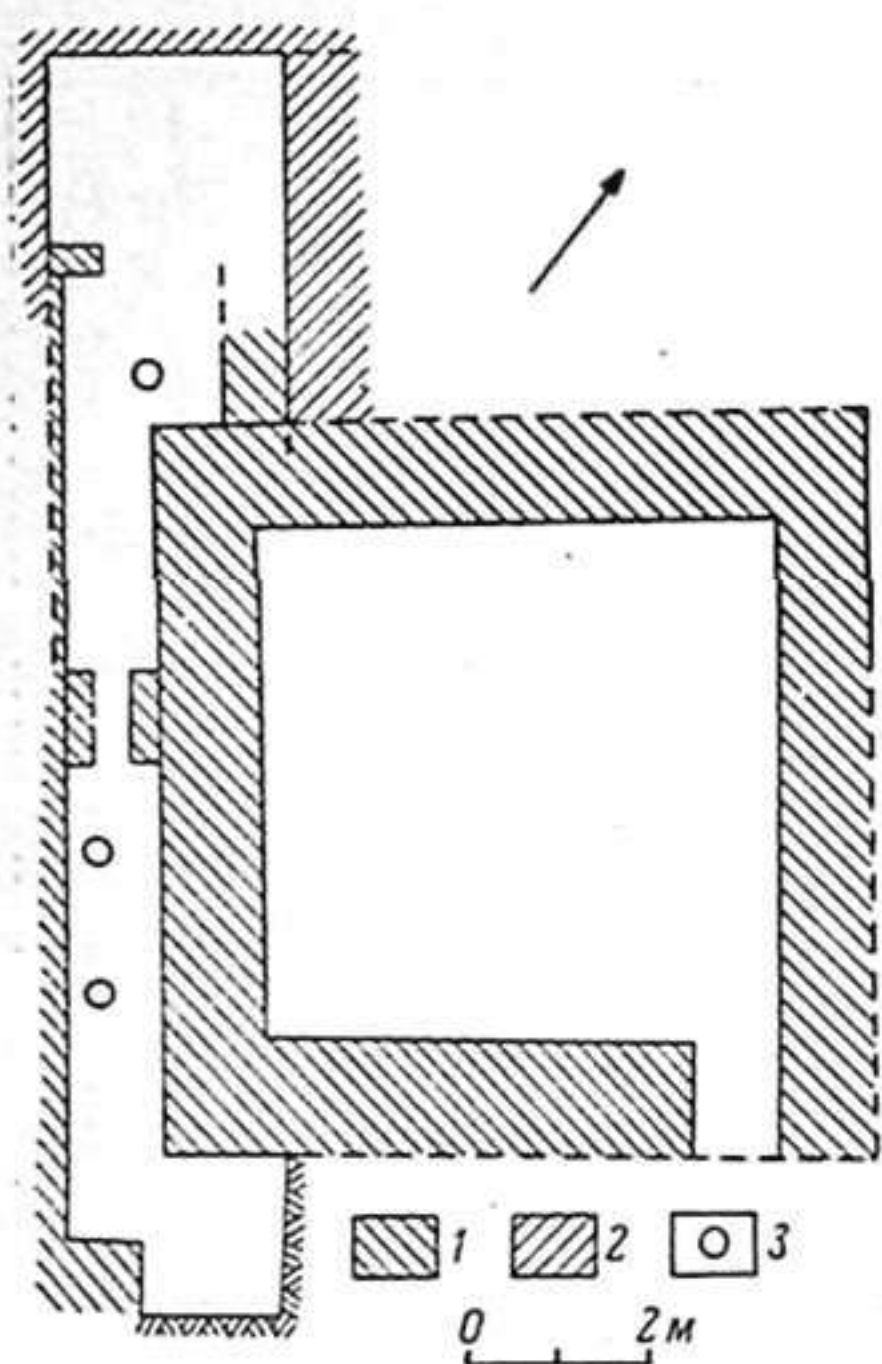

Рис. 5. План раскопа на Айсаритепе.

1 — верхний строительный период;
2 — второй строительный период;
3 — хумы.

стороной 55×60 м и ориентировано не совсем правильно по странам света, с небольшим отклонением на восток. Тепе возвышается на 8—9 м. Крепостные стены имеют вид оплывших валов. Внутренний микро-рельеф усадьбы довольно ровный. Она постепенно понижается к центру, где, видимо, проходили пересекающиеся улицы. Усадьба имеет двое ворот. Одни расположены в середине северной стены, другие — в юго-восточном углу. В юго-западном углу имеется небольшая возвышенная площадь, где, по всей вероятности, располагалась приемная главы усадьбы (микроцитадель). При косом падении лучей солнца на поверхности четко читаются контуры помещений самого верхнего строительного периода. Подъемный материал не очень богат. В основном он представлен фрагментами керамики и двумя монетами.

На самом возвышенном участке, т. е. в микроцитадели, нами был заложен небольшой раскоп (рис. 5). За несколько дней полевых работ здесь вскрыто большое квадратное помещение (5.6×5.4 м). Стены сохранились на высоту 60—70 см. Уровень пола в помещении зафиксирован на глубине 65 см от репера. Пол тщательно оштукатурен глиной с примесью самана. Стены возведены из прямоугольных сырцовых кирпичей (49—50×24—25×8—9 см); толщина стен 1.1 м. Они также тщательно оштукатурены толстым слоем глины с саманом. Кирпичи изготовлены из маслянистой красноватой глины. Вход в помещение расположен в юго-восточном углу. Находки в помещении очень незначительны. Найдено всего несколько фрагментов красноангобированной керамики и две монеты. Одна монета принадлежит «безымянному царю» («сотер мегас»). На лицевой стороне изображен бюст царя, на оборотной — всадник на лошади. Рисунок последней сохранился не очень хорошо. Другая монета, найденная непосредственно на полу, еще не определена.

За западной стеной помещения расположен длинный коридор шириной 1.1 м. В середине коридора имеются два выступа-перегородки, образующие узкий проход. В северо-западной части раскопа углубились до уровня второго строительного периода. Здесь вскрыли часть помещения. Стены его возведены из прямоугольных кирпичей того же размера, что и стены верхнего строительного периода. Пол помещения оштукатурен толстым слоем ганча. Ширина помещения 2.5 м. Ближе к западной стене в пол вкопан

большой хум венчиком на уровне пола. В этом помещении найдены энохоевидные сосуды и красноангобированные тарелочки. Один из энохоевидных сосудов имеет поверх ангоба вертикальное лощение (рис. 6, 3).

Одно помещение вскрыто в северо-восточной части усадьбы. Оно дало очень богатый как керамический, так и остеологический материал (рис. 6). Размер помещения 3.5×3 м. К юго-западной стене пристроена небольшая перегородка из сырцовых кирпичей. За перегородкой расположен тандыр для выпечки хлеба. Обнаруженные кости животных в основном принадлежат крупному и мелкому рогатому скоту. Среди кера-

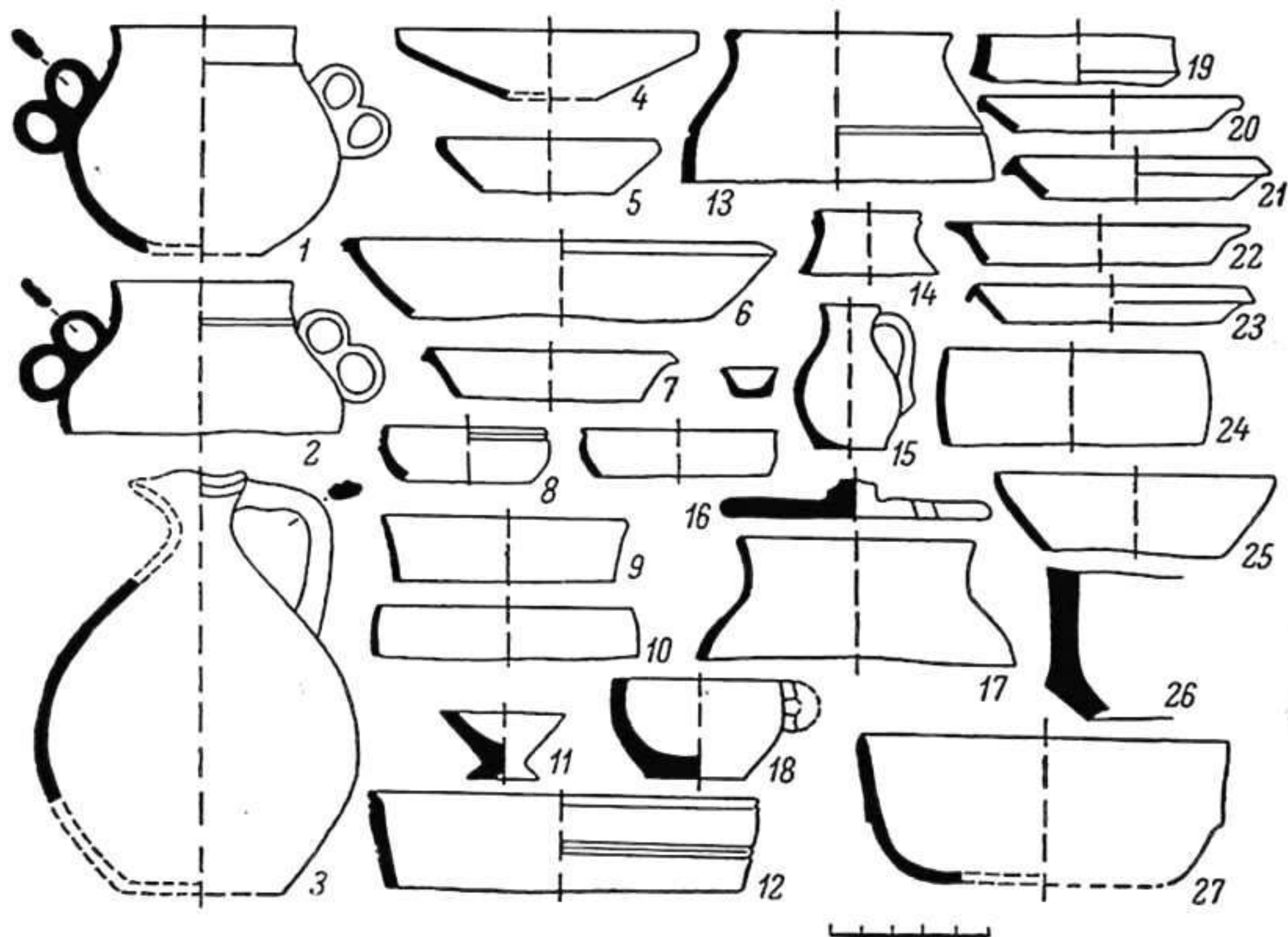

Рис. 6. Керамика Айсари-Тепе (1—27).

мических находок обращают на себя внимание горшки с двумя спаренными ручками по обеим сторонам сосуда (рис. 6, 1, 2). Эти горшки не находят аналогий в других памятниках. Очень интересен фрагмент красноангобированной керамики с нарезным растительным орнаментом в виде листьев (рис. 7, 5). Найдена часть ручки от энохоевидного сосуда со стилизованным орнаментом в виде листьев аканта. Сосуд покрыт красным ангобом. Весьма интересной является и терракотовая статуэтка животного (рис. 7, 7). Помещение это имело бесспорно хозяйственное назначение.

В целом на основании находок верхний горизонт Айсари-Тепе предварительно можно датировать III—V вв. н. э. Керамика из этого горизонта очень своеобразна, и многие сосуды не находят себе аналогий. Основание усадьбы восходит, по всей вероятности, к кушанскому времени или даже к греко-бактрийскому.

В 200 м к северо-западу от усадьбы находится небольшой круглый холм. Диаметр его когда-то был около 20 м, высота 1.5—2 м. В настоящее время половина холма снесена строителями. Несмотря на это, в разрезе не видно следов былой архитектуры, но есть зола, фрагменты керамики (рис. 6, 19—26). Собранный археологический материал с холма аналогичен керамике Афрасиаба II (III—II вв. до н. э.) (Кабанов, 1969,

стр. 186), Кобадiana II (Дьяконов, 1953, стр. 282—287) и Беграма (Ghirshman, 1946, p. 43—53). Здесь же найдены два фрагмента керамики с подкосом. Из числа других находок обращают на себя внимание остатки обгоревшей шерстяной ткани. Находка ткани является пока единственной для Северной Бактрии этого времени — IV—II вв. до н. э. Ткань имеет полотняное переплетение. В античном Мерве самые древние образцы ткани найдены лишь в слоях, датированных монетами II—III вв. н. э. (Усманова, 1963, стр. 68).

В окрестностях указанного холма строителями при земляных работах найдены погребения, где рядом с покойниками находились керами-

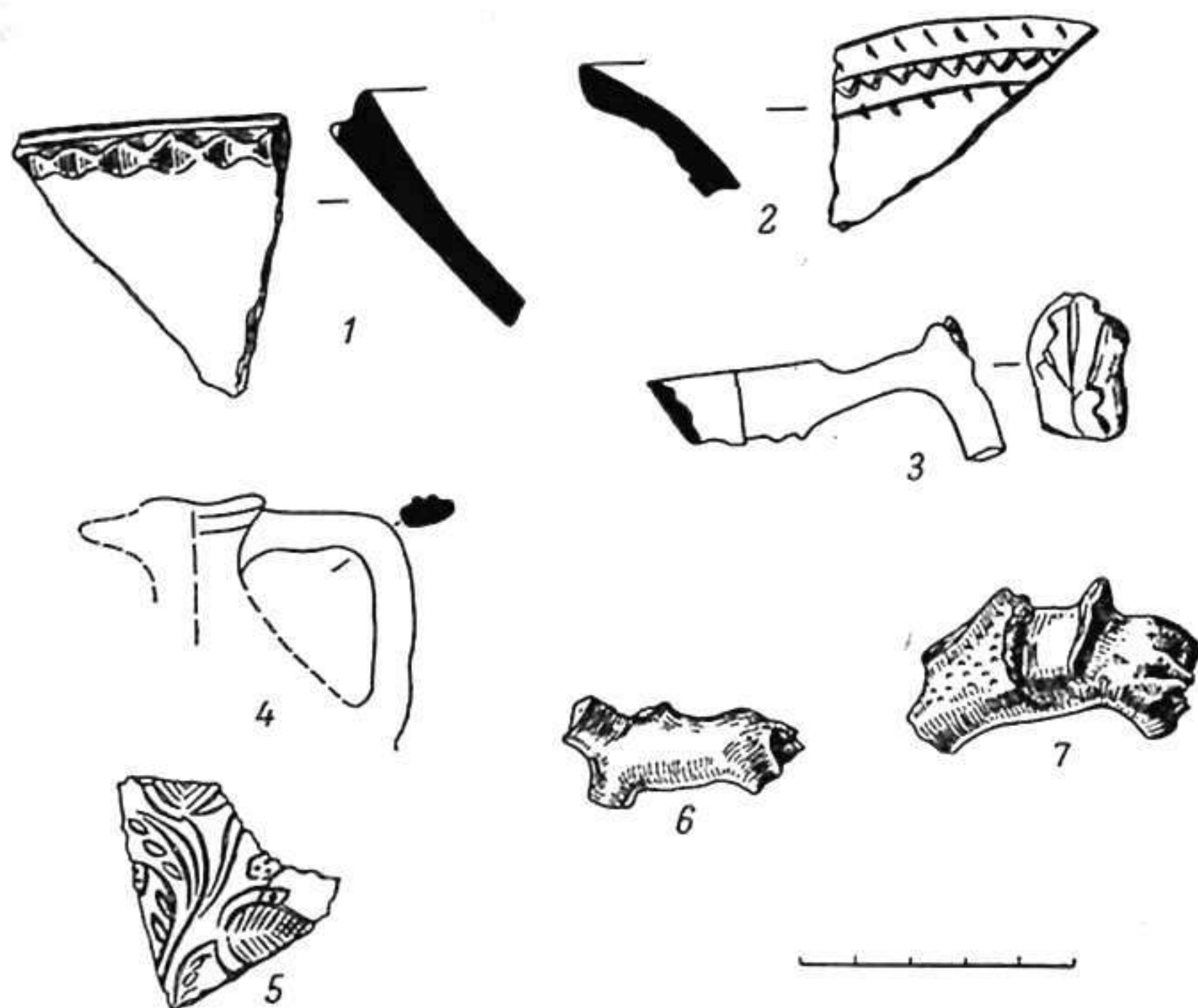

Рис. 7. Айсари-Тепе.

1—5 — керамика; 6, 7 — глиняные статуэтки.

ческие сосуды. Других вещей, по словам рабочих, не обнаружено. Пока неизвестна конструкция погребальных камер. Нам кажется, что здесь было древнее кладбище.

В 3—4 км к югу и юго-востоку от Айсари-Тепе находятся еще два холма кушанского времени. Название этих памятников нам не удалось выяснить, и поэтому мы назвали их условно Безымянный 1 и Безымянный 2. По площади эти памятники намного больше Айсари-Тепе и имеют цитадель. Она, как правило, расположена в одном из углов поселения.

В отчетном сезоне было исследовано и городище Кош-Тепе. Оно находится в 8 км к северо-востоку от Шерабада около кишлака Чагатай. Кош-Тепе состоит из двух отдельных холмов, расположенных рядом, общей площадью около 0.2 га. Высота холмов 1.5—2 м. Один из холмов в настоящее время заасфальтирован и использован под хирман. В другом мы заложили разведочный раскоп площадью 70 кв. м. В результате раскопок на холме выявлены два строительных горизонта. До материка не дошли. Толщина культурного слоя верхнего строительного горизонта 65 см. Он включает остатки двух частично вскрытых помещений. Уровень пола в помещениях зафиксирован на глубине 66 см от репера. Пол

сделан из плотной глины с промазкой. Стены помещений сложены из прямоугольных сырцовых кирпичей ($42-44 \times 23-25 \times 10$ см), имеют глиняную штукатурку толщиной 9 см. Толщина стен 75 см. В пом. № 1 на полу обнаружена медная кушанская монета. Она принадлежит кушанскому царю Кадфизу II. Сохранность монеты удовлетворительная, диаметр 2.6 см, вес 13.032 г. На лицевой стороне изображен царь перед жертвенником, на оборотной — божество с быком. Легенда не сохранилась. Керамический материал из помещений представлен единичными экземплярами — венчики и донца красноангобированных чаш, тарелок, бокал.

Нижний строительный горизонт на раскопе выявлен на небольшой площади шурфа. Стена помещения (вскрыта частично) сложена из квадратных сырцовых кирпичей ($32 \times 32 \times 9$; $34 \times 34 \times 10$ см); толщина ее 1.1 м. Керамический материал весьма скуден. Верхний и нижний строительные горизонты отделены промежутком времени, когда помещение или даже весь дом не обжигался. В пользу этого говорят слои ила, которые зафиксированы между строительными горизонтами.

В настоящее время трудно что-либо сказать о датировке дома, ибо у нас нет ярко выраженных материалов, на основании которых можно было бы его датировать. Монета Кадфиза II также не может служить веским датирующим документом, так как известно, что эти монеты находились в обороте и в более позднее время, при его преемниках. Однако бесспорно, дом обжигался в кушанский период. Дальнейшее изучение этого памятника целесообразно в том отношении, что при малом объеме полевых работ можно получить ценные материалы, отражающие быт и жизненный уровень сельских жителей в период господства рабовладельческой формации.

Рядом, один к югу (Б-28), другой к северу (Б-30) от Кош-Тепе, находятся два довольно больших памятника кушанского времени, верхние слои которых относятся к раннему средневековью.

Таким образом, на основании произведенных весной 1972 г. разведок на территории древней Северной Бактрии, в частности в Шерабадском оазисе, можно сделать следующие предварительные выводы.

1. Шерабадский оазис был освоен по крайней мере в V—IV вв. до н. э., когда возникает поселение Джандавлат-Тепе, в окрестностях которого сооружается культовый комплекс.

2. Впервые на территории Северной Бактрии начаты исследования сельских поселений и усадеб. Ранее подобная работа была проделана для Северной Парфии, где В. Н. Пилипко была предложена классификация типов поселений (1972, стр. 74—87). Из наших памятников к числу усадеб, как нам кажется, можно отнести Айсар-Тепе и Безымянный 2. К поселениям рассредоточенного типа по классификации В. Н. Пилипко можно отнести Кош-Тепе.

К типу сельских поселений относится тепе, расположенное на территории Термезского аэропорта, — поселение компактного типа. Следует надеяться, что дальнейшее изучение этих поселений даст ценные материалы, характеризующие материальную и духовную жизнь непосредственных производителей древней Бактрии.

Л и т е р а т у р а

- В о р о б ь е в а М. Г. 1959. Керамика Хорезма античного периода. ТХАЭЭ, т. IV, М.
Д ь я к о н о в М. М. 1953. Археологические работы в нижнем течении реки Кафир-
нигана (Кобадан) (1950—1951 гг.). МИА, № 37, М.—Л.
З е й м а л ь Т. И. 1971а. Древнеземледельческое поселение Болдай-Тепе. МКТ, в. 2,
Душанбе.
З е й м а л ь Т. И. 1971б. Древние и средневековые каналы Вахшской долины.
В кн.: Страны и народы Востока. X. М.

- Кабанов С. К. 1969. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб. СА, № 1.
Массон В. М. 1959. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, № 73, М.—Л.
Пилипко В. Н. 1972. Исследование античных памятников в Северной Парфии в 1970 г. В кн.: Каракумские древности. В. 4. Ашхабад.
Тереножкин А. И. 1950. Согд и Чач. КСИИМК, в. 33, М.—Л.
Усманова З. У. 1963. Эрк-Кала. ТЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад.
Ghirshman R. 1939. Fouilles de Nad-i-Ali dans le Seistan Afghan. Revue des Arts Asiatiques, t. XIII.
Ghirshman R. M. 1946. Begram, recherches archeologiques et historiques sur les Kuchans. MDFA, t. XII, Caire.
Herzfeld E. 1941. Iran in the Ancient East. London—N. Y.
Schmidt E. 1953. Persepolis. I. Chicago.

А. Я. ЩЕТЕНКО

РАСКОПКИ МОНУМЕНТАЛЬНОГО АРХИТЕКТУРНОГО КОМПЛЕКСА ЗАР-ТЕПЕ

Сорокалетняя история изучения кушанских памятников на территории СССР не так уж богата событиями. Термезская археологическая экспедиция, руководимая профессором М. Е. Массоном, работами в Айр-таме в 1932—1933 и в 1937 гг. положила начало изучению памятников кушанского времени на юге Средней Азии (М. Е. Массон, 1933, 1935, 1938, 1945).

В 1949 г. археологическая экспедиция Академии наук УзССР под руководством Я. Гулямова приступила к обследованию памятников античного времени в окрестностях Термеза, в результате чего появились еще два городища кушанской эпохи — Зар-Тепе и Хайрабад-Тепе (Альбаум, 1955, 1960).

С 1959 г. начинаются планомерные рекогносцировочные и стационарные исследования кушанских древностей, которые продолжаются и по сегодняшний день, проводимые экспедициями Института искусствоведения им. Хамзы (Ташкент) под руководством Г. А. Пугаченковой (Пугаченкова, 1960, 1961, 1963, 1966). Работы ведутся на поселениях Сурхандарьи (Халчаян, Дальверзин-Тепе) и Амударьи (Айртам, Хатын-Рабат, Шор-Тепе). В 60-е годы начинаются раскопки буддийских монастырей Кара-Тепе (Грек и др., 1964) и Фаяз-Тепе.

С целью объединения усилий различных учреждений УзССР для изучения кушанской проблемы в Ташкенте в 1970 г. создается координационная группа¹ во главе с профессором Г. А. Пугаченковой, ставящая своей задачей разработку основных спорных вопросов кушанского царства (Pugachenkova, 1971).

В 1972 г. к исследованию этих же проблем подключаются археологи Ленинграда и Самарканда. По инициативе председателя научного совета по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана профессора В. М. Массона организуется Бактрийская археологическая экспедиция.

В мае 1972 г. Бактрийской экспедицией была проведена первая разведка, в результате чего на юге Узбекской ССР были обследованы античные городища. Некоторые из них выбраны для ведения стационарных раскопок (В. М. Массон, 1973). Основная цель работ Бактрийской экспедиции — изучение античного города. Причем для изучения различных

¹ В эту группу вошли сотрудники трех учреждений: Академии наук УзССР, Института искусствоведения им. Хамзы и Ташкентского университета.

аспектов этой проблемы выбраны разные городища. Так, на городищах Зар-Тепе и Хаитабад-Тепе признано целесообразным изучение внутренней структуры, планировки города и его фортификационной системы.

Осенью 1972 г. отдельный отряд Бактрийской экспедиции,² специализирующийся на изучении городов, приступил к раскопкам на городище Зар-Тепе.

Городище Зар-Тепе расположено на юге Сурхандарьинской области, в Джаркурганском районе, в 4 км к югу от районного центра Ангор и в 26 км к северо-западу от г. Термеза. Приблизительно в 1 км к востоку от автостреды Термез—Ташкент в небольшой низине среди хлопковых полей живописно расположились оплывшие холмы древнего города. Он имел форму квадрата со стороной в 400 м, ориентированного по странам света, с некоторым отклонением на северо-запад от оси СЮ. В северо-восточном углу городища расположена квадратная в плане цитадель (сторона ее около 100 м), самая высокая точка поселения — около 14 м над окружающей равниной. В трех углах цитадели (кроме юго-западного) видны руины башен в виде оплывших бугров, слегка выступающих за линию стен цитадели. Внутри цитадели, вероятно, находились какие-то постройки, группировавшиеся вокруг небольшой площадки в центре — от них остались оплывшие бугры разных размеров. С южной и западной сторон цитадели проходят глубокие ложбинки, — очевидно, остатки древних рвов, а возможно, служившие и въездом в город. С самой высокой, северо-восточной башни цитадели открывается прекрасный обзор всего городища. Глубокий ров, который в настоящее время углублен ирригаторами, окружал городище со всех четырех сторон. Крепостные стены с рядами башен сохранились в виде оплывших бугров на высоту от 4 (в северо-западной части городища) до 6—7 м (в юго-восточном углу). Здесь же отмечено второе после цитадели высокое всхолмление, отрезанное с севера от городища глубокой ложбинкой.

Недалеко от этого возвышения в восточной стене находился третий въезд на городище. Четвертый въезд, возможно, был на противоположной, западной стороне городища, почти на одной линии с третьим. Внутри городища группами расположены всхолмления — остатки древних строений. Поверхность городища вдоль северной и южной стен покрыта зарослями мелкого кустарника, тогда как центральная часть свободна от растительности и на ней в большом количестве встречены фрагменты керамики, монеты и другие мелкие находки.

Первичное обследование городища Зар-Тепе проведено Л. И. Альбаумом (Альбаум, 1955, 1960, стр. 14—41). Им был составлен глазомерный план городища, дано его описание, собрано около 300 монет и предложена датировка кушанским и раннесредневековым временем.

Весной 1972 г. В. М. Массон при обследовании городища обратил внимание на каменную базу, расположенную к юго-западу от цитадели в центре обширного, довольно ровного всхолмления. Пробная траншея сразу же выявила монументальную стену, и было решено в дальнейшем произвести здесь стационарные раскопки.

Осенью 1972 г. на этом месте был разбит раскоп площадью 600 кв. м (длина 27 м, ширина 23 м). Сразу же под рыхлым дерновым слоем были обнаружены остатки толстых стен (1.5—1.6 м), позволившие оконтурить в пределах раскопа часть планировки какого-то большого здания, состоявшего из нескольких помещений (рис. 1). Ориентировано оно было

² В работе отряда, кроме автора статьи, приняли участие сотрудники ЛО Института археологии АН СССР — В. И. Осипов и Н. Н. Скакуц, Института археологии АН УзССР — К. Сабиров, У. Рахманов, Института истории АН ТуркмССР — В. Н. Пилипко, художник В. И. Завидовский, археологи Ю. Е. Березкин и В. А. Завьялов, журналист В. Л. Полторац.

по длинной своей оси на северо-запад. В плане было намечено 8 прямоугольных помещений, однако два из них (№ 4 в западном углу раскопа и № 8 — в южном) не были раскопаны из-за огромных земляных отвалов.

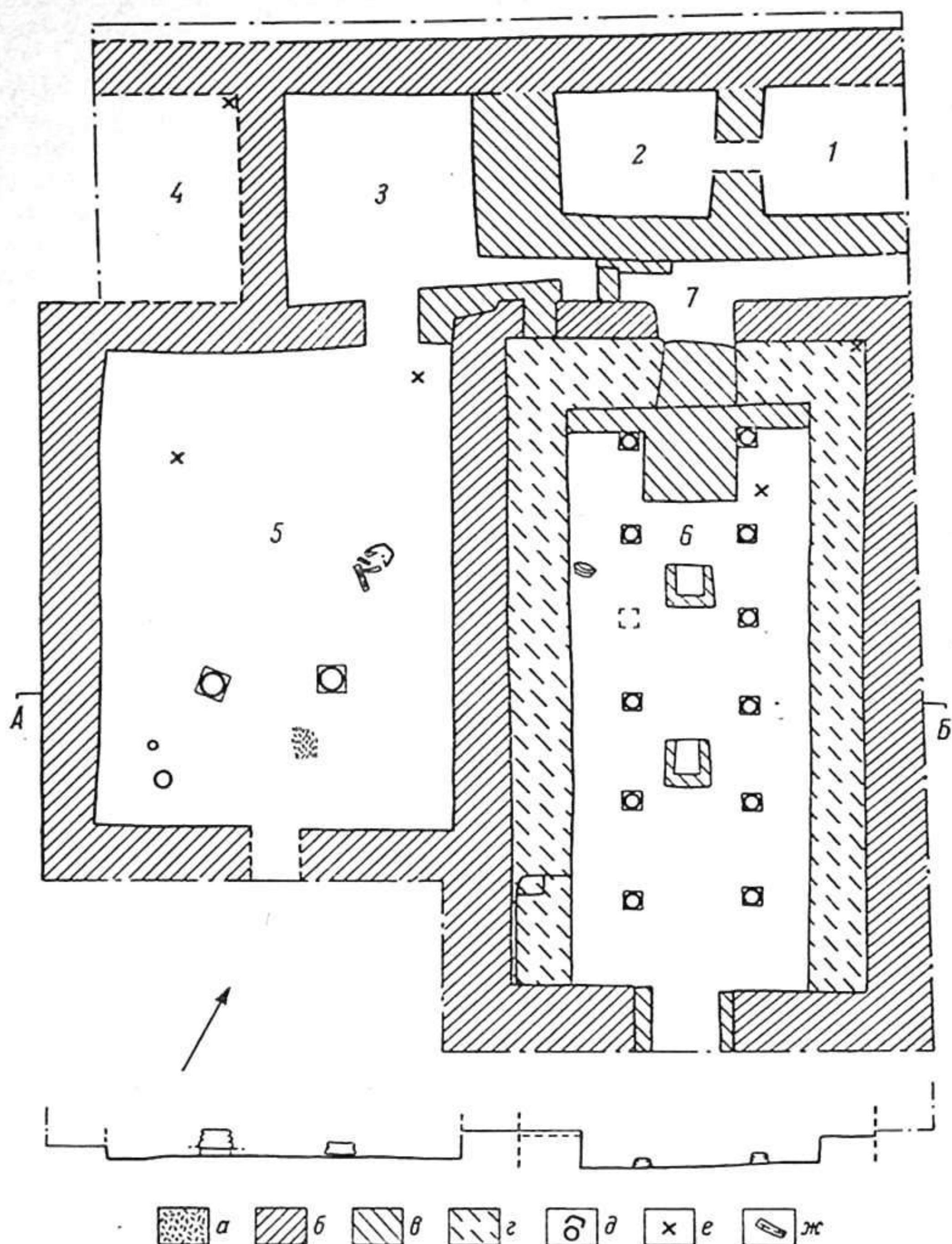

Рис. 1. План части монументального здания на Зар-Тепе.

1—7 — помещения; а — обожженный пол; б — стены 1-го строительного периода; в — стены 2-го строительного периода; г — суфа; д — сосуд; е — монета; ж — горелое дерево.

Остальные помещения были прокопаны до уровней полов, причем выяснилось, что северо-западный ряд помещений (№№ 1—3) имел два уровня разновременных полов и что стены между помещениями были связаны с поздним по времени уровнем пола. Таким образом, удалось выделить два строительных периода раскопанного здания. Это подтвердилось и наблюдениями при работах на остальной части раскопа, особенно в пом. № 6 (зал с колоннами).

Первоначально раскопанная часть здания состояла из трех больших помещений. Пом. № 5 (13×8.5 м) юго-восточным проходом (ширина 1.4 м) было связано с пом. № 8, а северо-западным (1.4 м) с помещением, вытянутым в виде длинного коридора (ширина 5.5 м), позднее перестроенным в пом. №№ 1—3 и, возможно, 4. Сохранность стен в пом. № 5 от 70—80 см в юго-восточной части до 115—120 см в северо-западной. Стены были обмазаны несколькими слоями ганча, а затем побелены. Ганчевый пол, сохранившийся на всей площади помещения, в нескольких местах имел следы ярко-голубой и красной краски — фрагменты росписей и куски окрашенного в красный цвет архитектурного известнякового декора. В юго-восточной части помещения прямо на полу стояли две базы для колонн из беловатого мергелистого известняка. Одна из них, уже описанная и опубликованная Л. И. Альбаумом, была смещена, тогда как другая, точная копия первой, но несколько иных размеров, находилась *in situ*. Она имеет квадратный плинт (сторона 80 см), на нем — вал, пояс, скоция, пояс, второй вал и 3 пояска уступом кверху (рис. 2). Общая высота базы 36 см; в верхней части ее, в центре, сделано небольшое квадратное отверстие (сторона его 12 см, глубина 6 см).

На полу пом. № 5, в южном углу, стояли донца двух больших хумов; остатки третьего, разбитого сосуда находились в центре помещения, ближе к юго-восточной стене, перекрытые обгорелыми бревнами-балками (диаметр балок 15—20 см). В заполнении помещения часто встречались древесный уголь, керамика и монеты. Прямо на полу *in situ* были расчищены две бронзовые монеты, кусок дерева, полая ножка красноангобированного кубка, несколько фрагментов керамики со штампом «дерево».

Аналогичную пом. № 5 планировку и ориентировку имело соседнее с ним пом. № 6 (зал с колоннами). Его размеры: по линии СЗ—ЮВ 17.8 м, по линии ЮЗ—СВ 9.2 м (сохранность стен в высоту 90—100 см). Характерная особенность этого помещения в первый строительный период — наличие деревянных колонн, покоящихся на каменных базах. Базы, сделанные из мягкого мергелистого известняка белого цвета, по форме похожи на каменные базы пом. № 5, но размеры их несколько иные (рис. 3, 1). Так, плинт — квадрат со стороной 50 см — характерен для всех 12 баз. Это же можно сказать и о высоте их (25 см), и о размерах других деталей: валиков, скоций, уступов. Отверстия, служившие, вероятно, для установки деревянных колонн, отмеченные в верхних частях баз, были либо круглой формы (6 случаев), либо квадратной (6 случаев). Базы расположены в два ряда, в каждом по 6 штук; расстояние между рядами 3 м. Интервалы между базами в среднем 2.5 м. На таком же расстоянии от северо-западной и юго-восточной стен находились пары крайних баз.

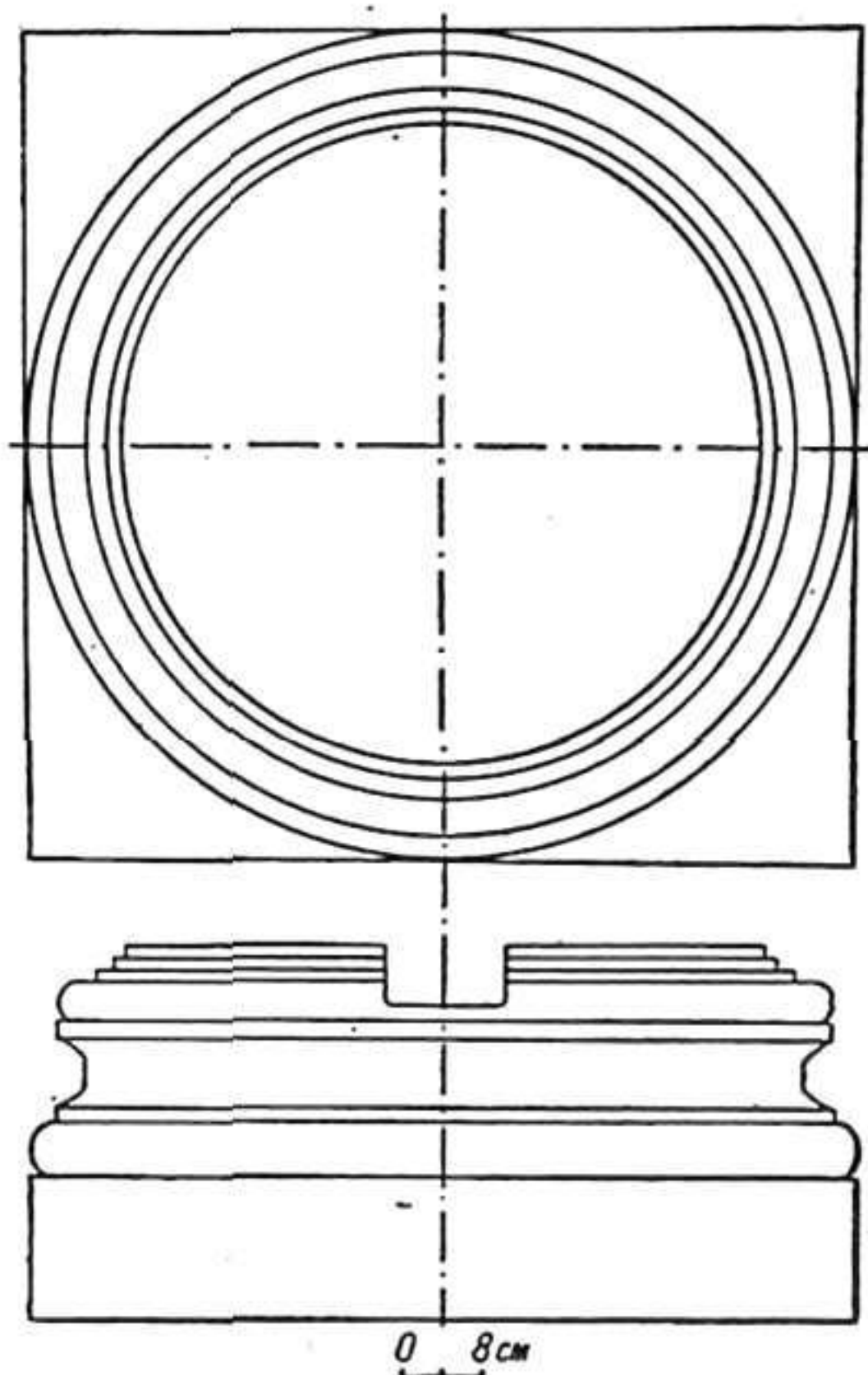

Рис. 2. Каменная база колонны.

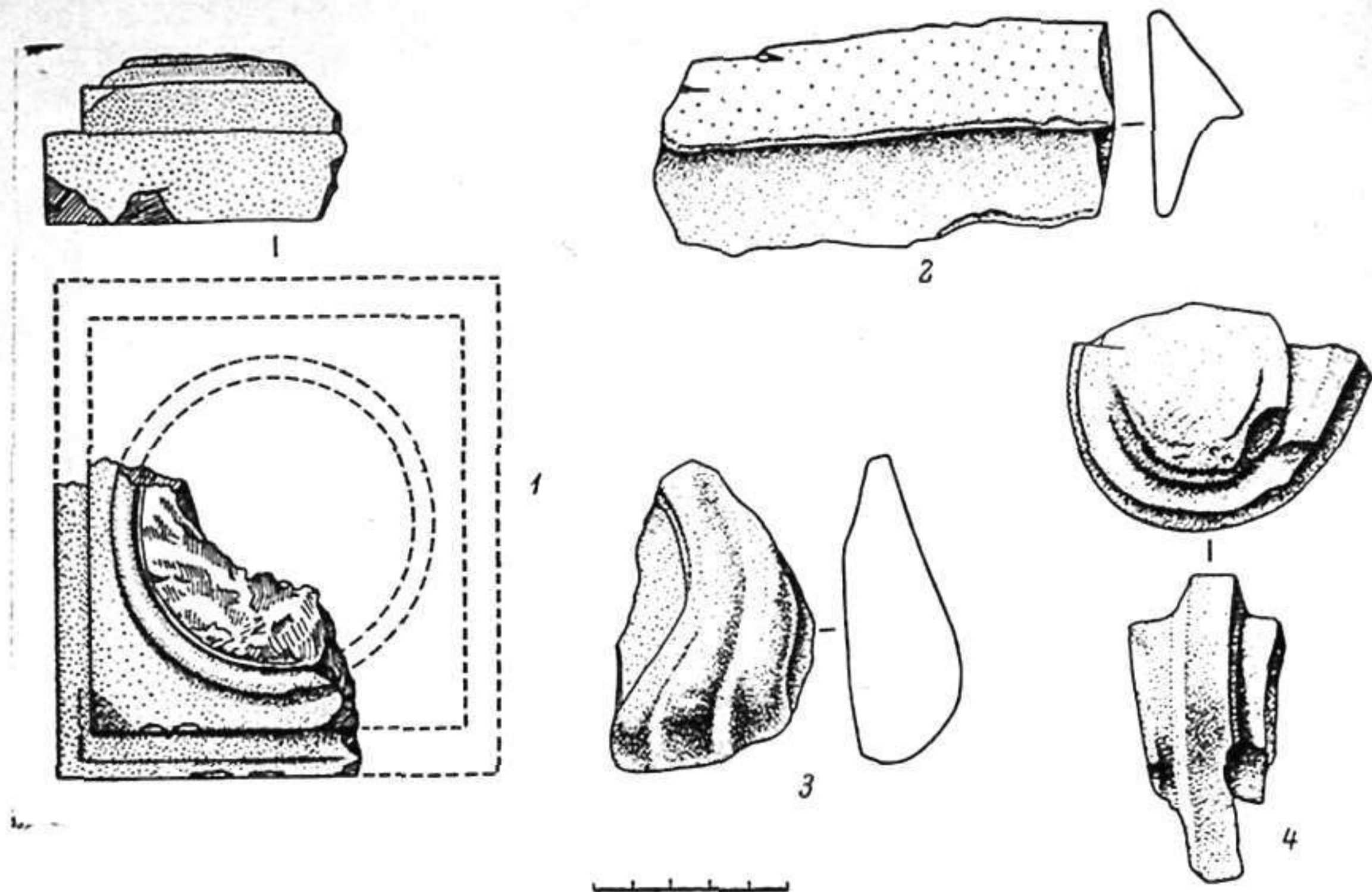

Рис. 3. Фрагменты архитектурного декора.

1 — база колонны; 2 — крашенный ганч; 3 — деталь одежды; 4 — фрагмент капители.

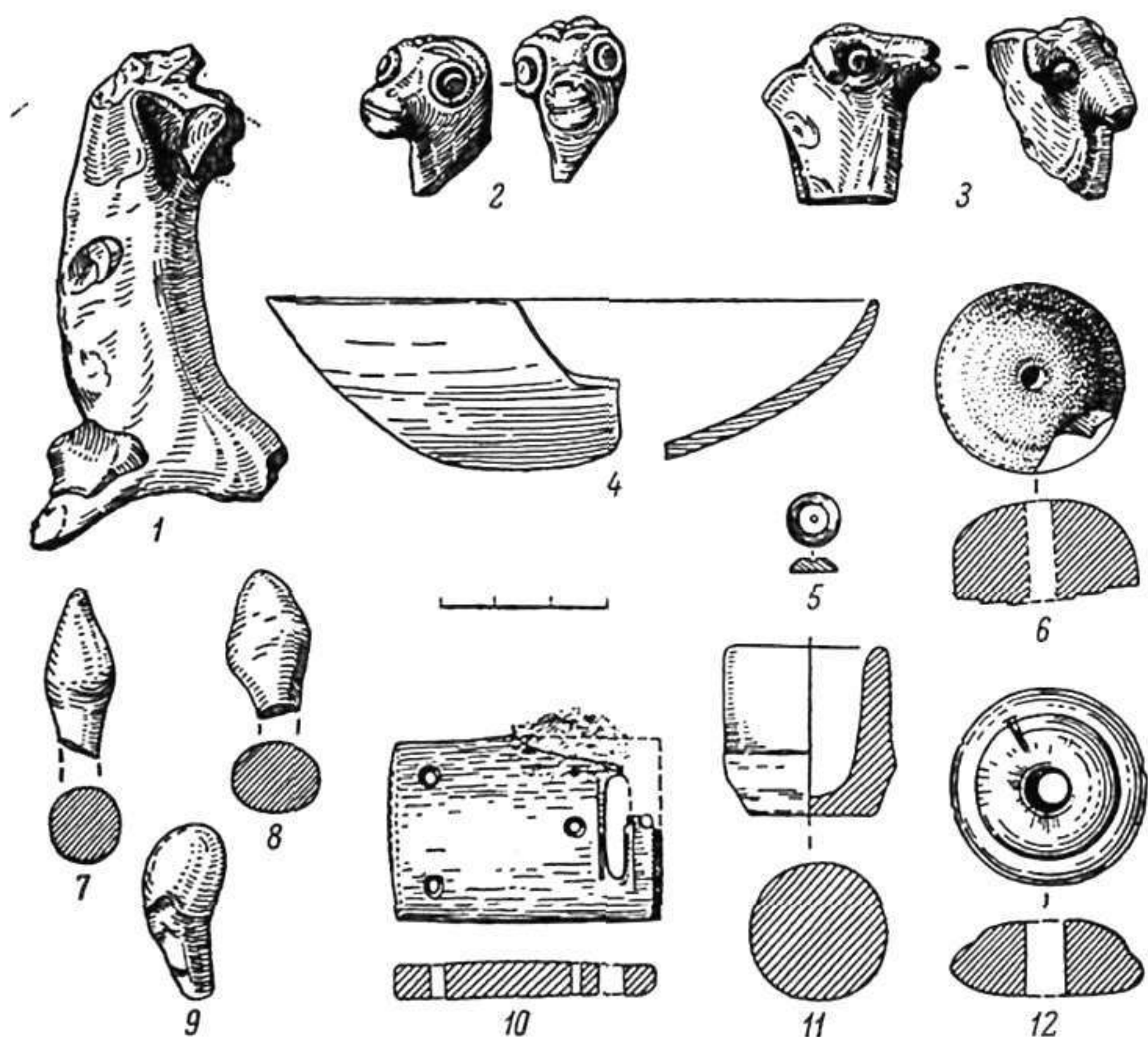

Рис. 4. Различные предметы из раскопов на Зар-Тепе.

1—3 — статуэтки животных; 4, 11 — сосудики; 5, 6, 12 — каменные бусы и пряслица; 7—9 — поделки; 10 — костяная пряжка (1, 10 — раскоп № 2, остальные раскоп № 1).

В пом. № 6 находок было значительно меньше, чем в соседних помещениях (рис. 4), но все же здесь найдены две монеты: одна в заполнении, другая в северном углу, на уровне суфы, пристроенной позднее.

Зал с колоннами был проходным, как и пом. № 5. Северо-западным проходом (ширина около 2 м) он выходил в коридор, часть которого (пом. № 3) была прокопана до пола, общего для пом. №№ 5 и 6. На этом полу было найдено несколько красноангобированных полусферических мисок, кости барана и 5 поделок из необожженной глины. В этом же помещении удалось проследить нижний пол (отметка — 147 см от репера), перекрытый остатками верхнего пола (отметка — 109 см), на котором возведены стены пом. №№ 1 и 2.

Ко времени существования верхнего пола, вероятно, относится и перестройка зала с колоннами.

Вдоль длинных стен пом. № 6 была сооружена суфа (в среднем ширина ее 1.5 м, высота над уровнем нижнего пола 70 см). Ею был закрыт северо-западный проход, а противоположный вход сужен (вместо 2.5 м он стал 1.7 м). Посередине зала, между рядами каменных баз, были воздвигнуты два трапециевидных возвышения на высоту 80 см над полом (размер в среднем 1.2×1.2 м). Еще более массивная площадка была сооружена у северо-западной стены (2.4×2 м). Все они были сложены из сырцового кирпича и покрыты глиняной обмазкой. На двух подставках удалось заметить обожженные прямоугольные площадки, — вероятно, здесь горел огонь.

Итак, во второй строительный период только пом. № 5 не подвергалось перестройке, тогда как площадь пом. № 6 сократилась почти вдвое (вместо 164 кв. м оно стало 90 кв. м), а длинный коридор был превращен в ряд небольших помещений (площадь пом. № 3 27.5 кв. м, пом. № 2 13.6 кв. м), соединенных между собой узкими проходами (ширина 75 см). Помещения второго строительного периода были забутованы, и поэтому материал из них довольно скуден. В углу пом. № 4 была найдена бронзовая монета, в пом. № 2 — глиняная головка бычка или обезьяны и фрагмент окрашенной в красный цвет скульптуры (деталь одежды?) (рис. 3, 3). Керамика представлена экземплярами со штампованным орнаментом, чашами и кубками на полых ножках (рис. 5). Все это — красноангобированная посуда.

Таким образом, работы на Зар-Тепе выявили остатки какого-то монументального многокомнатного здания. Незначительный развал стен и наличие каменных баз для колонн дают возможность предположить, что здание лишь наполовину было сооружено из сырцового кирпича, тогда как верхняя его часть была сделана, вероятно, из дерева, а потолочные перекрытия поддерживались деревянными колоннами. Если планировка

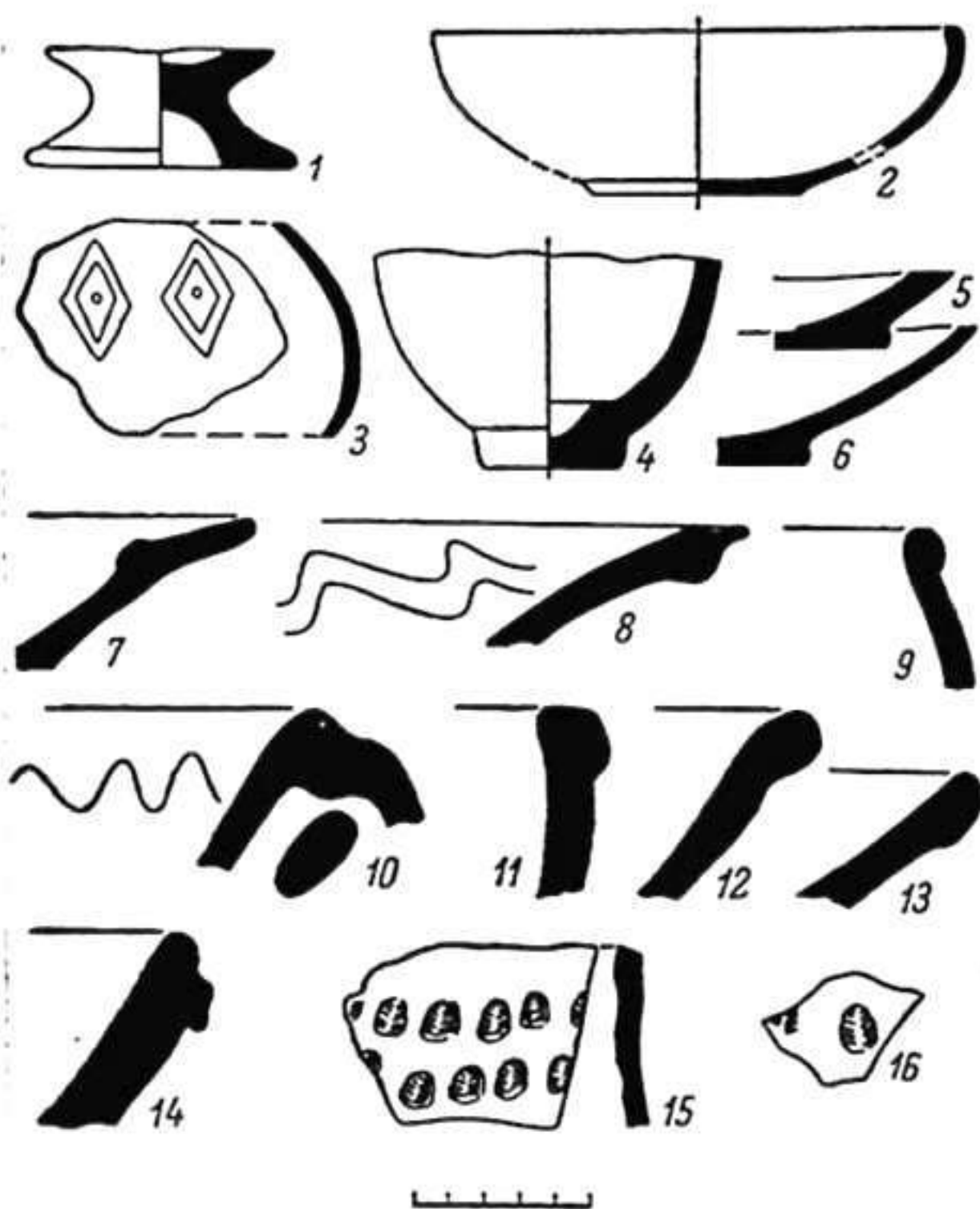

Рис. 5. Керамика из раскопа № 1 на Зар-Тепе (1—16).

вскрытой части здания пока не находит аналогий, то отдельные архитектурные детали, например базы колонн, имеют много параллелей. Каменные базы, все одинаковой профилировки, принадлежат к широко распространенному, так называемому аттическому типу. Хронологические рамки его довольно широки: от храма Артемиды Эфесской (VI в. до н. э.) до раннесредневековых построек (Пугаченкова, 1966, стр. 133). Аналогичные каменные базы известны на ближайших античных памятниках Южного Узбекистана: на Кара-Тепе (Грек и др., 1964, стр. 10—11, рис. 10—11), на городище Термеза (Пугаченкова, 1945), в Халчаяне (Пугаченкова, 1966, стр. 132) и Дальверзине. Такие же базы открыты в Афганистане, в Сурх-Котале (Schlumberger, 1952, pl. III, 2; pl. IV, 2; 1953, fig. 8—10), и в Пакистане, в Таксиле (Marshall, 1951, III, pl. 28, 44, 120A). Их изображение есть и на ранних кушанских рельефах из Пешаверского музея (Marshall, 1960, fig. 43—46). Следовательно, принадлежность каменных баз Зар-Тепе к кушанскому времени не вызывает сомнений. Из-за скудости керамического материала весь монументальный комплекс Зар-Тепе можно предварительно датировать кушанским периодом, надеясь, что уже работы следующего сезона позволят уточнить эту датировку.

Л и т е р а т у р а

- Альбаум Л. И. 1955. Некоторые данные по изучению Ангорской группы археологических памятников (1948—1949). ТИИА АН УзССР, т. VII, Ташкент.
- Альбаум Л. И. 1960. Балалык-Тепе. Ташкент.
- Грек Т. В., Е. Г. Пчелина, Б. Я. Ставицкий. 1964. Кара-Тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. М.
- Массон В. М. 1973. Археологические работы в Северной Бактрии. АО 1972 г. М.
- Массон М. Е. 1933. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э. Ташкент.
- Массон М. Е. 1935. Скульптура Айртама. Искусство, № 2.
- Массон М. Е. 1938. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936—1937 гг. СОНАТ, № 7.
- Массон М. Е. 1945. Работы Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1937—1938 гг. ТТАКЭ, т. II, Ташкент.
- Пугаченкова Г. А. 1945. Фрагменты эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана. ТТАКЭ, т. II, Ташкент.
- Пугаченкова Г. А. 1960. Археологическая разведка у селения Халчаян. ИАН УзССР, сер. общ. наук, № 3.
- Пугаченкова Г. А. 1961. Некоторые итоги экспедиционных исследований Института искусствознания в 1960 г. ОНУ, № 3.
- Пугаченкова Г. А. 1963. К итогам полевых исследований искусствоведческой экспедиции 1961 г. ОНУ, № 4.
- Пугаченкова Г. А. 1966. Халчаян. Ташкент.
- Marshall J. 1951. Taxila. I—III. Cambridge.
- Marshall J. 1960. The Buddhist art of Candhara. Cambridge.
- Pugachenkova G. A. 1971. More on the studies of the Kushan monuments in Southern Uzbekistan. Kushan Culture and History, № 2, Kabul.
- Schlumberger D. 1952. Le temple de Surkh Kotal en Bactriene. Journ. Asiatique, t. CCXL, fas. 4.
- Schlumberger D. 1953. Surkh Kotal. A late Hellenistic Temple in Bactria. Archaeology, v. 6, № 4.

РАСКОПКИ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ГОРОДИЩА ЗАР-ТЕПЕ

Одной из важнейших проблем в изучении древних городов Средней Азии является исследование оборонительных сооружений. До сих пор нет обобщающей монографии, посвященной древней среднеазиатской фортификации. Эти проблемы лишь в малой степени затронуты в специальных разделах отдельных работ (Пугаченкова, 1958, 1966; Кошеленко, 1963, 1966; Толстов, 1948а, 1948б; Литвинский, Пьянков, 1966). Сообщения письменных источников о древних укреплениях также очень скудны.

В истории фортификации Средней Азии важное место занимают оборонительные сооружения памятников юга Узбекистана, т. е. древней Бактрии. Изучение оборонительных сооружений этого района началось в конце 20-х годов и было предметом внимания ряда археологических экспедиций.

В 1926—1928 гг. экспедиция Музея восточных культур (ныне Музей искусства народов Востока) во главе с Б. П. Денике произвела раскопки в Старом Термезе и исследование его окрестностей. Эти работы в более широком масштабе были продолжены Термезской археологической экспедицией (1936—1938 гг.) во главе с М. Е. Массоном.

С 1955 г. археологическая экспедиция Института искусствознания им. Хамзы, возглавляемая Г. А. Пугаченковой, производила археологические раскопки античного Халчаяна (близ Денау), где изучены оборонительные сооружения Карабаг-Тепе (Пугаченкова, 1966, стр. 100—103). В настоящее время ведется археологическое изучение Дальверзин-Тепе, где исследованы мощные крепостные стены, окружающие цитадель и городище (Тургунов, 1968, стр. 40—42).

Изучение древней фортификации проводилось и в юго-западном Таджикистане. Здесь в 1950—1951 гг. отрядом Таджикской археологической экспедиции под руководством М. М. Дьяконова исследовались памятники кушанского времени в среднем течении Кафирнигана.

Городище Кей-Кобадшах имело хорошо сохранившиеся оборонительные стены с прямоугольными башнями. В 1952—1953 гг. А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер (1958, стр. 290) продолжили раскопки этого городища. В 1955 г. Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович производили археологические раскопки ворошиловобадского городища Кухна-Кала (1954, стр. 53—55). Здесь обнаружена крепостная стена, сложенная из квадратного сырцового кирпича ($36 \times 36 \times 16—18$ см), с прямоугольными башнями и многочисленными бойницами. Э. А. Юркевич выделяет в археологическом изучении античных памятников в Северном Афганистане, Пакистане и Индии три больших периода (1968, стр. 4—5). Первый период — до 1922 г., второй — 1922—1941 гг., третий период — с 1941 г. по настоящее время. В течение этих периодов также проводилось изучение фортификации кушанского времени, привлекавшей внимание не только советских археологов, но и зарубежных.

В 1941 г. отряд французской миссии под руководством Р. М. Гиршмана производил раскопки городища Беграм, где вскрыл оборонительные сооружения III в. до н. э.—IV в. н. э. (Ghirshman, 1946, p. 16—17). Крепостные стены Беграма имеют толщину 10 м, возведены из сырцового кирпича ($40 \times 40 \times 10$ см) и фланкированы прямоугольными башнями (там же, стр. 20).

Стены городища Бактры специально исследовались американскими (Young, 1955, p. 267) и французскими археологами. Они пришли к заключению, что эти стены были сооружены во II в. н. э. В последние годы

французская миссия уделяет большое внимание Северному Афганистану, где были произведены раскопки городища Айя-Ханум II, имевшего два ряда мощных оборонительных стен, сложенных из сырцового кирпича (Юркевич, 1969, стр. 114). Все эти данные дают большой материал для изучения оборонительных сооружений и приемов строительной техники народов древней Бактрии. Изучение истории и культуры кушанской эпохи заметно усилилось после душанбинской конференции 1968 г. (с 27 октября по 5 ноября), которая дала толчок к дальнейшему исследованию и раскопкам памятников этого времени. В 1972 г. для широкого изучения древних, и в первую очередь кушанских, памятников на юге Узбекистана была создана Бактрийская экспедиция.

Осенью 1972 г. специальный отряд этой экспедиции производил археологические раскопки на городище Зар-Тепе, площадью 16 га, внешние оборонительные стены которого сохранились в виде оплывших валов.

С целью изучения оборонительных сооружений на северо-западном фесе городища между остатками двух башен, хорошо видных в микро-рельефе, была заложена траншея (23.5×2 м) и на одной из башен осуществлена зачистка всего внешнего оплыва. Общая площадь раскопа около 100 кв. м.

В траншее предполагается осуществить полный разрез городских стен, а пока выполнена примерно половина объема намеченных земляных работ. В текущем сезоне вскрытие осуществлялось ступеньками, с углублением на отдельных участках до 2.5 м от поверхности (см. рисунок).

Общий перепад высоты в разрезе 6.75 м (III—XVI ярусы; за реперную точку взята вершина оплыва башни, расположенной северо-западнее разреза). Остатков оборонительных стен, связанных с последними периодами существования города, в разрезе пока не обнаружено. Верхние слои оплыва, расположенные в южной части траншеи, связаны с остатками какого-то здания, выведенного на уровне древней поверхности с отметкой 250 см. Мощные стены этого здания сложены из сырцового кирпича ($35 \times 35 \times 8$, $5-9-10$, $35 \times 34 \times 9$, $34 \times 34 \times 10$ см). На трех извлеченных целыми кирпичами обнаружены клейма в виде вертикальной осевой черты; на одном кирпиче — в виде двух коротких параллельных черточек в средней части плоскости. Ширина стен точно не выяснена из-за плохой сохранности внутренних граней (приблизительно 2 м). От этого здания в раскопе расчищена часть помещения с алтарем. Алтарь был вмонтирован в какую-то платформу у восточной стены помещения. Он представляет собой каменный диск из мягкого белого камня (мергелистый известняк?). Диаметр диска по верхней плоскости 62 см, толщина 22 см. В центре диска имеется квадратное углубление со стороной 22 см, глубиной 5 см, в котором с помощью алебастрового раствора закреплена бронзовая чаша для огня (в чаше были обнаружены мелкие угольки). Чаша представляет собой бронзовую плиту ($20 \times 20 \times 2.6$ см) с углублением в верхней плоскости. Углубление круглое в плане, диаметром 18 см. Верхняя плоскость алтаря неровная, грубо обработанная. Алтарь еще в древности лишился примерно четверти диска. Тогда же недостающая часть была восполнена обломком каменной плиты и несколькими более мелкими. Над алтарем находился мощный слой (до 25 см) древесного угля и золы, на котором располагался кирпичный завал. Из заполнения помещения были извлечены керамика позднекушанского облика, а также один венчик хума. Судя по полевым наблюдениям, помещение с алтарем, вероятно, было внезапно завалено еще в древности, что делает перспективным дальнейшее его изучение.

Ниже основания стен здания с алтарем (VI—VII ярусы) отмечены прослойки различной плотности, разделенные частыми уровнями полов, залегающими почти горизонтально (среди них выделяется уровень пола

из плотной темно-серой глины — 300 см). Этот культурный слой покоится на плотной кирпичной структуре, имеющей неровную, бугристую поверхность. При зачистке в ней угадываются отдельные кирпичи, однако регулярной кладки проследить не удалось. Толщина этой платформы не превышает 0.5 м. Под ней (VIII ярус) зафиксирован плотный культурный слой с включениями золы, угольков, керамики, костей животных. Ниже отмечена еще одна платформа (или оплыв), состоящая из обломков сырцового кирпича, имеющая толщину около 1 м. В ней можно выделить три самостоятельные прослойки, отличающиеся разной плотностью и цветом.

Под этой кирпичной структурой залегает мощный пласт мусорных прослоек с обильными находками керамики (IX—XIII ярусы). Следует отметить, что эти прослойки залегают не горизонтально, а со значительным подъемом в северном направлении. Это объясняется тем, что севернее находилась древняя оборонительная стена. Стена эта возведена на невысокой пахсовой подушке, в разрезе от нее сохранились лишь два нижних ряда кладки. Размеры сырца $37 \times 37 \times 10$, $38 \times 37 \times 12$, $40 \times 38 \times 11$ см. В настоящее время фиксируется лишь внутренняя (южная) грань стены — внешний ее край смыт, поэтому толщина установлена быть не может (но не менее 1.7 м). В стене имеется проход шириной 55—60 см. Ниже пахсовой подушки этой древней стены начинаются горизонтально залегающие песчаные и глиняные прослойки осадочного происхождения, в которых изредка встречаются мелкие невыразительные фрагменты керамики. В начале XV яруса залегает прослойка плотной коричневой глины, ниже которой идет слой вязкой глины без каких-либо материальных остатков.

В северной оконечности разреза горизонтальное залегание слоев сменяется наклонным (понижение в северном направлении), низина заполнена болотистой почвой, что дает основание видеть в ней остатки древнего рва. В этой зеленоватой глине и даже ниже встречаются отдельные мелкие фрагменты керамики. Но дальнейшее углубление на этом участке оказалось невозможным из-за близости грунтовых вод.

В предварительном порядке описанные прослойки можно разделить на пять пластов, соответствующих каким-то периодам обживания городища: остатки нижней древней стены (XIII ярус); мусорные слои, перекрывающие стену (IX—XIII ярусы); платформы над мусорными слоями (VIII—X ярусы); плотные мусорные слои (VI ярус); здание с алтарем (III—V ярусы). Датировка этих периодов обживания до тщательного изучения керамического материала может быть определена очень грубо. На основании предварительного изучения керамики здание с алтарем следует датировать позднекушанским временем или даже еще более поздним. Культурные слои под зданием следует также относить к III—IV вв., так как черноглиняная керамика в этом слое отсутствует. Мусорные слои под платформами относятся к I—II вв. н. э.; отсюда нижнюю стену соответственно следует датировать временем не позднее I в. н. э.

Расчистка башни, расположенной юго-восточнее разреза стены, выявила сложную картину неоднократных перестроек оборонительных сооружений, разобраться в которых, по-видимому, можно будет только после осуществления сплошного разреза.

В предварительном порядке можно выделить по крайней мере три крупные перестройки внешних оборонительных сооружений.

1. Остатки наиболее древней стены обнаружены у подошвы оплыва. Здесь расчищена достаточно хорошо сохранившаяся внешняя грань стены, возведенной на пахсовой платформе. Основание стены находится на 6.8 м ниже репера; местами стена сохранилась на высоту до 1.8 м.

По внешнему фасу грань стены удалось расчистить на участке шириной 10 м. В западной части расчистки обнаружена грань кирпичной кладки, образующей прямой угол с линией стены. Эта грань прослеживается на 2.3 м и затем выклинивается. Вероятно, это остатки прямоугольной башни, выступающей за стены.

Выше древней стены обнаружены два ряда горизонтальной кирпичной вымостки, на которой зафиксирован 85-сантиметровый слой кирпичного завала или скорее всего забутовки, сверху имеется слой рыхлой земли толщиной 25 см.

2. На слое древней стены, возможно, выполнявшем роль платформы, зафиксирована сырцовая кладка из квадратных кирпичей со стороной 30—32 см, толщиной 10—12 см (изредка встречаются кирпичи 29—33 см). Кирпичи без примеси самана. Кладка на глиняном растворе. Высота кладки 1.85 м (внешняя грань смыта, внутренняя не расчищена). Принадлежит она, очевидно, древней башне, скорее ее цоколю (основание кладки имеет отметку 159 см). Сверху эту кладку без всяких прослоек перекрывает 50-сантиметровый слой пахсы. Внешняя грань пахсовой стенки не сохранилась, но внутренняя начинается очень четко по всей ширине зачистки (2.7 м). Грань прямая; в ней обнаружены два прямоугольных углубления — нишки примерно 18×25 см, расположенные на расстоянии 1.5 м друг от друга. За пахсовой стеной начинается рыхлое заполнение. Очевидно, нами частично расчищено внутрибашенное помещение. На современном этапе работ осталось невыясненным, являются ли пахсовая стена и кирпичная кладка одновременными или перед нами свидетельство двух последовательных этапов перестроек башни.

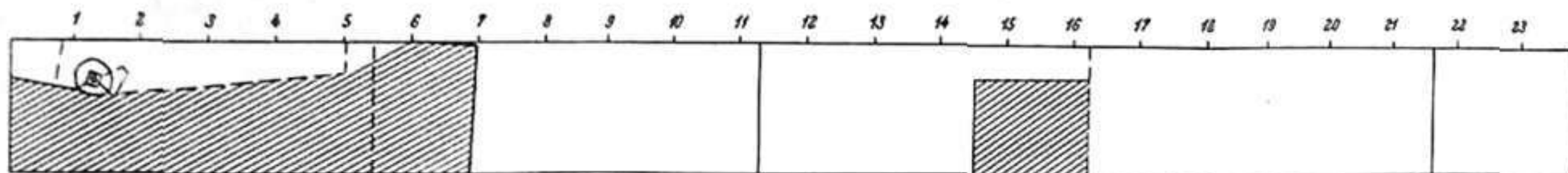
3. На последнем периоде существования оборонительных сооружений остатки внутрибашенного помещения были перекрыты сплошной кирпичной закладкой. Размеры кирпичей: $30 \times 30 \times 12$, $31 \times 30 \times 11$, $32 \times 31 \times 12$ см. Реже встречаются кирпичи размерами $33 \times 33 \times 10$, $34 \times 34 \times 12$, $37 \times 37 \times 12$ см. Кладка небрежная, часто использовались обломки. Эта кладка сохранилась на высоту 1.45 м. Внешняя ее грань не сохранилась.

Строительные материалы фортификационных сооружений Зар-Тепе типичны для Бактрии. Использованные при постройке башни квадратные кирпичи размерами $35 \times 35 \times 8$, $34 \times 34 \times 10$ см находят аналогии в кирпичах Халчаяна и Дальверзин-Тепе форматом $34 \times 36 \times 12$, $35 \times 35 \times 12$ см. Знаки на кирпичах имеют широкие аналогии по всей Средней Азии, и вопросы их интерпретации широко освещены в научной литературе.

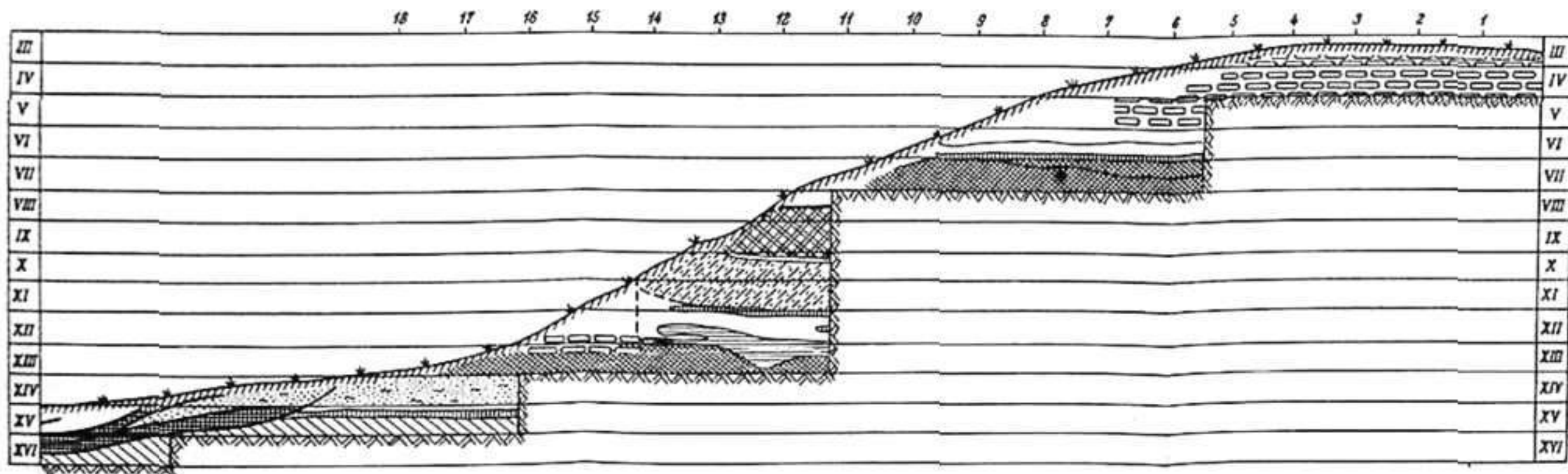
Истоки среднеазиатской фортификации восходят к эпохе энеолита Ялангач-Депе, Муллали-Депе (Хлопин, 1964, стр. 80). Число укрепленных поселений увеличивается в период поздней бронзы и раннего железа. Появляются, например, Чуст (Спришевский, 1972, стр. 227), Дальверзин-Тепе, Сапалли-Тепе (Аскарлов, 1971, стр. 40) в Узбекистане. Близко последнему поселение Дашлы в Северном Афганистане.

Результаты археологического исследования оборонительных сооружений городища Зар-Тепе подтверждают, что Зар-Тепе, как и большинство крупных городов древней Бактрии, было окружено большим рвом и имело мощные оборонительные стены с башнями. По-видимому, башни городища Зар-Тепе имели прямоугольную форму.

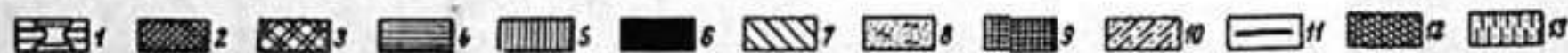
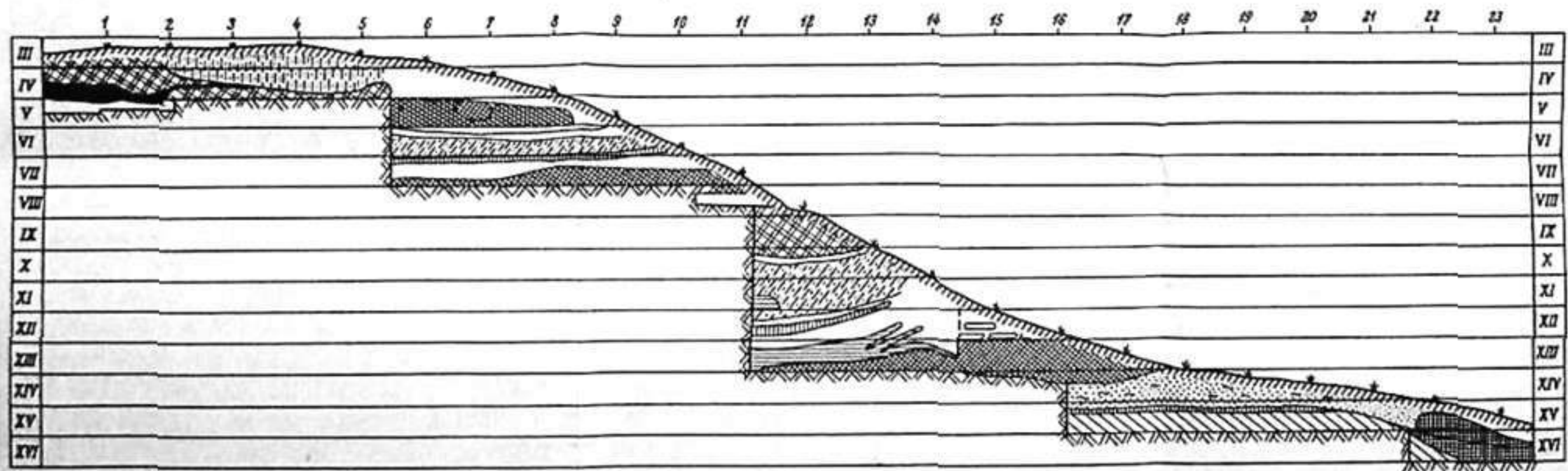
Башни и стены Зар-Тепе особенно близки оборонительным сооружениям городищ Кей-Кобадшах и Топрак-Кала в Хорезме. Башни прямоугольной формы в городах этого типа на юге Средней Азии появляются, по мнению М. М. Дьяконова, в III—II вв. до н. э. (1954, стр. 323). Ведущим строительным материалом в Зар-Тепе, как и во всей Средней Азии, был квадратный кирпич, который применялся в кладках фундаментов и самих стен. В настоящее время на территории Бактрии открыты оригинальные укрепленные поселения эпохи бронзы, указывающие на древние

Юго-восточная стенка

Северо-западная стенка

План траншеи и разрез стены.

1 — кирпичная кладка; 2 — кирпичная кладка с угловыми; 3 — кирпичная кладка с угловыми; 4 — кирпичная кладка с угловыми; 5 — кирпичная кладка с угловыми; 6 — кирпичная кладка с угловыми; 7 — кирпичная кладка с угловыми; 8 — кирпичная кладка с угловыми; 9 — кирпичная кладка с угловыми; 10 — кирпичная кладка с угловыми; 11 — кирпичная кладка с угловыми; 12 — кирпичная кладка с угловыми; 13 — кирпичная кладка с угловыми; 14 — кирпичная кладка с угловыми.

фортификационные традиции существования квадратных в плане поселений, укрепленных крепостными стенами с башнями. Несомненно, дальнейшее изучение фортификационных сооружений городов Бактрии даст нам ценный материал по истории и культуре древних народов Средней Азии.

Л и т е р а т у р а

- Аскаров А. 1971. Поселение древних земледельцев на юге Узбекистана. ОНУ, № 8.
Дьяконов М. М. 1954. Древняя Бактрия. В кн.: По следам древних культур. М.
Заднепровский Ю. А. 1962. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, № 118, М.—Л.
Кошеленко Г. А. 1963. Парфянская фортификация. СА, № 2.
Кошеленко Г. А. 1966. Культура Парфии. М.
Литвинский Б. А., Е. А. Давидович. 1954. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Вахшской долины в 1953 г. ДАН ТаджССР, в. II.
Литвинский Б. А., И. В. Пьянков. 1966. Военное дело у народов Средней Азии в VI—IV вв. до н. э. ВДИ, № 3.
Мандельштам А. М., С. Б. Певзнер. 1958. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг. МИА, № 66, М.—Л.
Пугаченкова Г. А. 1958. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. ТЮТАКЭ, т. VI, Ашхабад.
Пугаченкова Г. А. 1964. К истории античной строительной техники Бактрии и Тохаристана. СА, № 4.
Пугаченкова Г. А. 1966. Халчаян. Ташкент.
Спришевский В. И. 1972. Оборонительные сооружения эпохи бронзы на территории Узбекистана. СА, № 3.
Толстов С. П. 1948а. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.
Толстов С. П. 1948б. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л.
Тургунов Б. А. 1968. Приемы фортификации античного Чаганиана. СА, № 1.
Хлопин И. Н. 1964. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.—Л.
Юркевич Э. А. 1968. Кушанская культура на территории Афганистана, Пакистана и Индии. Автореф. канд. дисс. М.
Юркевич Э. А. 1969. История изучения кушанских памятников Афганистана. СА, № 2.
Ghirshman R. M. 1946. Begram recherches archeologiques et historiques sur les Kushans. MDAFA, t. XII, Caire.
Young R. 1955. The South wall of Balkh-Bactra. AJA, v. 59.

Л. И. АЛББАУМ

РАСКОПКИ БУДДИЙСКОГО КОМПЛЕКСА ФАЯЗ-ТЕПЕ

(По материалам 1968—1972 гг.)

Вопросы изучения истории кушан, их культуры, а также культуры народов, входивших в состав могущественной Кушанской империи, уже несколько десятилетий волнуют ученых различных стран. Кушанской проблеме посвящено большое количество исследований (Ставиский и др., 1968), международных симпозиумов (1913, 1960 гг. в Лондоне) и конференций (1968 г. в Душанбе, 1970 г. в Кабуле), но до настоящего времени многие вопросы кушанской истории еще ждут своего разрешения. Естественно, что Институт истории и археологии АН УзССР не остался в стороне от изучения истории культуры кушан. В частности, с 1947 г. этой проблемой занимается отряд, исследующий археологические памятники на территории Сурхандарьинской области. Одним из последних объ-

ектов изучения является буддийский храм Фаяз-Тепе, раскопки которого ведутся с 1968 г.¹

Холм Фаяз-Тепе расположен в северо-западной части городища древнего Термеза, в 1 км северо-восточнее буддийского монастыря Кара-Тепе, получившего широкую известность еще в 1936—1938 гг. благодаря работам Термезской археологической комплексной экспедиции. Общая площадь поселения Фаяз-Тепе около 1.5 тыс. кв. м. Холм, скрывающий руины, возвышается до 5 м над окружающей местностью. С восточной стороны находилась пирамидальная возвышенность, сложенная правильными рядами сырцового кирпича. Высота ее сохранившейся части около 7 м.

Вся поверхность исследуемого объекта была покрыта слоем песка, в котором имелось небольшое количество фрагментов керамических сосудов; песком не были покрыты только наиболее возвышенные места. На одной из таких возвышенностей осенью 1968 г. пастух Абсад Бекнаев обнаружил небольшую головку, вырезанную из мергелистого известняка. О находке Бекнаев сообщил в Сурхандарьинский областной музей, совместно с которым Институт истории и археологии АН УзССР ведет систематическое изучение археологических памятников. В этом же году был заложен разведывательный раскоп в юго-восточной части объекта и произведена зачистка на пирамидальной возвышенности.

Первый раскоп дал интересные материалы по искусству. Вскрыто сравнительно небольшое помещение, сложенное из квадратного сырцового кирпича ($32 \times 32 \times 10$ см). Оно имеет довольно простую планировку: слегка вытянутый квадрат (5.3×3.5 м) с входом в западной части северной стены. В середине западной стены имелась небольшая ниша. В ней находились фрагменты художественных изделий, вырезанные из мергелистого известняка. В основном это детали архитектурного декора и обломки мелкой скульптуры. Судя по находкам, помещение было жилым. На полу и суфе около северной стены найдены фрагменты керамических сосудов, в южной стене — полукруглый очаг. В юго-восточном углу обнаружено небольшое сооружение, по форме напоминающее четверть цилиндра, сложенное из сырцового кирпича с гладко оштукатуренной поверхностью. По верхнему краю проходит бортик, сделанный из гипса. На верхней площадке расположено полушарие диаметром 0.5 м, окрашенное в белый цвет. В завале на полу найдены мелкие фрагменты штукатурки со следами краски. Кроме того, здесь же лежали мелкие кусочки глиняной скульптуры. Большинство фрагментов керамических сосудов покрыто красным ангобом, поверхность многих орнаментирована лощением. На одном из них сохранилась часть кушанской надписи.

В 1968 г. был также вскрыт коридор, расположенный с юго-восточной стороны памятника; длина его около 24 м, ширина 4 м. Нижние части западной и восточной стен сложены из одного ряда пахсы, а верхние — из сырцового кирпича. Южная стена, высотой около 3 м, сложена из кирпича, а северная — только из пахсовых блоков толщиной 40 см. На высоте около 2 м стены имеют 5-сантиметровый выступ, и от этого места начинается пята свода. Арка свода не сохранилась, но переход к своду виден очень хорошо. При расчистке помещения в завале были найдены остатки рухнувшего свода, часть которого сложена из продолговатого клиновидного сырцового кирпича ($40 \times 26 \times 12$ см). В завалах встречаются жженные кирпичи толщиной 4 см. На полу коридора обнаружено много ке-

¹ В работах 1968 г. участвовали Л. И. Альбаум (начальник отряда), В. А. Козловский, Р. Ф. Фаязов, Ф. А. Заславская; в работах 1969—1972 гг. — Л. И. Альбаум, В. А. Козловский, Ш. Ильхамов, архитекторы Ю. М. Мирошниченко, Д. М. Шумаев, О. С. Джаббар, Н. Заграва.

рамыического материала, среди которого имеются почти целые энохоевидные сосуды; один из них с кушанской надписью. Помещение, по-видимому, было плохо освещено, так как на полу найдено большое количество свечильников в виде круглых плошек со сдавленным и слегка оттянутым носиком. У входа, находящегося в восточной части южной стены, сохранились мелкие фрагменты глиняной скульптуры, покрытые тонким листовым золотом.

Зачистка восточной части Фаяз-Тепе дала не менее интересные результаты. Здесь был заложен небольшой шурф шириной 1 м. При разборке верхних кирпичей была обнаружена гладко оштукатуренная поверхность; на ней постепенно вырисовывался контур замурованной буддийской ступы. Кирпичная кладка, перекрывающая ее, это остатки более поздней ступы, которая как бы футляром закрыла раннее архитектурное сооружение. Ввиду полной изоляции от внешней среды ступа хорошо сохранилась, что было подтверждено дальнейшими раскопками. Сложена она из сырцового кирпича, поверхность оштукатурена и окрашена в белый цвет. Ступа монолитная, в плане круглая, диаметр около 3 м. Цилиндрическое тулово покоится на слегка выступающем профилированном цоколе, имеющем контур типа аттической базы. Примерно такова и профилировка карниза. Его верхняя выступающая полочка сложена из жженого кирпича. Одновременно она является основанием для колоколообразного купола. На куполе сохранились следы квадратного реликвария. В центре купола круглое отверстие диаметром 10 см, в которое вставлялся стержень от зонтика.

Уже первые результаты раскопок говорили о том, что мы имеем дело с архитектурным сооружением, связанным с буддизмом. В последующие годы производились работы по установлению планировки центральной части комплекса, выявлены контуры большинства помещений. Связующим звеном служит прямоугольный двор (33×20 м), со всех сторон окруженный культовыми помещениями с выходами во двор. Во время раскопок 1971 г. уточнили эту планировку и почти полностью расчистили основную часть двора, причем было вынуто более 1000 куб. м песка и земли. Установлено, что вдоль стен двора проходил айван, а стены были покрыты росписями. Фрагменты росписей найдены только на нижних частях стен. Многие помещения были засыпаны песком на глубину 1—2 м.

Наличие следов живописи на стенах некоторых помещений было установлено еще во время раскопок 1969 г. Особенно богатым оказалось помещение, расположенное прямо против ступы, в центральной части южной стороны. Как и другие помещения, оно до половины было заполнено песком. Расчистка начата с юго-восточной стороны, и сразу же мы столкнулись с трудностями, поскольку в разбираемом завале оказалось большое количество фрагментов штукатурки с росписями, а также окрашенных в белый цвет. Несмотря на то что в настоящее время открыта половина помещения, уже можно говорить о композиции и содержании настенных росписей. На южной стене сохранился рисунок нижней части фигуры Будды в красной одежде. У него босые ноги на фоне белых кругов. По обеим сторонам две фигуры в длинных платьях, с накидками на плечах. У одной из них мы видим перед лицом молитвенно сложенные руки, обращенные к Будде. Общая высота сохранившейся части рисунка около 2 м. На восточной стене росписи сохранились хуже, о их содержании можно только догадываться. Интересны куски штукатурки, лежавшие в завале. На многих из них изображения людей. Особо показателен кусок размером 60×80 см, разбитый на части. На нем фигуры двух мужчин, идущих вправо. Лицо одного из них сохранилось полностью. Рисунок выполнен очень тщательно, с большим художественным мастерством. На голове короткие черные волосы, слегка спускающиеся на лоб, нос

прямой, губы небольшие, красные, подбородок выступающий, лицо розового цвета. Контуры рисунка красные и черные. Объемность передана при помощи полутеней, а также отдельных бликов. Вторая голова нарисована в такой же манере. Видимо, здесь изображены бактрийцы-дароносцы, почитатели Будды. Открыты и другие фрагменты живописи. В этом же помещении обнаружено большое количество фрагментов глиняно-алебастровых скульптур. На вскрытом участке восточной стены

Голова Будды.

сохранился специальный постамент для них. Он сложен из жженных кирпичей и облицован с наружной стороны кусками обработанного и профилированного мергелистого известняка. Сами скульптуры сделаны из глины с большой примесью соломы, а поверх покрыты очень тонким слоем алебаstra. Наиболее ответственные части скульптур — головы — отливались в специальных формах. Отдельно изготовлялись руки, уши, цветы и другие детали, затем все компоновалось. Большая часть скульптур, судя по фрагментам, окрашена в красный цвет, а поверх покрыта тонким листовым золотом. Очень хорошо сохранилась алебастровая голова Будды (см. рисунок). На макушке волосы стянуты в пучок. Красивое, спокойное лицо очень женственно. Верхние веки слегка опущены вниз. Волосы черные, брови и зрачки оконтурены черной и красной красками. На сложение образа Будды в виде молодого человека, очевидно, сильное влияние оказала элли-

нистическая (римская) иконография. Впервые его изображение как человека появляется в кушанское время. В названном помещении осенью 1972 г. была найдена каменная скульптурная группа — Будда, сидящий под священным деревом, а по сторонам два монаха. Группа вырезана из цельного куска мергелистого известняка. Обнаружены здесь и другие произведения искусства.

В результате раскопок вырисовывается архитектурный облик всего комплекса, состоящего из храма со ступой. С северо-западной стороны к храму примыкает монастырская часть, а с юго-востока — хозяйственные помещения.

Подводя итоги исследованию Фаяз-Тепе, можно сказать, что этот памятник должен занять одно из ведущих мест в проблеме изучения культовых сооружений древнего Термеза. Каково отношение этого памятника ко всей группе? Напомним, что Фаяз-Тепе находится всего в 1 км от Кара-Тепе и от берега Амударьи.

Б. Я. Ставиский, бессменный руководитель работ на Кара-Тепе, которого мы все время держали в курсе наших раскопок, хотя это и не отме-

чено в его последних работах, пришел к заключению, что Фаяз-Тепе это просто небольшая постройка, «небольшой монастырь, связанный с поселением — кушанским Термезом». Сравнивая Кара-Тепе и Фаяз-Тепе, он считает, «что общий характер этих памятников будет различным: крупный культовый центр — Кара-Тепе, расположенный на территории городища, под защитой городских стен ... не мог не отличаться от загородной, сравнительно небольшой постройки» (Ставиский, 1972, стр. 54—55). Мы же считаем, что оба этих памятника нельзя рассматривать изолированно и что это единый культовый центр, в котором Фаяз-Тепе должен занять центральное место. Напомним, что название Фаяз-Тепе условное, как и Кара-Тепе. Расположены они в непосредственной близости друг от друга, причем по величине центральный храмовый комплекс, как и монастырская часть Фаяз-Тепе, более чем в 2 раза больше любого из раскопанных сооружений Кара-Тепе, открытых за все 13 лет раскопочных работ. Памятники материальной и художественной культуры обоих памятников имеют много общего (керамика, скульптура, росписи).

Следовательно, храмово-монастырский комплекс Фаяз-Тепе, стоявший изолированно от общей группы монастырей, занимал особое, привилегированное положение; о том же говорят его размеры. Заключение Б. Я. Ставиского, что Фаяз-Тепе находится за пределами городских стен, не может быть принято, так как не имеет археологического подтверждения. Крепостная стена, разделяющая эти два памятника, являющаяся основным аргументом в доказательствах Б. Я. Ставиского, построена не в кушанское время, а значительно позже. Вполне возможно, что буддийские монастыри Кара-Тепе были построены не одновременно, но это еще предстоит выяснить.

Относительно времени сооружения Фаяз-Тепе можно судить в первую очередь по монетным находкам. В раскопках было найдено сравнительно большое количество медных монет, относящихся к различным периодам, начиная от монет последнего греко-бактрийского царя Гелиокла и до кушанских монет Канишки, Хувишки и Васудевы. Все они принадлежат периоду функционирования храма. Особое внимание было обращено на монеты, найденные на полах; пока что это монеты Вимы Кадфиза и Канишки. До окончания раскопок можно сделать следующие предварительные выводы.

Самой древней частью всего строительного комплекса является ступа, замурованная в кирпичной кладке. Рядом с ней было какое-то сооружение, перекрытое аркой; в замковой ее части находились клиновидные жженые кирпичи. Это сооружение было построено, вероятно, в конце I в. до н. э. или в начале I в. н. э. После разрушения здания в I в. н. э. над сохранившейся ступой строят новую, более мощную ступу, а южнее — целый комплекс построек: храм, монастырские и хозяйственные помещения. Большинство помещений строилось одновременно, так как южная стена у храма и монастыря общая. В помещениях имели место пристройки, перепланировки, но все они производились, с нашей точки зрения, в промежуток между концом I — первой половиной III в. н. э., т. е. в период функционирования храма. К этому времени относятся каменная скульптура, живопись и скульптура из глины и алебаstra.

Вопрос о времени разрушения храма очень сложен. До проведения наших работ время разрушения кара-тепинских монастырей и храмов связывалось с походами Шапура II (309—379 гг.), монета которого была найдена в 1936 г. при зачистке входа в пещеру № 2 (Ставиский, 1969, стр. 30).

Примерно к такому же выводу пришли и мы при изучении Хайрабад-Тепе (Альбаум, 1960, стр. 30), но считаем, что разрушение могло произойти не при Шапуре I, а при Хормизде II (301—309 гг.), тогда как при

Шапуре II происходило вторичное обживание некоторых кушанских помещений.

Определенно можно сказать, что при эфталитах в IV—V вв. входы большинства помещений Фаяз-Тепе были заложены кирпичом, а сами помещения превращены в семейные склепы. Покойникам в рот, а иногда в руку клали медные монеты, обнаруженные нами при раскопках. На грудь одной из женщин была положена серебряная эфталитская (?) монета. В это же время некоторые пещерные монастыри Кара-Тепе также превращаются в склепы и их входы закладываются. Окончательные выводы можно будет сделать после вскрытия всех помещений и полного определения монет.

Л и т е р а т у р а

Альбаум Л. И. 1960. Балалык-Тепе. Ташкент.

Ставиский Б. Я. 1969. Основные итоги раскопок Кара-Тепе в 1963—1964 гг. В кн.: Буддийские пещеры Кара-Тепе в Старом Термезе. М.

Ставиский Б. Я. 1972. Итоги раскопок Кара-Тепе в 1965—1969 гг. В кн.: Буддийский культовый центр Кара-Тепе в Старом Термезе. М.

Ставиский Б. Я., Б. И. Вайнберг, Н. Г. Горбунова, Э. А. Новгородова. 1968. Советская археология Средней Азии и кушанская проблема. Аннотированная библиография. В. 1—2. М.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, Б. А. ТУРГУНОВ

ИССЛЕДОВАНИЕ ДАЛЬВЕРЗИН-ТЕПЕ В 1972 г.

Раскопки Узбекистанской искусствоведческой экспедиции Института искусствоведения им. Хамзы, которые систематически ведутся с 1967 г. на античном городище Дальверзин-Тепе (Шурчинский район УзССР), в 1972 г. были сконцентрированы в четырех пунктах.¹ Продолжалось изучение западного квартала богатых жилых домов в средней трети городской территории. Квартал этот расположен у обширной улицы, направление которой читается в микрорельефе; к ней примыкает небольшая площадь-карман, окруженная домами (объекты ДТ-5, ДТ-6, ДТ-10). Расширена площадь раскопок в квартале керамистов в южной части города (ДТ-9). Завершено в основном вскрытие здания у северной городской стены (ДТ-7) и начаты раскопки дома с хумханой у восточной стены (ДТ-11) (Пугаченкова, 1971, 1972а, 1972б, 1973а, 1973б, 1973в; Тургунов, 1968).

В результате трехлетних раскопок дома ДТ-6 уже выявлено полностью или частично 20 помещений (рис. 1). Шурф, заложенный в центральном зале, показал, что раскапываемый дом был воздвигнут на руинах более раннего здания, сооруженного в греко-бактрийское время или несколько позднее: в составе керамики здесь имеются характерные для греко-бактрийских комплексов неглубокие тарелочки с отогнутым венчиком (Schlumberger et Bernard, 1965, fig. 6, 7; Пугаченкова, 1971, рис. 2).

¹ Научный состав, осуществлявший в 1972 г. работы на Дальверзин-Тепе: руководитель экспедиции — Г. Пугаченкова; начальники раскопочных площадок — Б. Тургунов (объект ДТ-6), Т. Беязева (ДТ-5), Э. Ртвеладзе (ДТ-7), Е. Некрасова (ДТ-10), Э. Джураев (ДТ-9), Н. Сотникова (ДТ-11); в работах участвовали скульптор-реставратор Х. Хуснутдинходжаев, чертежник А. Исламов, а также студенты-практиканты искусствоведческого отделения Ташкентского театрально-художественного института.

В доме выделяются две части. В северо-восточной и северо-западной находятся помещения более мелкого размера, по-видимому, жилого и подсобнохозяйственного назначения. Южная же часть включает парадный айван, два прямоугольных помещения и большой зал, окруженные П-образными длинными коридорами (41.5, 23.5 и 36 м); все они были

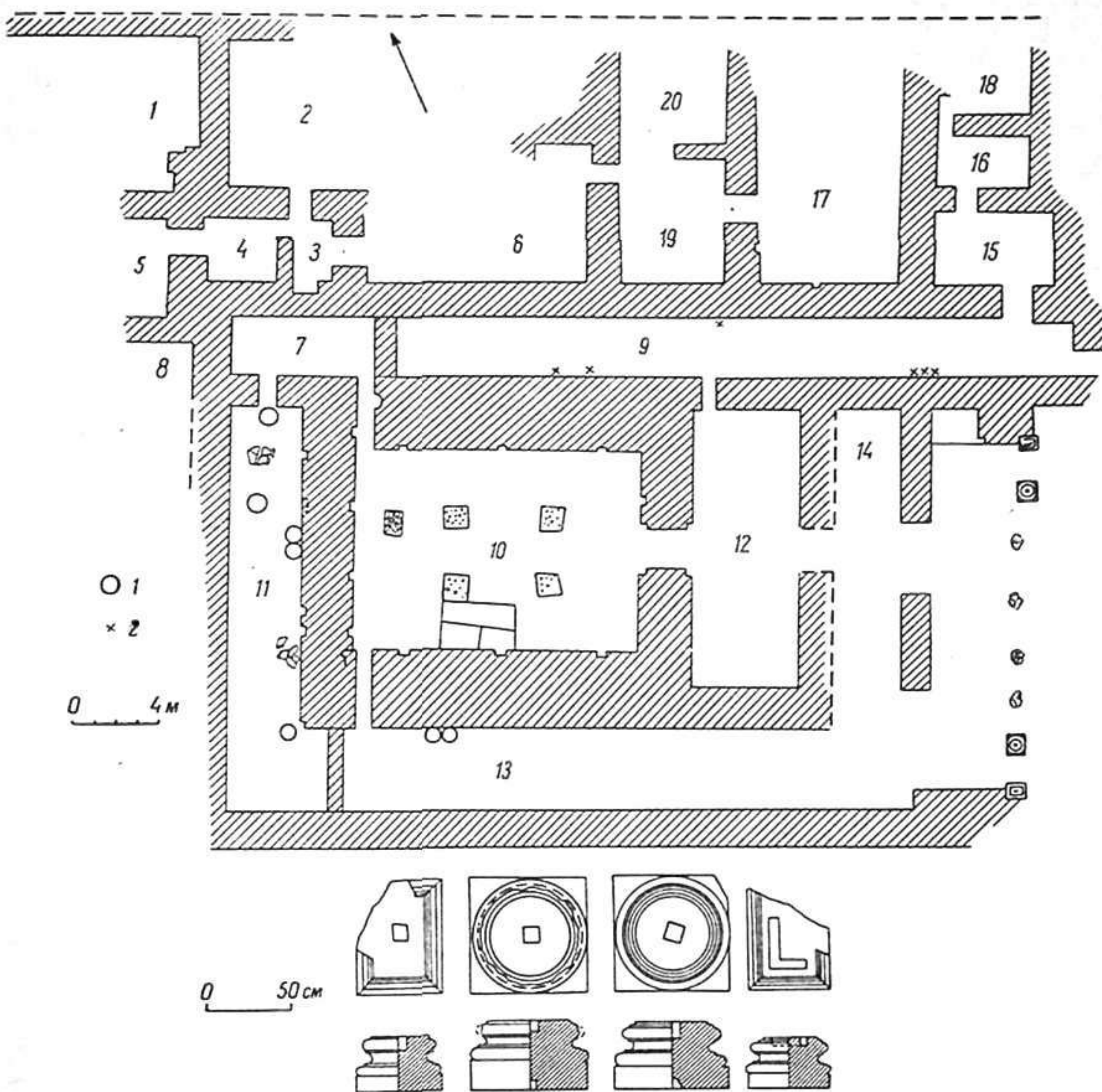

Рис. 1. Дальверзин-Тепе. Раскоп 6. План.

1 — места находок хумов; 2 — местонахождение граффити.

предназначены для приема гостей и аудиенций. Ширина коридоров 3 м. Стены их хорошей сохранности; местами на них плотно держится многослойная штукатурка — показатель неоднократных ремонтов. На стене северного коридора в четырех местах обнаружены граффити: символически изображенный цветок (лотос?) на подставке, стрела, вопросительный знак и нерасшифрованная пока надпись из десяти знаков. Из этого коридора имеются проходы в помещения северной и центральной частей. В начале узкого прохода в зал на восточной стене оставлена нишка, по-видимому, для чирага.

Зал размерами 13.6×9.6 м — центральный, парадный. Входы вели в него из северного и южного коридоров, но основной проход, шириной

2 м, располагался посередине юго-восточной стены. Судя по всему, зал имел деревянное балочное перекрытие, покоившееся на четырех колоннах. В центре его под полом в четырех местах расчищены каменные

Рис. 2. База анта (1) и база колонны (2) из айвана дома ДТ-6.

выстилки из крупных и мелких булыжников и галек, специально уложенных как основания под базы. Помимо колонн, балки деревянного перекрытия устанавливались на стойках, вделанных в стены. В зале на всю высоту стен обнаружены квадратные гнезда от деревянных стоек; до 10 подобных гнезд выявлено и в других помещениях. При выведении стен строители оставляли квадратные гнезда и, устанавливая в них древесные стволы, оставшиеся пустоты заливали глиной, стену же ровно

оштукатуривали по поверхности. Этот прием особенно отчетливо виден в одном из гнезд северо-западного коридора.

Стены зала мощные (толщиной до 3.5 м) и в высоту сохранились лучше, чем в остальных помещениях (до 5.2 м). Внутри зала выявлены два уровня полов, которые обозначают периоды обживания. Разница уровней 0.8 м. Первоначальный расположен над древним сооружением, две пахсовые стены которого обнаружены в шурфе. В этом слое оказались примесь раннекушанской керамики и монета Кадфиза I. Второй уровень связан с временем правления последующих кушанских государей, завершающимся при Васудеве II, 4 монеты которого найдены на полу.

Очень богато был оформлен айван шириной 17 м. Здесь в древности располагались 6 колонн и 2 угловых пилястра; те и другие покоились на базах из желтоватого мергелистого известняка, имевших аттическую профилировку. Из них *in situ* сохранились 4 (рис. 2). Под базами делалась гипсовая заливка, вперемешку с галькой, толщиной 20—25 см. Диаметр баз колонн 46 см, размер плинта 70×70 см, общая высота 39 см; в центре каждой базы высверлено квадратное гнездо. Размеры баз пилястров 48 см у нижнего основания, 36 см у верхнего, высота 30 см; на верхней поверхности выточены специальные пазы Г-образной формы.

Пилястры венчались коринфизированными капителями — в завалах найдено более двух десятков сколотых частей акантовых листьев и волют с тонкой обработкой; фрагменты волют и аканта были также найдены в зале и в предшествующем ему помещении.

В планировке дома на последнем этапе существования произошли некоторые изменения. В обводном коридоре были устроены тонкие перегородки, преобразовавшие его в четыре продолговатых помещения. Некоторые из них были использованы как хранилища; таковым является северо-западный отдел коридора, где расчищено 5 крупных целых хумов и несколько в кусках.

Работы на объекте ДТ-6 еще не завершены, но уже вскрытая часть характеризует его как большой жилой или административно-хозяйственный дом кушанского времени в одном из кварталов крупнейшего античного города Сурхандарьинской долины.

В истекшем полевом сезоне были начаты раскопки объекта ДТ-10 — продолговатого строения, расположенного напротив дома ДТ-6. В нем выявлены три основных строительных периода. Период «В» (не самый ранний, так как культурный слой продолжается вниз) отмечен стеной здания, возведенной из сырца (35—37×35—37×10 см) и снаружи охваченной пахсовой обкладкой. После длительного заброса этого здания наступает период «Б», когда появляются новые стены (сырец 30×30×10, 32×32×10 см и пакса) и новый уровень пола — уже не помещения, а какого-то дворика. Постройки эти со временем погибают от пожара, и образовавшиеся здесь оплывы на этапе «А» (последнем) превращаются в места устройства хозяйственных свалок и тандыра, которые обычно делаются на открытом воздухе.

Датировка периода «Б» четко определяется временем от Кадфиза II до Хувишки по общему комплексу керамики (в частности, по наличию характерных для данного района сероглиняных мисок), находкам статуэток саганианской богини и, наконец, монетам Канишки. Соответственно период «В» предшествует этой дате и, судя по керамическим фрагментам, относится к раннекушанскому времени. Что касается периода «А», то он соотносится с последними этапами обживания домов ДТ-5 и ДТ-6.

Среди интересных находок на объекте ДТ-10 — комплекс терракотовых статуэток «великой богини»; сердоликовая гемма с фигурой Фор-

туны, выполненной в изысканных традициях эллинизированной римской глиптики эпохи Августа (рис. 3); оттиски с миниатюрной овальной геммы на терракотовом «персональном» ткацком грузиле, с несколько нечетким изображением двух фигур.

Наиболее плодотворными по своим результатам в 1972 г. оказались раскопки жилого дома ДТ-5. В предыдущих сезонах в основном уже были выявлены его планировка и стратиграфия. Главная задача, постав-

Рис. 3. Гемма из дома ДТ-10. Сердолик (увеличена).

ленная перед производителями раскопок, заключалась в том, чтобы по возможности во всех помещениях опуститься до полов и под них. В итоге, помимо уточнения ряда деталей по архитектуре и периодизации здания, был сделан ряд замечательных открытий.

Дом этот прямоуголен (35.5×27.5 м), с правильной разбивкой стен. Ориентация (так же как и в доме ДТ-6) параллельная направлению городских стен и соответственно имеет отклонение от стран света. Главный фасад был обращен на юго-восток.

В плане отчетливо выделяются три основные части. Центральная включает входной айван, расположенный за ним зал (гостиная — михманхана) и изолированное глухой стеной продолговатое помещение — домашнюю молельню. В двух боковых частях расположены помещения жилищно-бытового назначения. Взаимосвязь между парадной частью и жилыми блоками дома была осуществлена посредством коридоров — одного большого, Г-образно огибающего центральный отдел, и малого,

связующего комнаты юго-западной части. С западной стороны к дому примыкал хозяйственный дворик (расчищен пока не полностью), по обе стороны которого размещены подсобные помещения — баня, кладовые — и водосток.

Главный фасад был обращен на юго-восток, где, судя по западанию микрорельефа, располагался передний двор. Он выделен айваном 9-метрового пролета, в котором, по-видимому, некогда имелись две деревянные колонны. В щипцовой стене айвана находится вход в михманхану; в нем, как установлено раскопками 1972 г., были устроены две ступени, поскольку пол зала на 60 см выше, чем в айване. Проходы по обе стороны от айвана давали доступ в коридоры и соответственно в северо-восточное и юго-западное крылья. Таким образом, центральная — гостевая — часть была изолирована от домашней — бытовой.

В архитектурном отношении немаловажное значение имеют раскопки квадратной комнаты в северном углу. Она значительна по размерам (8.65×8.65 м) и, вероятно, служила трапезной для семьи. При углублении под пол в ее западной половине обнаружены два находившихся на равных расстояниях основания — каждое в виде крупной булыги, обложенной гальками. Видимо, еще два таких же находятся в не вскрытой, восточной половине комнаты, которую заполняет очень плотный глиняный массив забутовки, связанной с последней перестройкой помещения. Эти каменные выкладки, так же как в доме ДТ-6, служили, очевидно, фундаментом под деревянные колонны. Таким образом, в обоих домах интерьеры большепролетных помещений имели четырехколонную конструкцию, с балочным перекрытием, определявшую прием оформления внутреннего пространства. В научной литературе встречается утверждение о том, что четырехстолпная композиция на почве Среднего Востока обязательно связана с храмовой архитектурой. Между тем применение этой системы уже засвидетельствовано в бактрийском и восточнопарфянском зодчестве не только в культовых, но и в гражданских постройках, новое подтверждение чему дают жилые дома ДТ-5 и ДТ-6 кушанского времени на Дальверзин-Тепе. Представляется вероятным, что именно из опыта народной жилой архитектуры эта композиция была перенесена в типологию храмов.

Стратиграфия и хронология дома ДТ-5 обрисовываются в самых общих чертах в следующем виде.

На выравненных руинах древнего здания (греко-бактрийского или сако-юеджийского периода), сырцовые стены которого выявлены в шурфах, возводится крупный, многокомнатный жилой дом. Сооружение его восходит ко времени первых кушанских царей.

Во втором периоде своего существования дом подвергается некоторым перестройкам и ремонтам — они запечатлены многослойными штукатурками, повышением полов, возведением суф, забутовками. Период этот хорошо датирован монетами Канишки и Хувишки, находками терракотовых статуэток, керамики.

Дом погибает в пожаре, уничтожившем все деревянные конструкции центральной группы помещений. После него частичное и недолговечное использование руин (поскольку стены еще сохранялись на значительную высоту) на одном участке запечатлено отвалом керамических фрагментов, на другом — находкой на 1.5 м выше уровня пола мелкой монетки позднекушанского чекана.

Для первого периода функционирования дома особый интерес представляют фрагменты живописи, оформлявшей стены айвана, затем опавшей (видимо, из-за непрочности штукатурного подслоя), — некоторые фрагменты росписи попали в засыпку между первым и вторым полами айвана. В северном углу это были лишь ничтожные остатки, в южном же

удалось извлечь три фрагмента с изобразительными деталями. Особенно выразительна голова чернобородого мужчины в синем шлеме, переданная в профиль вправо. Перед лицом находится меч, окрашенный в желтый цвет. Через него как бы просвечивают щека и глаз. Красочна гамма росписей: красный, розовый, белый, черный, синий, желтый цвета. На другом фрагменте — часть конской головы в панцирном наморднике синего цвета. Изображен, видимо, тяжеловооруженный всадник — катафрактарий, мчащийся с мечом на бронированном коне. По типу он очень сходен с бородатым воином в шлеме из комплекса халчаянской скульптуры (Пугаченкова, 1971, рис. 77). Сама же живопись была близка не только по времени создания, но, вероятно, и по составу образов к одной из композиций в оформлении зала халчаянского дворца.

Расчистки, осуществленные ниже уровня отмостки бани у западного дворика дома ДТ-5, выложенной крупными жжеными кирпичами, выявили под ней слой утрамбованной глины с большим количеством дробленой керамики. Прием этот, очевидно, имел целью создать фильтрующие подмости в помещении с большим количеством проливаемой на пол воды. На некоторых кирпичах из отмостки (размеры их $63 \times 31 \times 4$ см, $40 \times 40 \times 4$ см) оказались довольно нечеткие оттиски овальных печатей, нанесенные до обжига. На нескольких кирпичах повторен крупный оттиск с изображением Будды в нимбе, сидящего на лotosовом сиденье, и двух парящих по обе стороны от него фигур, а на одном кирпиче изображена небольшая фигура крылатой богини вправо (Виктория? Хванинда?). Эти оттиски, помимо того что вводят новый материал по бактрийско-кушанским резным печатям, дают дополнительный штрих к истории закрепления буддизма в Северной Бактрии. Кирпичи были явно изготовлены мастерами-буддистами, может быть, даже в мастерской монастырского хозяйства местной буддийской общины.

Выдающееся значение имеет открытие двух шахматных фигур. Обе они из слоновой кости, на горизонтальных подставках, имеют до 2,2 см в длину и менее 2 см в высоту. Одна изображает слона, другая — быка-зебу. Фигуры обнаружены в одном из бытовых помещений дома ДТ-5, над полом, в засыпке на 40 см выше которой оказалась монета Хувишки. Таким образом, они либо современны дате правления этого кушанского царя (II в. н. э.), либо даже ей предшествуют.

Согласно традиции, родиной древней и мудрой шахматной игры является Индия. Первоначально то была игра четырех партнеров — чатуранг; затем она преобразуется в шатранг с двумя партнерами и близкой к современным шахматам расстановкой фигур, далее — в шахматы. В научной литературе ее изобретение относят к VI в., когда она проникает в Иран, а затем отсюда распространяется в иные страны Востока (Мигтеу, 1913; Орбели, Тревер, 1936).

Фигуры из Дальверзин-Тепе, по-видимому, принадлежат переходной от чатуранга к шатрангу форме игры. Для современных шахмат здесь необычайна фигура зебувидного быка — животного индийской породы, которое издревле (по крайней мере со времен культуры Мохенджо-Даро, III тыс. до н. э.) играло огромную роль в индийской символике. Но следует напомнить, что изобразительные формы разных фигур в процессе эволюции шахматной игры претерпевали существенные изменения; такова, например, угловая фигура, которая в разных странах и на протяжении веков предстает в виде колесницы, то в виде птицы Рух, то в виде башни, то в виде ладьи. Кроме того, необходимо учесть, что наряду с 64-клеточными существовали шахматы с большим числом клеток и соответственно большим числом игровых фигур. Известно, в частности, что в XV в. на Среднем Востоке были в ходу 112-клеточные шахматы, в составе которых имелись фигуры быка, верблюда, льва и др.

Разгадку дальверзинских игровых фигур, на наш взгляд, дает знаменитая капитель сарнатской стамбы времени Маурья (III в. до н. э.). На ее четырех сторонах изображены разделенные священными колесами слон, лев, бык-зебу и конь, образы которых символически воплощают четыре страны света (Smith, p. 17—18, pl. 5, 6). В эпоху Маурья ставились также стамбы с капителями, увенчанными статуями одного из названных животных; таков, например, лев на знаменитой стамбе с эдиктом Ашоки в Лаурья-Нандангарх, бык-зебу в Рампурве, слон в Санкасе (Smith, pl. 3, 7, 8). Название «чатуранг» связано с четырьмя родами древнейшего индийского войска, упоминаемыми не раз в «Махабхарате» и включавшими колесницы, слонов, конницу и пехоту. Очевидно, как и позднее, в шатранге, у каждого из участников древней игры был равный по силе состав боевых единиц. Термин же «чатуранг» следует понимать как сражение равных по силе партнеров, как бы идущих из четырех стран света, из четырех углов разделенной на клетки доски. При этом отличительным символом у каждого из игроков могло служить какое-либо из тех животных, что изображены на сарнатской капители: конь, слон, бык и лев.

Была ли уже во времена Маурья игра типа чатуранга, мы не знаем. Но ныне на основе дальверзинских находок можно смело утверждать, что ко времени завоевания Индии в I в. кушанами она уже существовала, коль скоро ко II в. н. э. она уже проникла в их северо-западные владения в Бактрии. Вероятно, именно археологии предстоит восстановить последовательную эволюцию этой древней игры. Причем новые черты, как например замена фигур, могли в ней возникнуть именно на новой историко-культурной почве. Со временем бык и лев исчезают из состава фигур, а конь и слон доживают до наших дней в 64-клеточных шахматах. Западные же области кушанского мира, в числе их Бактрия, в античную пору явились промежуточным плацдармом продвижения и эволюции чатуранга-шатранга. Во всяком случае в Западном Иране игра эта прочно закрепляется лишь при Хозрое I (VI в.) и получает отсюда дальнейшее распространение в страны арабского и европейского мира.

Первостепенное значение имеет находка осенью 1972 г. клада золотых вещей, извлеченного из-под пола пом. № 13. Клад был зарыт в небольшой, вероятно, полутемной комнатке, а затем над полом была осуществлена почти полуметровая забутовка. Предметы (больше 100) заполняли обычный кувшин с двумя ручками (высота 34 см, наибольший диаметр 22 см, диаметр горловины 10 см).

В составе клада оказались дискообразные слитки металла разного диаметра, со следами ковки, десяток прямоугольных брусочков, большинство из которых с надписями, нанесенными пунсоном. Надписи эти выполнены в одну или две строки письмом кхарошти и включают как буквенные, так и цифровые знаки. Окончательная расшифровка их еще не произведена, но несомненно, что они содержат весовые показатели и этим позволят впервые получить точные данные весовой метрологии эпохи кушан. Имеются сомкнутые и несомкнутые массивные браслетообразные поделки разной толщины и диаметров, — очевидно, заготовки для последующей ювелирной обработки. И наконец, сами ювелирные изделия — целые в тех случаях, если их удавалось опустить в кувшин, и разломанные и даже сплюснутые, если они не проходили через горло. В составе их пекторали, браслеты, серьги, фигурная пряжка.

В художественном отношении наибольший интерес представляют два шейных украшения и пряжка. Одно из ожерелий состоит из пяти шнуров, сплетенных в елочку из тонких золотых проволочек и закрепленных на двух выгнутых, полых внутри цилиндрах, которые украшены рядами заделанных в ячейки полуовальных алмандинов и округлых бирюзовых

вставок. Второе ожерелье — это пектораль, составленная из концентрически расположенных и спаянных по трое дутых полукружий; с одной стороны они соединены небольшим фигурным скреплением, а с другой — имеют крупный фигурно обработанный замок с овальным гнездом, в которое вставлена сердоликовая гемма-инталия. На ней вырезана голова кудлатого и бородатого мужчины в профиль вправо, как будто увенчанная спускающимся позади скальпом; за затылком в поле — клевец. По-видимому, это Геракл. Гемма исполнена в лучших традициях эллинистической глиптики; на пектораль она уже явно попала во вторичном использовании, так как вставлена не вертикально, а в лежащем положении.

Очень тонко сработана круглая пряжка диаметром 4.5 см, с крупным ушком. Она имеет рельефное обрамление с гнездами в виде сердечек, в которые некогда были вставлены драгоценные камни, с каемкой из напаянных по краю шариков. В центре длинное извивающееся туловище ушастого зверя. Оно явно вызывает к традициям «звериного стиля», но в огромном составе скифских изделий из алтайских и южнорусских находок прямой аналогии ему нет; известное сходство выявлено лишь с животным на бронзовой пряжке VI в. до н. э. из Симферополя (История искусства. . ., 1971, стр. 122, рис. 162).

Формы обоих описанных шейных украшений, а также браслетов и браслетообразных заготовок находят прямые параллели среди некоторых ювелирных изделий из Таксилы (Marchall, 1951, pl. 195), а также в скульптурах Гандхары (Hallada, 1968, pl. X, 66, 68; Loth, 1972, pl. 18, 29, 1).

Типологическая близость с ювелирными украшениями из кушанских областей Северо-Западной Индии, фантастическое животное на пряжке, Геракл на гемме предстают в составе дальверзинского клада в том контрасте и синтезе художественных явлений, которые характерны для кушано-бактрийской городской культуры: индо-бактрийские связи, с одной стороны, скифский мир — с другой, и восприятие духа Эллады на азиатской почве — с третьей.

Значение дальверзинского клада огромно. Не будет преувеличением считать, что в научном аспекте значимость его для истории бактрийской культуры кушанской эпохи такова же, как для ахеменидской Бактрии роль знаменитого амударьинского клада Британского музея. Разумеется, он уступает последнему числом своих художественно обработанных изделий, но нелишне напомнить о сборном составе амударьинского клада (Barnett, 1968), предметы которого поступили не из единого пункта. Между тем на Дальверзин-Тепе впервые в пределах кушанской Бактрии (да и всего Кушанского царства) получен целостный, территориально и хронологически уточненный комплекс разнообразных драгоценных предметов, притом с эпиграфическим дополнением. Объекты клада отныне будут важным сравнительным эталоном для других находок этого рода, да и для ряда безымянных музейных предметов.

Судя по стратиграфическим данным и по общему составу археологических находок, время поспешного зарытия дальверзинского клада под пол внутри комнаты богатого кушанского жилого дома определяется пределами II—III вв., хотя часть самих предметов могла иметь и более раннюю датировку, так как фамильные драгоценности нередко переживали ряд поколений.

Исследования объекта ДТ-7 в северной части Дальверзин-Тепе близки к завершению. Несмотря на то что контуры стен местами полностью исчезли, можно уже составить общее суждение о планировке дома, его последовательных видоизменениях, а также основных хронологических этапах. Здание включает 11 помещений. Почти все они подвергались переделкам: застройке стен новыми кладками, иногда с забутовкой

отдельных участков и целых помещений (например, центральной комнаты № 6); оштукатуриванию стен с нанесением декора.

Находки в 1972 г. в определенных слоях монет «сотер мегас» и Канишки добавляют новые нумизматические данные к ранее найденным монетам от Кадфиза I («сотер мегас») до Васудевы I, уточняя датировку создания, перестроек и заброса дома ДТ-7 в пределах эпохи «великих кушан».

Среди интересных открытий текущего сезона — расчистка в обширном пом. № 1 небольшой пристенной платформы трапециевидного плана, высотой 25 см. Она оштукатурена белым ганчем. На самой платформе и возле нее лежал толстый слой белого пепла от какого-то выгоревшего растительного топлива; рядом устроена настенная полуовальная ниша. При раскопках в этом участке оказались скульптурные фрагменты; возможно, они входили в заполнение ниши. Платформа же представляла род небольшого алтаря. В составе фрагментов — детали мужской ноги (в частности, ступня в мягкой кушанской обуви), часть руки, драпировка, а также фаланги когтистой лапы хищника. Скульптура была выполнена из глины и окрашена (сохранившиеся цвета — красный, белый, черный). Соблазнительно предположить, что в нише располагалась фигура героизированного государя на сиденье, поддерживаемом парой хищников, — наподобие матхурской статуи Вимы Кадфиза (Vogel, 1930, pl. I, II) или композиции халчаянского медальона (Пугаченкова, 1962) — либо фигура какого-то божества.

Детали эти дополняют новым материалом те фрагменты скульптуры и живописи из дома ДТ-7, которые были обнаружены в смежной узкой комнате, в полуметровом завале над полом. Комната эта играла роль домашней молельни (Пугаченкова, 1973а, стр. 75 сл.). Судя по местонахождению обломков, пластическое и живописное убранство располагалось напротив входа, ведущего из комнаты с алтарем.

От скульптуры дошли отбитая по шею, но почти неповрежденная женская голова, а также фрагменты фигуры в плотных, драпирующихся одеждах. Видимо, коленная часть согнутой ноги — показатель сидячей позы, окутанной складчатой туникой, над которой — поколенная плотная верхняя одежда или мантия; крупные драпирующиеся складки красной ткани; локтевая часть руки, обернутая красной тканью, и т. д. Статуя выполнена из глины, поверхность окрашена. Лицо богини (а это несомненно богиня) полное, с массивной шеей, брови дугами отходят от линии правильного носа, над крутым подбородком припухлый, маленький рот. Над невысоким лбом белая начельная лента. Волосы разделены мелкими прядями и обрамляют лицо, а сзади зачесаны в косу. Лицо окрашено розовым, на щеках румянец, рот алый, волосы, брови, глаза черные. Среди живописных фрагментов мы видим изображение чернобородого черноволосого мужчины, лицо которого передано в легком обороте влево, придерживающего наверху мускулистой согнутой рукой младенца в рубашечке и заостренном колпачке (слева другой, приподнятый кем-то младенец). Имеются здесь также женская головка с правильными чертами лица, изображенная в легком обороте вправо; фрагмент другого женского лица того же типа; изящная женская рука, обвитая браслетом в виде змеи, придерживающая младенца; справа — род большого крыла (?) от несохранившейся фигуры. Все это — на красном фоне, поверх которого белой краской прорисованы тонкие ветви, цветки, плоды. Среди фрагментов росписи орнаментальный бордюр в виде двух рядов пальметт; извивающиеся ленты с петлями и спускающимися концами и узорным заполнением между ними и множество иных мелких деталей. Основные цвета росписей — белый, красный двух оттенков, розовый, черный, желтый, коричневый. Формы тела и лица имеют пластическую раз-

работку посредством заостренной штриховки от густо- до светло-розового цвета.

Несмотря на крайнюю фрагментарность, можно высказать некоторые соображения в отношении содержания и композиции изображений. Напротив входа, вверху, располагалась фигура сидящей женщины размером примерно в две трети натурального (масштаб этот был продиктован небольшими размерами самого помещения, где она размещена).

Рис. 4. Терракотовые статуэтки богини из раскопов объектов ДТ-10 и ДТ-11.

Круглообъемная, а не барельефная лепка позволяет предполагать, что она находилась в нише. Рядом на плоскости стены была нанесена живописная сцена: жрец и жрица с младенцами в воздетых руках, творившие обряд. Семантика всей композиции связана с почитанием «великой богини», покровительницы домашнего очага, благоденствия, деторождения, к которой служители ее культа простирают малых детей, как бы призывая на них благословение и благодать.

Статуя богини по приемам лепки и стилю очень близка к скульптуре Халчаяна — она явно выполнена в традициях той же школы; есть общность с халчаянской и в найденных здесь фрагментах живописи.

Подтверждением того, что фигура передает местную иконографию «великой бактрийской богини», служат две найденные в 1972 г. на Дальверзин-Тепе терракотовые статуэтки с такой же характерной прической,

убранной в косу (одна — из раннекушанского слоя на ДТ-10, другая — подъемная). Среднеазиатские же терракоты античной поры являли собой массовое тиражирование популярных в узко локальной среде божеств с характерной для них местной иконографией (рис. 4).

При раскопках 1972 г. в стратиграфически уточненных монетными находками слоях были найдены характерные для всего района средней долины Сурхана статуэтки саганианской богини, целые или фрагментированные, обычно представленные в сидячей позе, в драпирующихся одеждах, либо с повязкой на голове, либо в высоком, напоминающем кокошник головном уборе. Обращает внимание сосуществование богинь с явно выраженной разницей антропологического типа лиц, особенно в очертании глаз: у одних они прямого разреза, опущенные у висков, у других резко скошенные к вискам, но большие и без эпикантоса. Те и другие синхронны, но предназначались, очевидно, для женщин из разной этнической среды, населявших в кушанское время район Саганиана.

В северо-восточном секторе Дальверзин-Тепе была расчищена хумхана здания ДТ-11, располагавшаяся в окружении других комнат (рис. 5). Хумхана прямоугольная (5.3×4 м), с глубокой нишей на юго-восточной стене и с входом из соседнего помещения. Стены толщиной 2—2.2 м сложены из пахсы, с некоторым скосом граней. Во время строительства их несколько углубили в более ранний культурный слой. При выравнивании пола осуществили подсыпку высотой до 0.5 м, в которую попали разные культурные остатки. В утрамбованный пол врыли на 25—30 см крупные хумы. Вдоль юго-западной стены было 5 хумов. Еще один располагался у северо-восточной стены; он уже в древности был извлечен и опрокинут. От седьмого хума дошли лишь куски.

Стены хумханы сохранились на 2 м. Археологический завал однороден и содержит над полом культурный слой до 30 см с фрагментами керамики и иными остатками людского пребывания, а выше — слой комковатой и рыхлой глины от разрушенных стен, с надувным песком. Никаких следов последующего использования покинутого и оплывшего здания нет.

Хумы сходны между собой по формам и лишь слегка варьируют в размерах (до 1.2—1.3 м в высоту, максимальный диаметр 60—75 см, диаметр горла 45—55 см). Профиль мешковидный, с переломом у перехода к чуть скругленному днищу, с высоким, рельефно разработанным венчиком и ребристым утолщением над шейкой.

При расчистке южного углового хума выяснилось, что его поставили впритык к обеим стенам, забутовав пустоты плотной глиной. Здесь оказался небольшой клад кушанских монет. Клад содержит крупные халки, из которых 4 — чекана Вимы Кадфиза, 5 — Канишки; изображения на 2 экз. неразличимы, но, судя по метрическим показателям, это также монеты одного из названных государей. В разных местах над полом хумханы также собрано 15 кушанских монет: 3 — чекана Канишки, 7 — Хувишки, 3 — кушанские, с почти неразличимыми изображениями, 2 — неопределенные.

В комплексе археологических объектов, близких ко времени возведения дома с хумханой, оказались характерные для кушанского времени фрагменты керамики и целый красноангобированный бокал на полый конической ножке. Имеются пирамидальные ткацкие грузила: 2 из обожженной и 1 из необожженной глины. Найдены 2 целые терракотовые статуэтки, выполненные с единой матрицы, но внешне отличные благодаря неоднородной подрезке контуров, разному оттенку черепка и красноангобного покрытия. Это изображения сидящей женщины с полным лицом, одетой в драпирующуюся накидку, отороченную кружками. По типу лица с покатым лбом, с косым разлетом бровей и глаз она напоминает

представителей дома Герая в скульптуре Халчаяна. Стратиграфический слой, в котором найдены статуэтки, также близок по времени Халчаяну. Что касается дома с хумханой, то он, судя по кладу, спрятанному за угловым хумом, был возведен, очевидно, в начале правления Канишки, когда наряду с его чеканом еще обращались монеты Вимы Кадфиза.

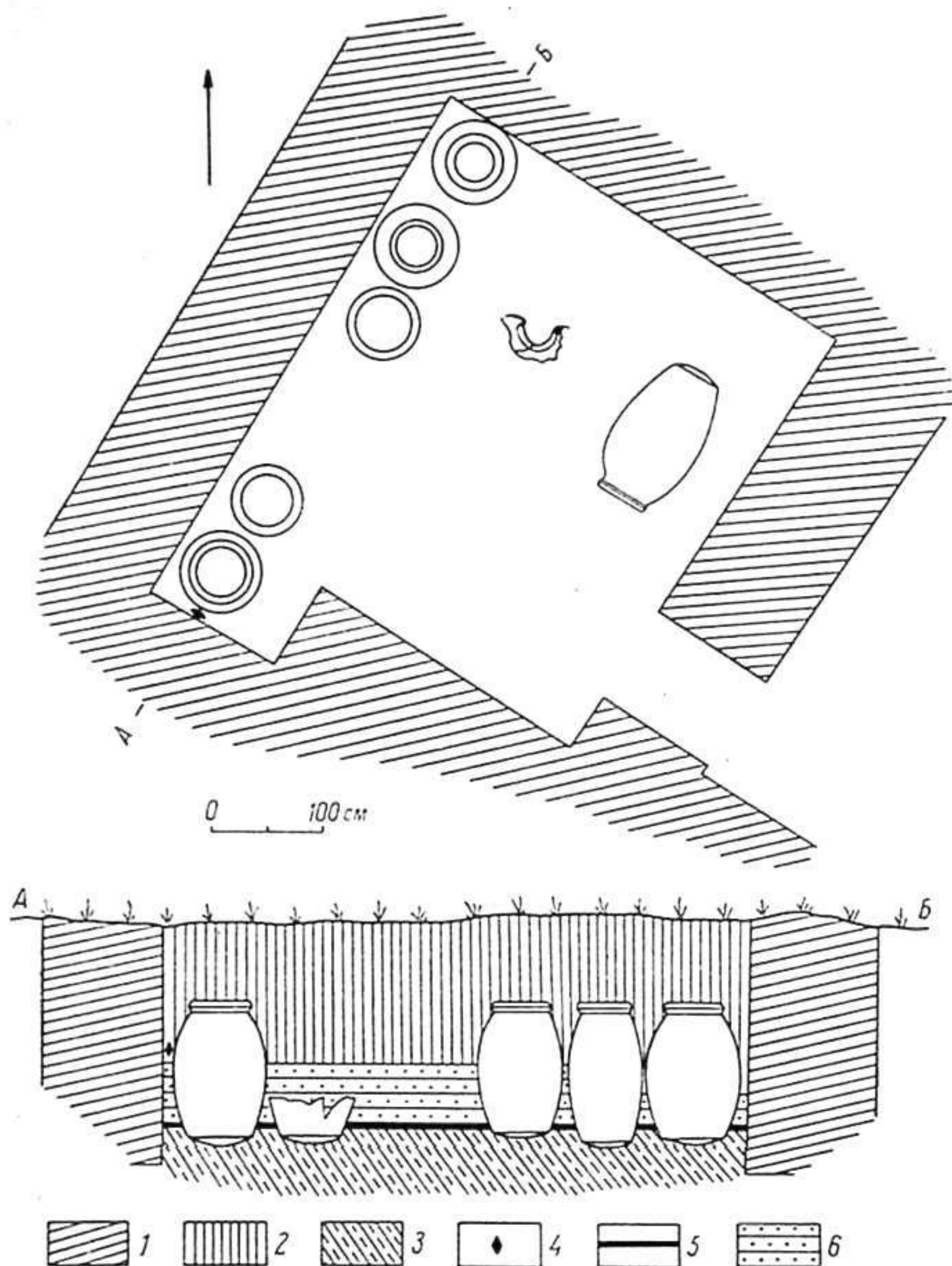

Рис. 5. План и разрез хумханы.

1 — пахсовая стена; 2 — строительный завал и натечные слои; 3 — рыхлый слой; 4 — клад монет; 5 — обмазка пола; 6 — слой средней плотности.

Функционировал же он вплоть до времени Хувишки. Материалов более позднего времени на раскопе объекта ДТ-11 не обнаружено.

Возникает вопрос, почему столько разновременных монет оказались рассеянными в хумхане? Едва ли это было бы возможным, если бы то был обычный склад домашних припасов. Очевидно, в хумхане осуществлялась продажа содержимого его огромных хумов, а в замкнутом полутемном помещении нетрудно было монету обронить, втоптать в пол и не заметить. Что касается товара, то им, судя по всему, было вино, и не

случайны находки здесь, помимо упомянутого кубка за угловым хумом, фрагментов других красноангобированных кубков и бокалов на полых конических ножках.

О виноградарстве Бактрии пишут античные и китайские авторы. Развитие же здесь виноделия засвидетельствовано археологическими данными (напомним об остатках античной винодельни, обнаруженной в Калаи-Мир). Небольшая винодельня кушанской эпохи была расчищена нами в 1970 г. на Дальверзин-Тепе в 200 м к югу от стен цитадели. Она представляла собой квадратную площадку, вымощенную и обведенную бортиком из очень крупных кирпичей, со скатом к одному из углов, где врыт в грунт широкогорлый хум — сток и отстаиватель сжатого на площадке виноградного сусла. Культурного слоя вокруг дальверзинской винодельни не оказалось. Очевидно, изготовление вина осуществлялось прямо в виноградниках, а затем молодое вино перевозилось в городское винохранилище.

Хумханы с большим числом хумов отмечены нашей экспедицией на многих античных городищах Бактрии; некоторые из них были полностью или частично вскрыты в кушанских слоях Хатын-Рабада, Шор-Тепе, Кампыр-Тепе, две — на Дальверзин-Тепе. Особенно интересной оказалась хумхана на Шор-Тепе (Ангорский район); рядом с ней была обнаружена комната — склад со слоем истлевшего винограда, а в одном из хумов найдено 6 кувшинчиков для изготовления очищенного вина, получаемого опусканием в хум запечатанных керамических сосудов, через стенки которых всасывалась абсолютно чистая виноградная влага.

В прямой связи с бактрийским виноделием стоят и некоторые образцы местной короластики. Такова статуэтка нагого бородатого мужчины с чашей в руке, найденная на Барат-Тепе. Не вызывает сомнений его связь с местным дионисийским кругом образов, к числу которых относится также оттиск с матрицы-калыпа из прежних находок на Дальверзин-Тепе, передающий изображение бородатого козлоухого певца с инструментом в руке.

Раскопки в квартале керамистов (ДТ-9), занимавшем значительную площадь (90×60 м) в южной части античного города, велись в центре и на склонах холма. Квартал этот сложился на естественном лёссовом бугре, верх которого был использован под застройку, а скаты — для устройства печей. Раскопками предыдущих лет на юго-восточном склоне нами уже было вскрыто 6 печей и начато вскрытие прилежащих к ним верхних строений (Пугаченкова, 1973в). В 1972 г. продолжены раскопки верхних помещений, стены которых возведены из пахсы, с наклоном граней. Они, очевидно, входили в состав мастерских — здесь обнаружены хумы для воды, необходимой в производственных целях, каменные терки и куски небольших зернотерок, использовавшихся для растирания глины и красок.

На юго-западном склоне холма также располагались печи — 4 из них, находящиеся рядом друг с другом, были расчищены (рис. 6). Все они дают варианты характерных для кушано-бактрийского гончарства типов прямоугольных двухъярусных керамических печей, с подачей горячих газов через устроенные в топочном своде каналы. В трех печах каналы круглые, расположенные в три ряда (по оси и вдоль стен), в четвертой — квадратные, в два ряда (у стен).

Камеры обжига (сохранившиеся лишь в нижних рядах) имеют 2.5—2.8 м в длину и 1.5—1.7 м в ширину; стенки их сложены в один ряд из сырцовых кирпичей. Топки, врытые в грунт и обложенные сырцом, подпрямоугольные, вытянутые. Они достигают в длину (вместе с топочным ходом) свыше 5.5 м. Перекрытием их служат сырцовые своды отрезками, между отрезками проходят жаропроводящие каналы. Одна из

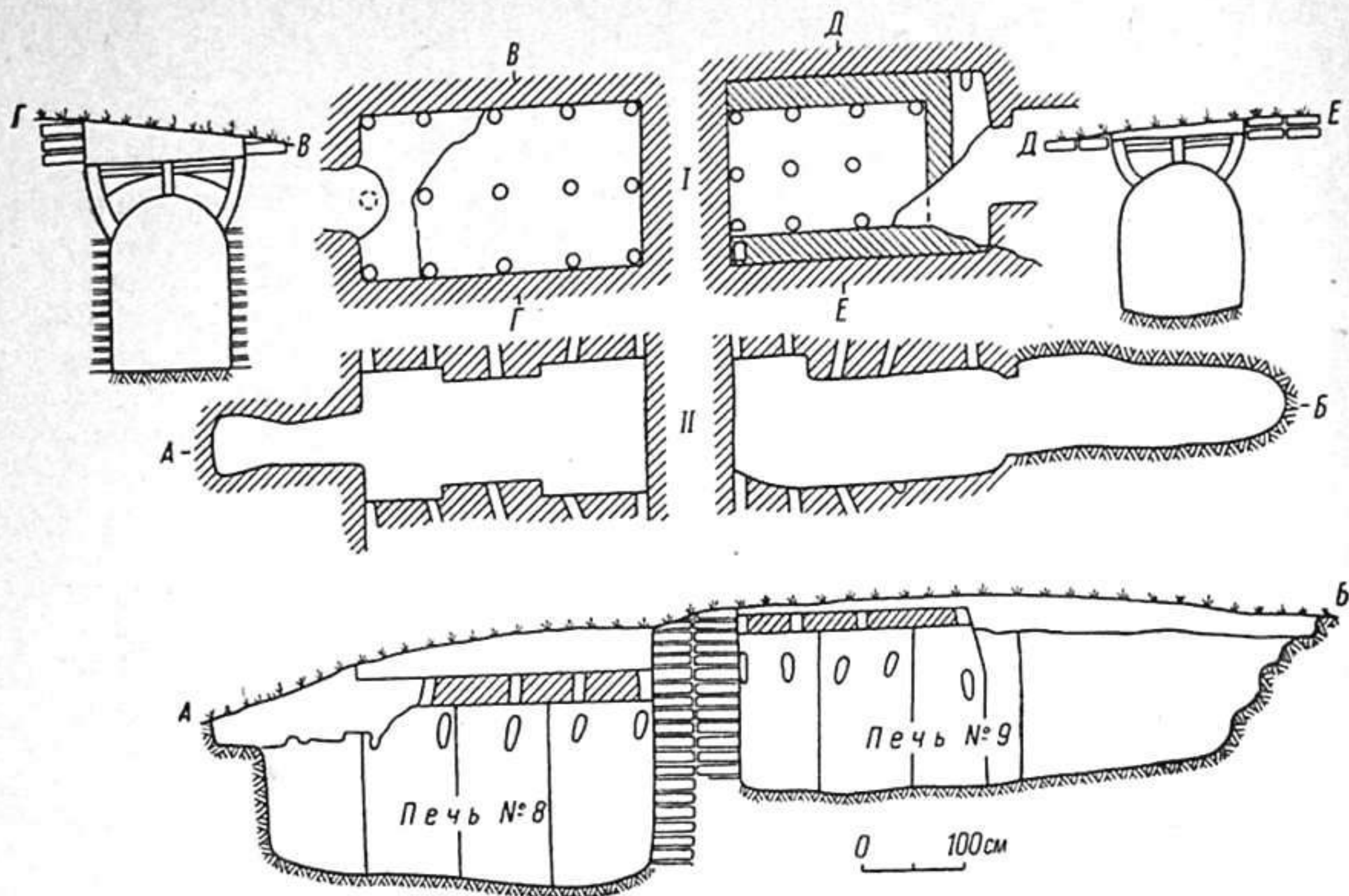

Рис. 6. План и разрезы печей №№ 8 и 9.

I — план на уровне камер обжига; II — план на уровне топочных камер.

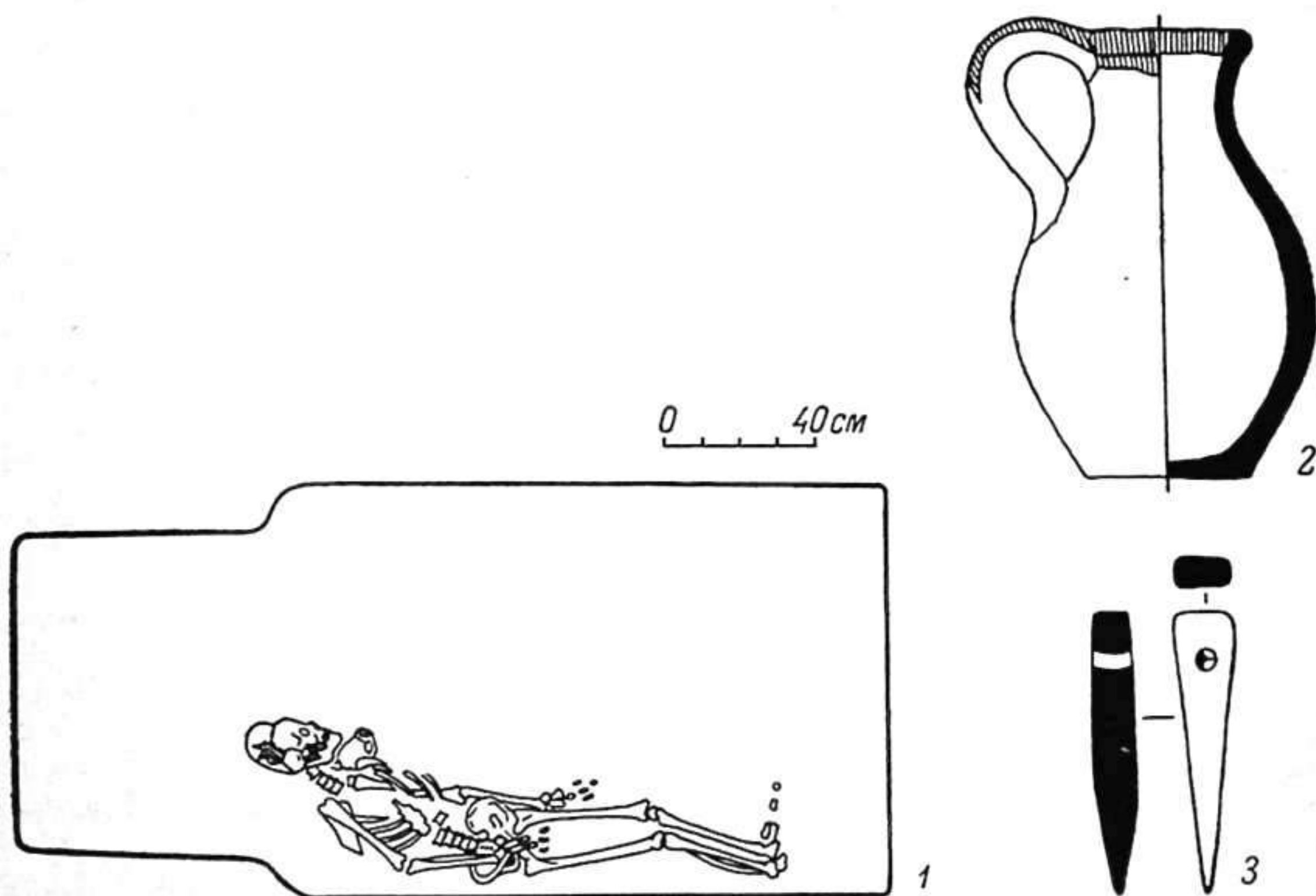

Рис. 7. Эфталитское погребение с сопроводительным инвентарем.

1 — план погребения; 2 — глиняный сосуд; 3 — каменный оселок.

печей подвергалась ремонту: пришедшие в ветхость стенки были обложены сырцом, что уменьшило ее габариты.

Комплекс керамических фрагментов, собранных в самих печах и в завалах камер, характерен для эпохи «великих кушан». Из отдельных предметов интересны найденные в печи с квадратными каналами фрагмент матрицы-калыпа с мотивом виноградной лозы, а также бракованная статуэтка бактрийской богини (такой тип статуэток уже не раз встречался нам в слоях времени Канишки и Хувишки).

Существенное значение имеют находки в крайней по расположению и, по-видимому, последней по времени возведения печи кусков раздавленных сосудов из необожженной глины — они явно были подготовлены к обжигу и даже загружены в печь, но обжиг в силу какого-то чрезвычайного обстоятельства не был осуществлен, а печь оставлена. Вообще же запустение квартала керамистов связано с концом кушанского времени. Подтверждение тому было получено при наших предыдущих раскопках на юго-восточном склоне. Здесь над заброшенной камерой обжига одной из печей и смежным с нею участком был возведен какой-то домишко со стенками из скверной пахсы, в глину которой попало немало керамических черепков, костей и пр. На полу одной из комнат оказались две бронзовые монетки мелкого номинала Шапура II (IV в.). Основная же часть квартала керамистов вообще представляла собой оплывшие руины покинутых печей и строений.

Стратиграфические наблюдения 1972 г. на всех описанных выше объектах Дальверзин-Тепе подтверждают прежние наблюдения о связи гибели этого крупнейшего античного города на Сурхандарье с концом династии «великих кушан». В III—IV вв. на его развалинах местами еще возводятся одиночные недолговечные постройки, но и они также вскоре приходят в упадок. А в V в. эфталиты используют огромный пустырь и оплывшие крепостные стены покинутого города как места для захоронений, одним из которых, между прочим, послужила топочная камера кушанской печи на юго-восточном склоне квартала керамистов (рис. 7).

Л и т е р а т у р а

- История искусства народов СССР. 1971. Т. I. М.
Орбели И., К. Тревер. 1936. Шатранг. Л.
Пугаченкова Г. А. 1962. Образ чаганианского правителя на терракотовом медальоне из Халчаяна. ВДИ, № 2.
Пугаченкова Г. А. 1971. Новое в изучении Дальверзин-Тепе. СА, № 4.
Пугаченкова Г. А. 1972а. Работы Узбекистанской искусствоведческой экспедиции. АО 1971 г. М.
Пугаченкова Г. А. 1972б. В поисках памятников древнего искусства Средней Азии. В кн.: Наука и человечество, 1971—1972. М.
Пугаченкова Г. А. 1973а. Изучение культуры бактрийских городов в Южном Узбекистане. Вестник АН СССР, № 3.
Пугаченкова Г. А. 1973б. Работы в Шурчинском районе Узбекской ССР. АО 1972 г. М.
Пугаченкова Г. А. 1973в. Керамические печи эпохи кушан в Южном Узбекистане. СА, № 2.
Тургунов Б. 1968. Приемы фортификации античного Чаганиана. СА, № 1.
Barnett R. D. 1968. The Art of Bactria and the Treasure of the Oxus. Iranica Antiqua, v. VIII, Leiden.
Hallada M. 1968. Gandhara Art of North India. N. Y.
Loth A. M. 1972. La vie privée dans l'Inde ancienne. IX. Paris.
Marshall J. 1951. Taxila. III. Cambridge.
Murrey H. J. R. 1913. The History of Chess. Oxford.
Schlumberger D. et P. Bernard. 1965. Ai-Khanoum. Bull. de Correspondance Hellenique, v. LXXXIX.
Smith V. A. (S. a.). A History of Fine Art in India and Ceylon. Third ed. Bombay.
Vogel J. P. 1930. La sculpture de Mathura. Ars Asiaticus, v. XV, Paris.

РАЗВЕДОЧНОЕ ИЗУЧЕНИЕ БАКТРИЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА ЮГЕ УЗБЕКИСТАНА

Археологические памятники античной поры в Сурхандарьинской области изучены крайне неравномерно (Массон, 1945; Труды..., 1939, 1945; Альбаум, 1955а, 1955б, 1962, 1969; Пугаченкова, 1966, 1967, 1968, 1971; Пугаченкова, Ртвеладзе, 1971). В связи с этим в 1969 г. в составе Узбекистанской искусствоведческой экспедиции был создан специальный маршрутный отряд, задача которого — сплошное археологическое обследование области с особым акцентом на античные памятники. Большинство объектов было зафиксировано при выездах, осуществленных в тесном контакте с Республиканским обществом по охране памятников культуры и истории УзССР археологами Э. В. Ртвеладзе (Гагаринский, Джаркурганский, Шерабадский, Шурчинский, частично Термезский районы) и З. А. Хакимовым (Сарыассийский и частично Шерабадский районы), а также в результате кратковременных поездок по Шурчинскому району Г. А. Пугаченковой и Б. А. Тургунова. В работах отряда принимали участие краеведы А. Ачилов, Ю. Исмаилов (1970 г.), У. Ходжабеков (1972 г.), студенты М. Исхаков (1969 г.), Е. Некрасова, Р. Слепакова (1971 г.) и шоферы Т. Урманов, Р. Батыршин, М. Х. Аламов.

Нами описание археологических объектов дается в направлении с юго-запада на северо-восток, по единой нумерации (рис. 1), при этом каждому памятнику отводится шифр начиная с Б-8, поскольку первые порядковые номера присвоены памятникам, уже хорошо известным в науке: Б-1 — Термезское городище, Б-2 — Айртам, Б-3 — Дальверзин-Тепе, Б-4 — Халчаян, Б-5 — Зар-Тепе, Б-6 — Хайрабад-Тепе, Б-7 — Хатын-Рабат, Б-8 — Ходжа-Гульсуар, Б-9 — Шор-Тепе. При описании в скобках дается название памятника; если таковое отсутствует, то — только шифр. Исходя из объема статьи, приводятся лишь очень краткие сведения о местонахождении памятника, его площади и планировке, а также датировке, основанной на керамических и монетных находках.

Б-10 (Шуроб-Курган). На левом берегу Амударьи, неподалеку от впадения в нее Карасу, у кишлака Шуроб. Состоит из нескольких разновременных городищ, отделенных друг от друга рвами, общей площадью около 20 га. Протяженность с запада на восток более 500 м, с севера на юг около 400 м. Городище античного времени площадью более 2 га занимает самую северную часть всего поселения, но керамика этого времени встречается к югу и к юго-западу от него.

Б-11 (Кампыр-Тепе). В 3 км к западу от Б-10, на первой надпойменной террасе левого берега Амударьи. Сохранившаяся площадь около 4 га, южная часть разрушена. В плане прямоугольное (220×180 м), с несколько скошенной северо-западной гранью. Окружено рвом. В южной части расположена цитадель (80×80 м), также окруженная рвом. Найдены 2 монеты «сотер мегас». Датруется греко-бактрийским и кушанским временем.

Б-12 (Талашкан-Тепе I). У южной окраины кишлака Талашкан. Площадь 1,6 га. В плане неправильной округлой формы (130—125 м), оплывы стен толщиной 8—10 м, высотой 1,5—2 м. Ориентировано по странам света. Датруется ахеменидским временем.

Б-13 (Талашкан-Тепе II). В 800 м к северу от Б-12. Площадь около 5 га. Состоит из двух частей, отделенных друг от друга рвом шириной 20—25 м. Ориентировано по линии СЗ—ЮВ. Общая протяженность

с северо-запада на юго-восток 350 м, с северо-востока на юго-запад 150—170 м, высота до 4—6 м. Найдены монеты «варварского Гелиокла», «со-тер мегас», Канишки, Хувишки, Васудевы и сасанидо-кушанская. Дати-

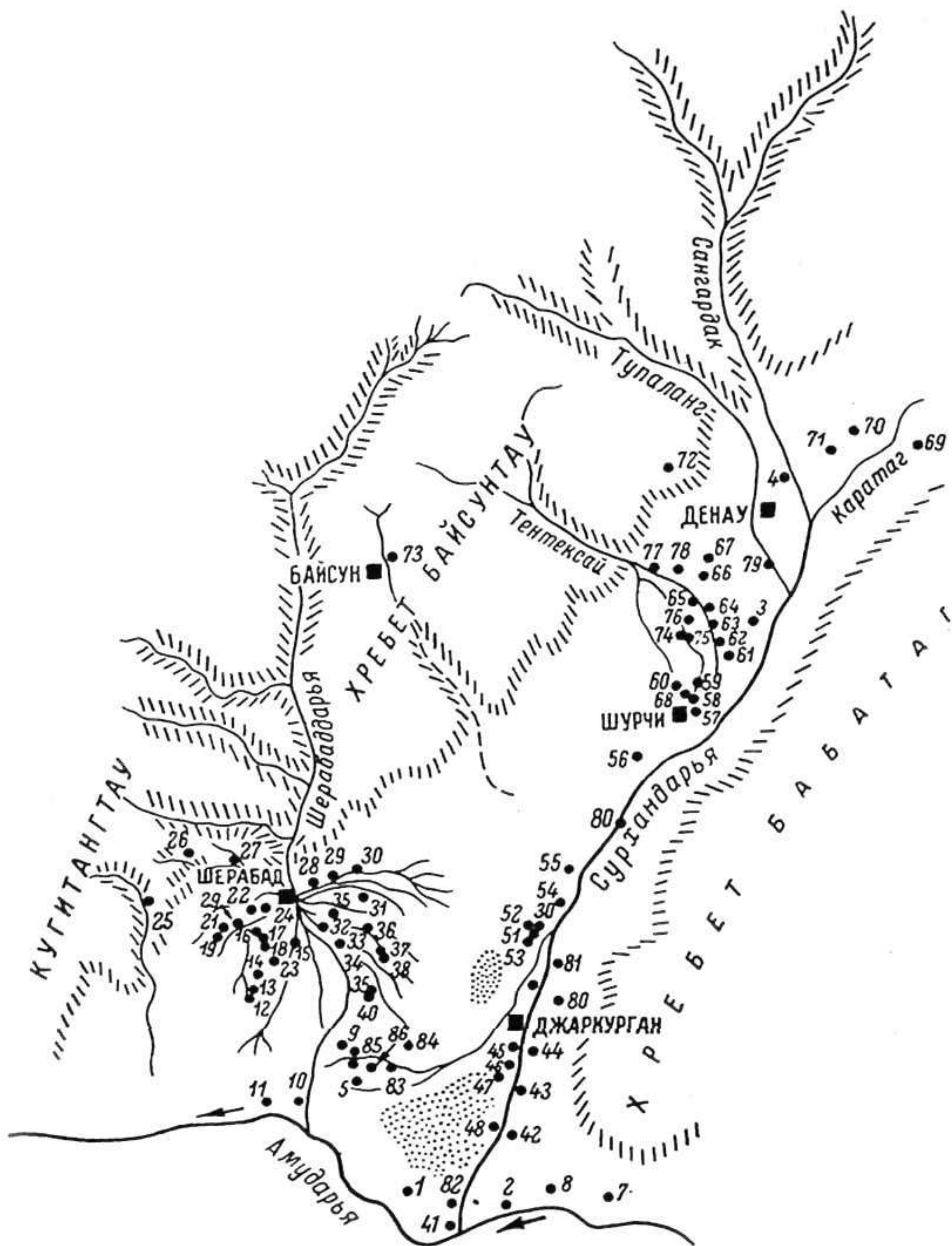

Рис. 1. Схема местонахождения памятников ахеменидского и античного времени в Сурхандарьинской области (1—86).

руется предкушанским и кушанским временем. Северо-западная часть обживалась в позднее средневековье.

Б-14 (Хылыначак-Тепе). В 6 км к северу от Б-12. Площадь 0.25 га. В плане квадратное (50×50 м), с угловыми, округлыми в плане баш-

нями высотой 5—7 м. Найдена монета Канишки. Обживалось в позднее средневековье.

Б-15 (Кулуг-Шах-Тепе). У кишлака Наубаг, на землях первого отделения колхоза им. В. И. Ленина, к югу от Шерабада. Площадь свыше 2 га. В плане прямоугольное (160×140 м), высотой 8—10 м. Ориентировано по странам света. Цитадель расположена в северо-восточном углу. В основе городище античное, но довольно интенсивно обживалось в раннее и позднее средневековье.

Б-16 (Чалла-Тепе). На участке 15-й бригады колхоза им. В. И. Ленина. Городище, особенно в восточной стороне, частично разрушено. Площадь 0.8 га. В плане прямоугольное (110×80 м), с небольшой цитаделью (30×20 м) в северо-западном углу; высота в этом месте до 7 м, в других до 1 м. Ориентировано по линии СЗ—ЮВ. С западной стороны, среди полей, находятся отдельные бугры — остатки усадеб. Датируется кушанским временем.

Б-17 (Чопон-Ата). К юго-западу от кишлака Наубаг, между участками 10-й и 11-й бригад колхоза им. В. И. Ленина. Площадь около 1 га. В плане квадратное (90×90 м), высотой до 2—3 м. Ориентировано по странам света. Датируется кушанским и предкушанским временем. Занято под кладбище.

Б-18 (Анжир-Тепе). В 150 м к югу от Б-17. Округлый в плане бугор диаметром около 30 м, высотой до 1 м.

Б-19. На участке Ходжа-Кыя колхоза им. В. И. Ленина. Площадь более 0.6 га. Имеет вид округлого бугра диаметром около 80 м, высотой до 1—1.5 м, с сильно изрезанными краями. Найдены 4 монеты: Вимы Кадфиза I (1), Васудевы I или подражание его монетам (2), кушано-сасанидская (1).

Б-20 (Мазарбаба-Тепе). На территории колхоза им. В. И. Ленина, в 300 м к югу от школы им. К. Маркса. Площадь около 0.3 га. Представляет собой овальный, вытянутый с востока на запад бугор (160×40 м) высотой 2.5—3 м, занятый под кладбище. Обследовалось Г. А. Пугаченковой и З. Хакимовым, с закладкой стратиграфического шурфа, в котором на глубине 50 см найдена монета Васудевы II. Датируется предкушанским и кушанским временем.

Б-21. В 2 км к востоку от Б-20, среди хлопковых полей. Площадь до 0.7 га, высота до 2—2.5 м. Найдена монета Канишки. Датируется кушанским временем.

Б-22 (Анжир-Тепе). На участке 14-й бригады колхоза им. В. И. Ленина, в центре кишлака Ак-Курган. Площадь около 2 га. Остатки холма (40×40 м) неправильной формы, высотой до 4 м. Датируется предкушанским и кушанским временем.

Б-23 (Ак-Тепе). На участке 89-й бригады колхоза им. В. И. Ленина. От некогда большого поселения сохранился центральный бугор (70×60 м) высотой до 0.8 м, площадью свыше 0.4 га. За ним с северной и восточной сторон на расстоянии до 200 м прослеживаются следы былой застройки. Датируется кушанским временем, но отдельные участки обживались в X—XII вв.

Б-24 (Талаган-Тепе). На землях 13-й бригады колхоза им. В. И. Ленина. Площадь около 0.5 га. Овальный в плане холм (70×60 м) высотой до 10 м с вытянутой северо-восточной частью. Следы былой застройки прослеживаются к северу и западу от холма. Датируется античным и раннесредневековым временем.

Б-25 (Дабил-Курган). У северной окраины кишлака Пашхурд, на правом берегу Дабилсая. Площадь свыше 3 га. В плане имеет форму

клина, вытянутого с севера на юг, общей протяженностью более 300 м. Наибольшая ширина в северной части — до 120 м, высота до 12 м. Городище обживалось с первых веков нашей эры до позднего средневековья.

Б-26 (Хуш-Вакт-Тепе). В центре кишлака Карабаг, на левом берегу Карабагсая. Площадь около 0.06 га. Остатки тепе в плане имеют вид неправильного многоугольника протяженностью 20—30 м, высотой до 5 м. Датируется кушанским временем.

Б-27 (Майдан-Курган). У северо-восточной окраины кишлака Майдан, в месте слияния Кызылсая и Майдансая. Городище занимает вытянутый с северо-востока на юго-запад клиновидной формы мыс общей длиной около 300 м, высотой до 30 м. Сложенными из камня стенами, идущими от одного края мыса к другому, и рвами делится на три части. Датируется кушанским временем, но обживалось и в раннее средневековье.

Б-28 (Домбра-Тепе). У кишлака Чагатай, на участке 10-й бригады колхоза им XXII партсъезда, в 5 км к северо-востоку от Шерабада. Площадь около 0.2 га. В плане имеет клиновидную форму (70×30 м). Стоит как бы из двух бугров, разделенных седловиной. Размеры юго-западного бугра 30×24 м по верху, высота до 10 м. Высота северо-восточного бугра до 6 м. Датируется кушанским временем, но обживалось и в раннее средневековье.

Б-29. В 600 м к северо-востоку от Б-28. Стоит из двух рядом расположенных бугров с плоскими вершинами. Восточный в плане почти квадратен (45×40 м), высотой от 1.5 до 3 м. Западный бугор почти аналогичных размеров, но сейчас заасфальтирован и приспособлен под хирман. Датируется кушанским временем.

Б-30 (Баба-Тепе). В 11 км к северо-востоку от Шерабада, у юго-западной окраины кишлака Истара. Площадь около 2.5 га. Городище прямоугольного плана, с отдельно стоящей цитаделью, вытянутое по линии СЮ. Длина 240 м, ширина 90 м, высота до 6—7 м. С южной стороны расположены квадратная в плане цитадель (60×60 м) высотой до 9 м. За пределами городища с юго-западной стороны находится ряд ранне-средневековых зданий. Найдены монеты «варварского Гелиокла» и сасанидо-кушанские. Датируется античным временем, пригород обживался в раннее средневековье.

Б-31 (Гилямбоб-Тепе). В 6 км к востоку от Шерабада и в 100 м к северу от шоссе Шерабад—Сурхан. Площадь около 0.3 га. Прямоугольный в плане холм (60×45 м) высотой 6—7 м, с плоской вершиной. Датируется кушанским временем, но обживался и в раннее средневековье. На холме устроен мемориал неизвестному солдату.

Б-32 (Батырабад-Тепе). В 1.5 км к северо-востоку от кишлака Чукуркуль, на землях 10-й бригады колхоза им. С. М. Кирова. Площадь 0.3 га. Прямоугольный в плане бугор (60×50 м) высотой до 8 м в северо-западной части. Небольшие разведочные раскопки и шурфовка, произведенные здесь в 1970 г., показали, что Батырабад-Тепе является некрупным, обособленно стоящим сооружением I—III вв. н. э., которое после периода упадка было использовано в качестве платформы для строений V—VI вв. н. э.

Б-33 (Джандавлат-Тепе). Расположено на участке 9-й бригады колхоза им. С. М. Кирова, у кишлака Саитабад. Площадь свыше 7 га. В планировке городища, ориентированного длинной стороной по линии СВ—ЮЗ, четко выделяются две части: отдельно стоящая цитадель (40×40 м) высотой до 13—14 м, расположенная в северо-западном углу городища и отделенная от него рвом; собственно город многогранной формы. Наибольшая длина его 280 м, ширина до 200 м, высота от 7 до

10 м. Общая протяженность городища от крайней северо-западной точки цитадели до юго-восточного угла города 360 м. Городище обживалось с ахеменидского времени вплоть до раннего средневековья, но основной период обживания приходится на античное время. Найдены монеты Кадфиза II, Канишки, Васудева I, II, сасанидо-кушанская.

Б-34 (Пачмак-Тепе). В 1 км к юго-востоку от Б-33. Округлый в плане бугор диаметром около 30 м, высотой до 3 м. Раскопки, проведенные в 1972 г. Ш. Пидаевым, выявили остатки здания ахеменидского времени.

Б-35 (Катта-Тепе). Находится у юго-западной окраины кишлака Чукуркуль. Общая площадь более 1.5 га. Состоит из двух городищ — северного и южного, окруженных раннесредневековыми замками. Южное городище прямоугольное (120×70 м), высотой 6—8 м, ориентировано по линии СЗ—ЮВ. Обживалось в кушанское время и в раннее средневековье. В 90 м к северу частично разрушено. В плане подквадратное (80×70 м), с крупным сооружением (40×30 м) в северо-западном углу. Высота от 0.5 м до 4 м. Датируется кушанским временем.

Б-36 (Аир-Тепе). На территории 10-й бригады колхоза им. С. М. Кирова. Площадь около 1 га. Прямоугольное в плане (120×70 м), слегка вытянутое в северной части. В юго-западном углу возвышается до 8 м крупное здание (30×30 м), по верху соединенное небольшой ложбиной с другим комплексом зданий, занимающих центральную часть тепе. Нижние слои тепе относятся к античному времени, верхние — раннесредневековые.

Б-37. На территории 2-го отделения колхоза им. Ю. Ахунбабаева, в 3 км к востоку от Аир-Тепе и в 400 м к северо-западу от Икизак-Тепе. Площадь около 2 га. Городище прямоугольное в плане (160×110 м), с угловыми башнями. В северо-восточном углу находится квадратная цитадель (40×40 м) высотой до 8 м. Обживалось с первых веков нашей эры до арабского завоевания. Отдельные участки использовались в тимуридскую эпоху.

Б-38 (Икизак-Тепе). На территории 4-го отделения совхоза им. Ю. Ахунбабаева. Состоит из двух тепе, расположенных на расстоянии 80 м друг от друга. Северное тепе подквадратное в плане (55×50 м), высотой до 1 м. Южное размером около 90×90 м, высотой до 2—2.5 м. По краям тепе заметны следы стен. Оба тепе датируются античным временем.

Б-39 (Айсари-Тепе). На территории 7-го отделения совхоза им. Ю. Ахунбабаева. Площадь около 0.4 га. Некрупное компактное тепе (55×60 м) высотой до 9 м, с крутыми склонами. В северо-западном углу находилось главное сооружение. Широкой ложбиной, идущей от одних ворот к другим, делится как бы на две половины. Датируется античным временем.

Б-40. В 300 м к востоку от Б-39. Площадь около 1 га. Основной массив представляет собой несколько вытянутое тепе (70×45 м), высотой до 3—4 м, с крутыми склонами. С юга на расстоянии 20 м от тепе лежит подковообразный оплыв. Датируется античным временем.

Б-41. Место торговой переправы. В 2 км к северу от впадения Сурхандарьи в Амударью, к востоку от Термеза. При работах земснаряда найдены монеты Антимаха (II в. до н. э.), кушанских царей, Тимура и Тимуридов (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1971). По мнению автора, это место соответствует переправе Бурдгуй, упомянутой Хафиз-и-Абру. По его словам, эта переправа, расположенная рядом с Термезом и в XV в. соперничавшая с ним, была основана Александром Македонским, а само слово Бурдгуй греческого происхождения и означает «гостиница» (Бартольд, 1965).

Б-42 (Джейран-Хана). В 13 км к северу от Термеза, на левом берегу Сурхандарьи. Встречается керамика кушанского времени.

Б-43 (Ак-Тепе). На левом берегу Сурхандарьи, в 2 км к северу от Б-42. Площадь более 1.5 га. Имеет прямоугольный план (150×110 м) с несколько скошенной юго-восточной гранью. Ориентировано по линии СЗ—ЮВ. Юго-восточный угол занят почти квадратной в плане цитаделью (30×25 м) высотой до 7—8 м, фланкированной по углам квадратными башнями. Датируется античным временем, но обживалось и в раннее средневековье.

Б-44 (Исмаил-Тепе). В 700—800 м от моста через Сурхандарью, на ее левом берегу, к юго-востоку от Джаркургана. Площадь 1.5 га. Имеет прямоугольный план (150×100 м) с несколько округлым северо-западным углом. Ориентировано по линии СЗ—ЮВ. Обнесено стенами высотой до 5 м. Цитадель, окруженная рвом шириной 8—10 м, расположена в северо-западном углу городища. Датируется античным временем, отдельные участки обживались в раннее средневековье.

Б-45 (Ялпак-Тепе). В 2 км к югу от Джаркургана, на правом берегу Сурхандарьи. Площадь около 2 га. Подквадратное в плане (140×130 м), высотой от 6 до 10 м. Ориентировано по линии СЗ—ЮВ. Нижние слои датируются кушанским временем, но поселение обживалось в раннее и позднее средневековье. Найдена монета Канишки.

Б-46. В 2.5 км к югу от Б-45, у кишлака Бирауз, на землях колхоза «Коммунизм», на правом берегу Сурхандарьи. В плане прямоугольное (100×80 м), высотой от 3—4 м. Ориентировано по линии СЗ—ЮВ. Датируется кушанским временем.

Б-47 (Кори-Шах-Тепе). В 6 км к югу от Джаркургана и в 1.5 км к юго-западу от Б-46. Площадь около 0.2 га. Округлый в плане бугор диаметром около 40 м, высотой до 7.5 м. Большая часть его разрушена. Керамика на полях встречается в радиусе до 500 м. Датируется античным временем.

Б-48 (Ходжа-Камар). Крупное тепе в 8 км к югу от Б-46, на правом берегу Сурхандарьи. Датируется кушанским временем.

Б-49 (Хайтабад-Тепе). В 7 км к северу от Джаркургана, на правом берегу Сурхандарьи. Наиболее крупный памятник античной поры в этом районе. Площадь свыше 6 га. Городище в плане подпрямоугольной формы. Ориентировано по странам света. Наибольшая протяженность с запада на восток 310 м, с севера на юг 220 м. Обнесено мощной стеной высотой до 10 м, с башнями. Цитадель (50×40 м) расположена в юго-западном углу городища; высота ее до 10—14 м. Найдена монета «варварского Гелиокла». Датируется античным временем, но отдельные его участки обживались в раннее и развитое средневековье.

Бай-Тепе (Б-50—Б-53) — общее название группы тепе на землях 4-го и 5-го отделений совхоза «Сурхан». В состав ее входят четыре тепе.

Б-50 (Барат-Тепе). Самое северное из них. Округлое в плане, диаметром 80—90 м, разделенное ложбиной на два бугра. Высота в районе бугров до 12 м, с юго-западной стороны до 2 м. Небольшие разведочные раскопки, проведенные здесь, показали, что вершина этих бугров занята раннесредневековыми постройками, хотя основной период обживания приходится на античное время. Найдено много кушанских монет и терракотовых статуэток.

Б-51. В 2 км к юго-западу от Б-50. Площадь 0.8 га. Городище прямоугольное в плане (100×80 м), высотой до 4.5 м, ориентировано по линии СВ—ЮЗ. Подквадратная в плане цитадель (40×30 м) высотой до 6 м находится в юго-западном углу. Датируется античным временем.

Б-52. В 800 м к ЮВ от Б-51. Площадь 0.5 га. Представляет собой округлый в плане бугор диаметром 12 м, высотой 6 м, с прилегающим к нему небольшим ровным участком. Датируется античным временем.

Б-53. В 2 км к югу от Б-52. Площадь 0.9 га. Подквадратное в плане плоское тепе (90×80 м) высотой 1—1.5 м ориентировано по странам света. В юго-западной части находится округлый в плане бугор диаметром около 20 м, высотой до 6 м. Найдена монета Канишки. Датируется античным временем.

Б-54 (Арпа-Пая-Тепе). На правом берегу Сурхандарьи, на землях 3-го отделения совхоза «Сурхан». Площадь около 1 га. Городище подквадратное в плане (100×90 м), высотой до 4—5 м, ориентировано по линии СЮ. Цитадель (40×30 м) высотой до 8 м, расположенная в юго-восточном углу, значительно выступает за линию стен. Датируется античным временем.

Б-55 (Карван-Тушту). На правом берегу Сурхандарьи, на землях 2-го отделения совхоза «Сурхан». Площадь около 2 га. Городище в плане прямоугольное (180×110 м), ориентировано по линии СЗ—ЮВ. В северо-западной его части находится подпрямоугольная в плане цитадель (170×60 м) высотой до 7—8 м, с угловыми башнями. Датируется античным временем.

Б-56 (Караул-Тепе). Расположено на 80 км шоссе Термез—Душанбе, у северной окраины Южносурханского водохранилища. Площадь 0.8 га. Представляет собой прямоугольное в плане тепе (100×80 м) высотой до 8 м, с плоской вершиной. В основе городище античное, но обживалось длительный период, вплоть до XIII в.

Б-57 (Илонли-Тепе). У восточной окраины райцентра Шурчи. В настоящее время полностью распахано. Фрагменты керамики встречаются на поле в радиусе 100—150 м. Датируется античным временем.

Б-58 (Сапол-Тепе). У северной окраины райцентра Шурчи. Состоит из двух рядом расположенных плоских холмов, скрывающих остатки архитектурных сооружений X—XIII вв. При раскопках К. Абдуллаева найдена медная монета Хувишки.

Б-59 (Куль-Тепе-Джоильма). В 5 км к северо-западу от райцентра Шурчи, на левом берегу Кызылсу. Почти полностью распахано. Состоит из небольшого бугра, на расстоянии около 1 км от которого на юг встречаются фрагменты керамики и другие предметы. Мощность культурного слоя в районе бугра 14 м. Найдены монеты Канишки и Васудевы I и II. Датируется античным временем.

Б-60 (Савринджон-Тепе). В 6 км к северо-западу от райцентра Шурчи по дороге в Миршаде. Площадь около 1 га. Представляет собой подквадратный бугор с плоской вершиной, высотой 5—6 м. Занят под кладбище. Датируется кушанским временем.

Б-61 (Джар-Тепе). На участке Тулля колхоза им. Ю. Ахунбабаева, на левом берегу Тентексая. Площадь около 1.9 га. В плане многогранное, максимальные размеры 140×130 м. Ориентировано по линии СВ—ЮЗ. В северо-восточном углу расположена небольшая цитадель или замок (25×20 м) высотой до 6 м. Датируется античным временем.

Б-62 (Чор-Гуль-Тепе II). На левом берегу Тентексая, к юго-востоку от кишлака Джалты. Площадь свыше 1 га. Состоит из многогранного в плане бугра (60×40 м) высотой до 8 м и примыкающего к нему ровного участка высотой до 1.5 м. Общие размеры по линии СВ—ЮЗ 120 м, по линии СЗ—ЮВ около 100 м. Занято под кладбище. Датируется кушанским временем и ранним средневековьем.

Б-63 (Ишан-Бобо). На левом берегу Тентексая, у северной окраины кишлака Джалты. Западная часть смыта рекой. Площадь около 0.8 га. Состоит из двух частей: цитадели (20×20 м) высотой до 10 м и отде-

ленного от нее в восточном основном поселении (70×100 м). Датирована античным временем. Обжигалась в позднее средневековье.

Б-64. В центре кишлака Джалты. В настоящее время сильно разрушено. Сохранился бугор высотой до 7 м, от которого в радиусе до 100 м встречаются фрагменты керамики. Датирована кушанским временем и ранним средневековьем.

Б-65 (Маслахат-Тепе). На правом берегу Тентексая, у кишлака Маданият колхоза «Ленинизм». Площадь около 0.8 га. Остатки тепе имеют размеры 100×80 м. Наиболее высокая часть (до 6 м) расположена в северо-западном углу, в других местах высота до 1 м. Датирована античным временем. Обжигалась в раннее средневековье.

Б-66 (Кара-Тепе). У кишлака Карлуш, на землях колхоза им. М. И. Калинина. Площадь 2.5 га. Состоит из подквадратной в плане цитадели (40×30 м) высотой до 8 м и собственно города. Общие размеры 190×130 м. Городище ориентировано по линии СЗ—ЮВ. Датирована кушанским временем. Отдельные участки обжигались в раннее и позднее средневековье.

Б-67 (Дегриз-Тепе). У кишлака Дегри, на землях колхоза «Шарк—Юлдузи», к юго-востоку от Дегризского водохранилища. Площадь свыше 6 га. Городище в плане прямоугольное (300×220 м), с несколько скошенной юго-восточной гранью. Ориентирована по линии СВ—ЮЗ. Многогранная в плане цитадель (36×20 м) высотой до 10 м находится в середине северо-восточного фаса. Городище обнесено стенами, имеющими вид сильно оплывших валов толщиной до 10 м, высотой до 4 м. По углам расположены башни. Датирована кушанским временем.

Б-68 (Куль-Тепе). В 5 км к северу от райцентра Шурчи, на участке 1-й бригады колхоза «Коммуна», у одноименного кишлака. Площадь 0.3 га. Состоит из прямоугольного в плане бугра (50×30 м) высотой до 7 м и примыкающего к нему с юго-западной стороны шлейфа длиной до 40 м, высотой до 1.5 м. Датирована кушанским временем.

Б-69 (Беш-Копа). На территории участка Беш-Копа колхоза «Коммунизм». Площадь свыше 8 га. Размеры городища, ориентированного почти по странам света, 350×250 м. В северо-восточном углу расположена цитадель (50×30 м) высотой до 11 м; остальные углы фланкированы округлыми башнями. В центре восточного и западного фасаов читаются места бывших ворот. В радиусе до 2 км встречаются отдельные небольшие бугры, — видимо, сельские усадьбы. Датирована античным временем, отдельные участки обжигались в позднее средневековье.

Б-70 (Караул-Тепе). На участке им. С. М. Кирова колхоза «Ленинизм». Площадь около 0.5 га. Представляет собой квадратное в плане тепе (70×70 м) высотой до 6 м. Датирована античным временем.

Б-71. В 1.5 км к северу от селения Сарыассия, на землях колхоза «Ленинград». Площадь около 0.5 га. Представляет собой прямоугольный в плане бугор (75×60 м) высотой более 10 м, к юго-западному углу которого примыкает длинный шлейф, соединяющий цитадель с городищем. Датирована античным временем.

Б-72 (безымянное поселение). В ущелье горной реки, у кишлака Сина Денауского района. Размеры не установлены, Л. И. Ремпелем найдены фрагменты керамики античного времени и монета Хувишки (Пугаченкова, 1966).

Б-73 (безымянное поселение). В центре кишлака Байсун. При обследовании позднесредневековой байсунской калы найдены фрагменты керамики кушанского времени и монета Канишки.

Б-74 (Кызыл-Тепе). На правом берегу Кызылсая, на участке колхоза им. Ю. Ахунбабаева сельсовета Миршаде. Сохранившаяся площадь более 20 га. В плане подпрямоугольной формы (750×450 м). Ориенти-

ровано по линии СЗ—ЮВ. С северо-западной и северо-восточной сторон ограничено естественным обрывом Кызылсая, с юго-восточной и юго-западной сторон — стеной шириной 5 м, высотой до 3.5 м, сложенной из блоков пахсы. В юго-западном углу группа всхолмлений, два из которых, наиболее крупные по размерам, по-видимому, представляют собой остатки главных сооружений. С 1971 г. раскапывается отрядом Узбекской искусствоведческой экспедиции, возглавляемой З. А. Хакимовым. Основное время обживания приходится на период Яз-Депе III, Кобадиян I, но в нижнем слое зафиксирована керамика типа Яз-Депе II (Пугаченкова, 1973).

Б-75 (Кызылча). Группа мелких тепе на левом берегу Кызылсая, неподалеку от Кызыл-Тепе. Наиболее крупное имеет в диаметре до 30 м при высоте до 1 м. Зафиксированы З. А. Хакимовым. Датируется серединой I тыс. до н. э.

Б-76 (безымянное поселение). На северо-восточном берегу искусственного оз. Ахмад-Куль. Точные размеры не выявлены. Обследовалось Г. А. Пугаченковой и З. А. Хакимовым. Датируется серединой I тыс. до н. э.

Б-77 (Тарагай-Тепе). На левом берегу Тентексая, против кишлака Карасаган. Состоит из двух частей: квадратной в плане цитадели (50×50 м) в юго-восточной стороне высотой до 8 м, с округлыми углами и собственно города (85×30 м в наиболее широком месте), площадь которого значительно сокращена за счет распахки. Ориентировано по линии СЗ—ЮВ. Найдены монеты Васудевы I и II (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1971). Датируется кушанским временем.

Б-78 (Мазар-Тепе). У кишлака Джабу. Сильно разрушено и полностью занято под кладбище. В плане подпрямоугольной формы (100×80 м), с округлыми углами и сильно изрезанными краями. Ориентировано по линии СЗ—ЮВ. В северо-западном углу высота достигает 7—8 м, в остальных 1—2 м. Датируется кушанским и раннесредневековым временем.

Б-79 (Караул-Тепе). В 100 м к северо-востоку от моста через Кызылсу, на ее левом берегу, у шоссе Термез—Душанбе, на землях колхоза им. Ю. Ахунбабаева. Подквадратный в плане бугор (70×60 м) высотой до 10 м, с плоской вершиной.

Б-80 (Яхшибай-Тепе). На левом берегу Сурхандарьи. Основной период обживания относится к раннему средневековью, но найдена и керамика кушанского времени (Альбаум, 1962).

Б-81 (Катта-Тепе). У кишлака Кокайты, на левом берегу Сурхандарьи. Площадь и размеры неизвестны. Датируется от кушанского времени до средневековья (Альбаум, 1960).

Б-82 (два безымянных поселения). У Термезского аэропорта. Общая площадь около 0.5 га. По подъемному материалу датируются кушанским временем.

Б-83 (Кулогли-Тепе). На территории Абид-Абадского сельсовета. В плане квадратное (150×150 м); наибольшая высота до 20 м. Основной период обживания относится к раннему средневековью, но нижние слои датируются первыми веками до нашей эры (Альбаум, 1955а).

Б-85 (безымянное поселение). По выезду из Ангора, слева от шоссе Термез—Ташкент. Размеры не установлены. Датируется серединой I тыс. до н. э. Сообщение Л. И. Альбаума.

Б-86 (безымянное поселение). В 5 км от поворота шоссе Термез—Ташкент на Джаркурбан, на левом берегу Карасу, примерно в 1 км от реки. Подпрямоугольное в плане тепе (70×60 м), с плоской вершиной. Ориентировано по линии СВ—ЮЗ. С северо-восточной стороны расположен вход, видимо, в виде пандуса. Высота тепе до 6 м, но на северо-

западе достигает 8 м. Раскопками Ш. Пидаева выявлены остатки помещений из прямоугольного сырцового кирпича ($48 \times 24 \times 10$ см), характерного для раннего средневековья, а в заполнении комнаты найдена монета «сотер мегас», так что, вероятно, нижние слои здесь восходят

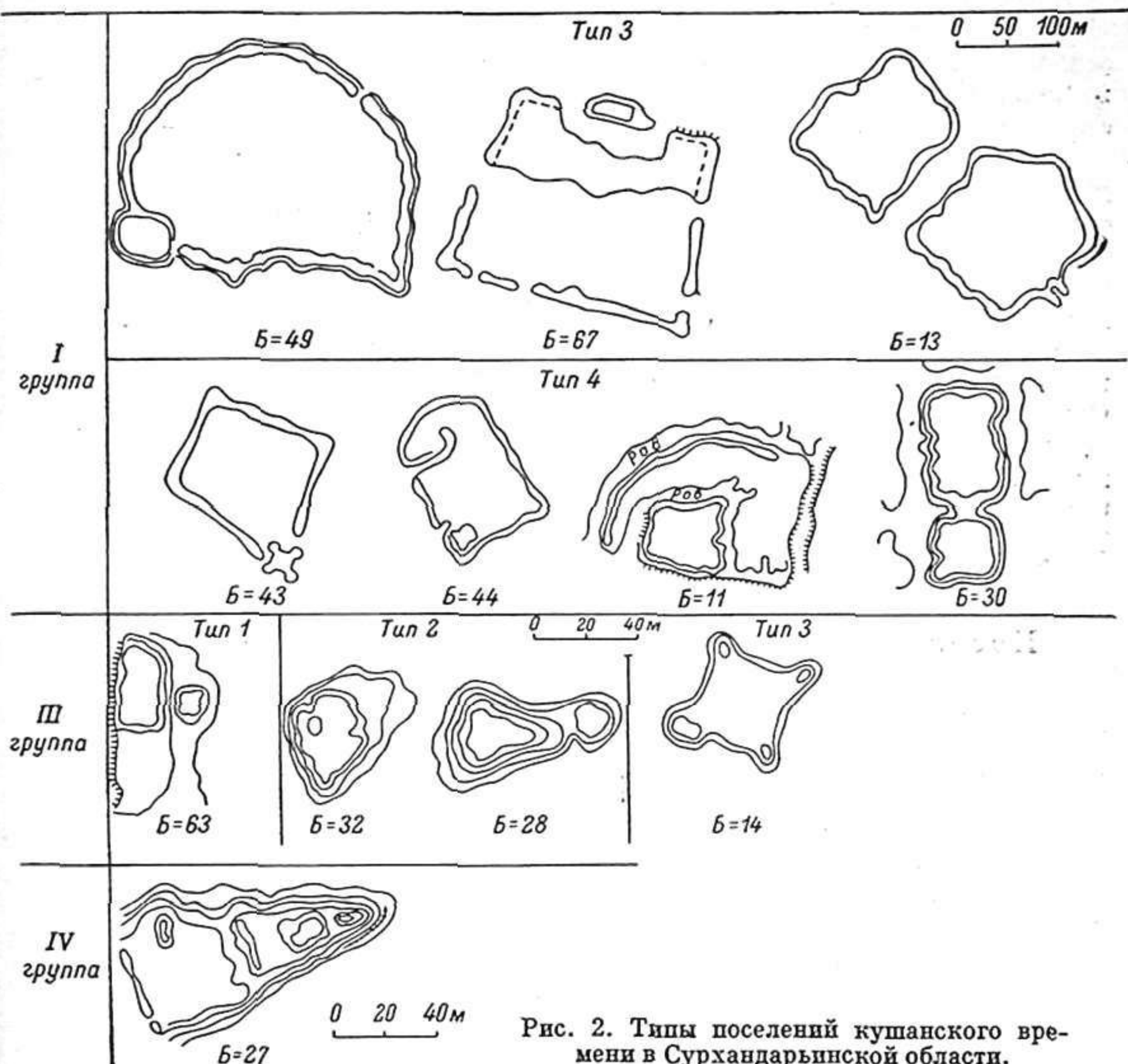

Рис. 2. Типы поселений кушанского времени в Сурхандарьинской области.

к кушанскому времени. С севера от тепе на расстоянии 200—250 м прослеживаются следы всхолмлений.

Сплошной учет памятников позволяет поставить вопросы их классификации, которые до выработки системы признаков поселений могут быть намечены в предварительном порядке. Учитывая имеющиеся в литературе разработки, мы считаем возможным предложить деление исследованных памятников на четыре группы: крупные городища, соответствующие скорее всего древним городам; поселения полугородского, полусельского типа; поселения сельского типа; горные поселения. В трех из этих групп можно выделить типы, различающиеся между собой по ряду признаков (рис. 2).

Крупные городища

Первый тип — городища с цитаделью очень крупных размеров, многоугольной формы, имеющие оборонительную стену с башнями. Старый Термез (500 га).

Второй тип — городища крупных размеров со свободной, рассредоточенной планировкой, тесно связанные с сельскохозяйственной округой, с цитаделью, но без оборонительных стен. Халчаянское городище, Бай-Тепе.

Третий тип. 1-й вариант — городища средних размеров, площадь от 10 до 30 га, с цитаделью, прямоугольные или квадратные в плане, обнесенные оборонительной стеной и окруженные рвом. Цитадель расположена или на одном из углов городища, или отдельно от него и обычно окружена рвом. Дальверзин-Тепе (28 га), Зар-Тепе (16 га).

2-й вариант — городища площадью от 5 до 10 га, с цитаделью, находящейся или в одном из углов городища, или отдельно от него. Они обычно прямоугольной или многоугольной формы, обнесены оборонительной стеной и выделены, по-видимому, рвом. Оборонительные стены часто имеют башни. Хаитабад-Тепе (7 га), Джандавлат-Тепе (7 га), Беш-Копа (8 га), Дегриз-Тепе (около 7 га).

Четвертый тип — небольшие городища площадью от 1 до 3 га. Обычно квадратные или прямоугольные в плане, с цитаделью в одном из углов. Обнесены оборонительной стеной с башнями. Часто за пределами собственно города прослеживаются свободно рассредоточенные застройки пригорода. Подобные памятники очень распространены на территории Северной Бактрии. Ак-Тепе (1.5 га), Исмаил-Тепе (около 2 га), Карван-Тушту (более 2 га), Баба-Тепе (более 2 га), Хайрабад-Тепе (2.5 га) и мн. др.

Поселения полугородского, полусельского типа

Эта группа поселений выделена нами потому, что по своим характерным особенностям она не может быть отнесена ни к первой, ни к третьей группе. Для поселений этой группы характерны отсутствие цитадели и оборонительных стен, свободно рассредоточенная планировка, наличие крупного бугра (видимо, монументального сооружения), ремесленное производство. Площадь поселений достигает нескольких гектаров, иногда более 10 га. К данному типу поселений относятся Хатын-Рабат, Куль-Тепе, Ак-Тепе и, возможно, Айртам.

Сельские поселения

1-й тип — поселения площадью более 1 га. В плане прямоугольной формы, часто свободно рассредоточенной планировки. Иногда имеется цитадель, окруженная рвом. К этому типу относятся Ак-Тепе в Шерабадском районе, Ишан-Бобо в Шурчинском районе и др.

2-й тип — небольшие сельские поселения без цитадели и оборонительных стен, не превышающие по площади 1 га. В одном из углов обычно размещается монументальная постройка (видимо, замок), непосредственно к которой примыкает остальная застройка поселения. Батырабад-Тепе, Домбра-Тепе и ряд безымянных тепе.

3-й тип — сельские усадьбы. Отдельно стоящие тепе прямоугольной или квадратной формы, часто с угловыми башнями, площадью 0.2—0.3 га. Хылынчак-Тепе и ряд безымянных тепе в Шерабадском, Термезском, Шурчинском районах.

Горные поселения

Поселения этой группы расположены на высоких склонах клиновидной формы и обычно разделены стенами, идущими от одного края к другому, на несколько частей. К этому типу относятся Майдан-Кур-

ган в Шарабадском районе и, вероятно, поселение у кишлака Сина в Денауском районе.

Мы полностью отдаем себе отчет, что наша классификация является не только предварительной, но и отражает определенный уровень развития археологической науки.

Проводящаяся в настоящее время работа по установлению принципов объективной классификации археологических памятников Северной Бактрии несомненно внесет в предложенную предварительную схему существенные и обоснованные коррективы. Главную же задачу нашего сообщения мы видели в публикации накопленных сведений о многочисленных древних памятниках Сурхандарьинской области.

Л и т е р а т у р а

- А л ь б а у м Л. И. 1955а. Некоторые данные по изучению Ангорской группы археологических памятников (1948—1949). ТИИА АН УзССР, т. VII, Ташкент.
- А л ь б а у м Л. И. 1955б. Некоторые результаты изучения Ангорской группы археологических памятников за 1953—1954. ИАН УзССР, № 7.
- А л ь б а у м Л. И. 1960. Балалык-Тепе. Ташкент.
- А л ь б а у м Л. И. 1962. Археологические работы на территории Южносурханского водохранилища. ОНУ, № 2.
- А л ь б а у м Л. И. 1969. Дальверзин-Тепе. ИМКУ, т. VIII, Ташкент.
- Б а р т о л ь д В. В. 1965. Сочинения, т. III, М.
- М а с с о н М. Е. 1945. Работы Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1937—1938 гг. ТАКЭ, II, Ташкент.
- П у г а ч е н к о в а Г. А. 1966. Халчаян. Ташкент.
- П у г а ч е н к о в а Г. А. 1967. К стратиграфии новых монетных находок в Северной Бактрии. ВДИ, № 3.
- П у г а ч е н к о в а Г. А. 1968. К изучению памятников Северной Бактрии. ОНУ, № 8.
- П у г а ч е н к о в а Г. А. 1970. Скульптура Халчаяна. М.
- П у г а ч е н к о в а Г. А. 1971. Новое о Дальверзин-Тепе. СА, № 4.
- П у г а ч е н к о в а Г. А. 1973. Работы в Шурчинском районе УзССР. АО 1972 г. М.
- П у г а ч е н к о в а Г. А., Э. В. Р т в е л а д з е. 1971. Новые находки античных монет из правобережной Бактрии. ВДИ, № 4.
- Т р у д ы Термезской археологической комплексной экспедиции. 1939. Под редакцией М. Е. Массона. Т. I. Ташкент.
- Т р у д ы Термезской археологической комплексной экспедиции. 1945. Т. II. Ташкент.
- Ю р к е в и ч Э. А. 1965. Городище кушанского времени на территории Северной Бактрии. СА, № 4.

В. А. К О З Л О В С К И Й

К ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СУРХАНДАРЬИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Долгое время о памятниках материальной культуры, расположенных на территории Сурхандарьинской области, можно было судить только по путевым заметкам и отдельным сообщениям различных ученых, чиновников, военнослужащих и других лиц, посещавших эти места в силу служебной необходимости. Соответствующие материалы с исчерпывающей полнотой изложены в работе М. Е. Массона (1940), и повторять их нет необходимости. Подлинно научное изучение древних памятников в этом районе началось лишь в советский период.

Следует упомянуть экспедицию 1925 г. под руководством И. И. Умнякова, экспедицию Музея восточных культур (ныне Государственный Музей искусства народов Востока), возглавлявшуюся Б. П. Денике и работавшую в 1926—1928 гг. Принципиальное значение для выявления

археологических комплексов кушанской эпохи имели раскопки в 1933 г. на городище Айртам, где были найдены фрагменты фриз, изготовленного из мергелистого известняка, с изображением музыкантов. С 1936 по 1938 г. в Сурхандарьинской области работала большая археологическая комплексная экспедиция, руководимая М. Е. Массоном. В ней принимали участие В. А. Шипкин, В. Д. Жуков, Е. Г. Пчелина, М. И. Вязмитина, Б. Б. Пиотровский, Г. А. Пугаченкова, А. П. Окладников, тогдашний директор Термезского музея Г. В. Парфенов и др. Хотя эта экспедиция называлась Термезской, она фактически провела изучение не только городища Старого Термеза и его окрестностей, но охватила разведывательными работами многие другие памятники области.

Начиная с 1949 г. в области работает Сурхандарьинский отряд Узбекской археологической экспедиции Института истории и археологии (ныне Института археологии) АН УзССР, возглавляемый Л. И. Альбаумом. Этим отрядом при участии научных сотрудников Сурхандарьинского областного краеведческого музея, в том числе автора настоящей статьи, проводится работа по выявлению новых памятников, по проверке сведений, поступающих от краеведческого актива и просто от трудящихся области о вновь обнаруженных археологических объектах. С 1949 г. по 1968 г. отрядом осмотрено и зарегистрировано 164 памятника, причем на 16 из них проводились достаточно широкие раскопки (Альбаум, 1960; Жуков, 1961). Большой интерес представляют Кучук-Тепе — поселение раннежелезного века, Зар-Тепе и Хайрабад-Тепе — развалины городов кушанского периода, а также Занг-Тепе, Джумалак-Тепе и Балалык-Тепе — замки раннесредневековой эпохи, давшие богатый материал для характеристики культуры и искусства местного общества V—VII вв. н. э. Изучение замков, руины которых широко распространены в районе Термеза, имеет большое значение в связи с проблемой становления феодализма и формирования землевладельческой аристократии, резиденциями которой эти замки являлись. Недаром в раннесредневековом Тохаристане, по свидетельству Сюань Цзана, насчитывалось 27 мелких владений, пришедших на смену политическому единству Кушанской державы (Массон, Ромодин, 1964, стр. 213).

В 1968 г. Сурхандарьинский археологический отряд совместно с Сурхандарьинским областным краеведческим музеем начинает работу по изучению буддийского храмового комплекса I в. до н. э.—IV в. н. э. Фаяз-Тепе, расположенного за северной, внешней стеной городища Старого Термеза. Всего здесь за четыре археологических сезона раскопано 18 помещений, идущих вдоль длинных коридоров, обрамляющих дворик размером 27×33 м. В восточной части комплекса вскрыта круглая в плане ступа, сложенная из сырцового кирпича, гладко отштукатуренная и окрашенная в белый цвет. На ступе имеется изображение колес, покоящихся на цветках лотоса, выполненное красной краской. Напротив ступы, на противоположной стороне дворика, находится помещение размером 5×5 м, где обнаружены культовые статуи, выполненные из глины с дополнительной гипсовой проработкой. Некоторые из статуй покрыты позолотой. Стены комнаты, так же как южная и западная стены дворика, покрыты фресковой живописью. Среди сюжетов центральное место занимает изображение Будды в человеческий рост. Он показан стоящим, в анфас, в красном кафтане, с босыми ногами на белых кругах. По бокам расположены молящиеся женские фигуры. Второе изображение, пока еще лишь частично извлеченное из завала, это голова Будды с двойным нимбом. На внутреннем нимбе изображены сподвижники Будды, а на внешнем — молящиеся почитатели. По найденным монетам Гелиокла, Канишки, Вимы Кадфиза, Васудевы и дру-

гим этот уникальный памятник можно датировать I в. до н. э.—IV в. н. э. Храм Фаяз-Тепе прекращает свое существование в эпоху Сасанидов.

С 1959 г. в Сурхандарьинской области работает экспедиция Института искусствознания им. Хамзы под руководством профессора Т. А. Пугаченковой, крупным достижением которой является открытие и раскопки дворцового комплекса Халчаяна с превосходной коллекцией скульптуры (Пугаченкова, 1966, 1971). Экспедиция проводит регулярную работу по выявлению новых и детальному обследованию ранее известных археологических памятников, что весьма существенно для составления археологической карты области и всей республики в целом. Важные открытия были сделаны экспедицией при систематических раскопках на крупном городище античной эпохи — Дальверзин-Тепе. С 1961 г. объединенной экспедицией Государственного Эрмитажа и Музея искусства народов Востока под руководством Б. Я. Ставиского были продолжены начатые еще в 1937 г. работы по раскопкам буддийского монастыря в комплексе Старого Термеза — Кара-Тепе. За время с 1961 по 1972 г. было раскопано значительное число пещерных и наземных помещений, представляющих собой в основном культовые комплексы огромного пещерного монастыря. Особенно ценны находки на стенах надписей-граффити. Помимо бактрийских и сасанидских надписей, есть индийские, которые встречаются также на дарственных глиняных сосудах.

Принципальное значение для древней истории имеют систематические раскопки поселения эпохи бронзы — Саппали-Тепе, осуществляемые с 1969 г. А. Аскарковым. В результате не только удревняется до середины II тыс. до н. э. (эпохи бронзы) оседлая культура в Сурхандарьинской области, но и вырисовывается весьма совершенный облик местной культуры, находящей близкие аналогии в высокоразвитых культурах этого времени в Южной Туркмении, Афганистане и Иране (Аскарков, 1971).

Сурхандарьинский областной краеведческий музей, помимо участия в работах археологических экспедиций, стремится к учету случайных археологических находок, поступающих с территории области. Особенно значительное их число дает городище Старого Термеза, подтверждая точку зрения о существовании здесь крупного центра по крайней мере с греко-бактрийского периода. Так, с территории Старого Термеза происходят имеющиеся в музее две монеты Евтидема, монета Диодота. В районе речного порта современного города была обнаружена монета Антимаха (инв. № 304). Особенно многочисленны и разнообразны находки предметов кушанской эпохи, из числа которых наиболее примечательна каменная капитель с изображением четырех фигур львов, являющаяся как бы поздней репликой знаменитой капители Ашоки (Wheeler, 1959, pl. 56), продолжающей традиции ахеменидской архитектуры Персеполя, где имеются капители с двойными львиными протомами (Vanden Berghe, 1966, pl. 43).

Памятники Сурхандарьинской области приобретают, таким образом, все большее значение для изучения истории и культуры древнего мира, особенно кушанской эпохи, где еще много белых пятен, неясностей и неточностей.

Л и т е р а т у р а

- А с к а р о в А. 1971. Поселение древних земледельцев на юге Узбекистана. ОНУ, № 8.
А л ь б а у м Л. И. 1960. Балалык-Тепе. Ташкент.
Ж у к о в В. Д. 1961. Археологическая разведка на шахристане Хайрабад-Тепе. ИМКУ, т. 2, Ташкент.
М а с с о н М. Е. 1940. Городища Старого Термеза и их изучение. ТТАКЭ, т. I, Ташкент.

- Массон В. М., В. А. Ромодин. 1964. История Афганистана, т. I. М.
Пугаченкова Г. А. 1966. Халчаян. Ташкент.
Пугаченкова Г. А. 1971. Скульптура Халчаяна. М.
Vanden Berghe L. 1966. Archeologie de l'Iran ancien. Leiden.
Wheeler M. 1959. India and Pakistan to Ashoka. London.

Е. Г. НЕКРАСОВА

К ВОПРОСУ ОБ УНИФИКАЦИИ ТЕРМИНОЛОГИИ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ

Работы археологических экспедиций на территории Северной Бактрии дают каждый сезон огромный фактический материал, среди которого керамика является наиболее массовым и показательным. Обилие соответствующего материала делает особенно актуальным применение для его обработки простейших статистических методов. Однако одним из важных предварительных условий является установление единой терминологии, ее унификация, определение основных параметров соответствующих форм. Подобные разработки уже имеются в литературе (Генинг, 1973; Масимов, 1973).

Цель данной статьи — дать номенклатурную схему основных форм керамики кушанского времени с привлечением материалов городищ Северной Бактрии. В основу положены результаты полевого совещания археологов Узбекской искусствоведческой экспедиции под руководством профессора Г. А. Пугаченковой и Бактрийской экспедиции под руководством профессора В. М. Массона весной 1972 г. Для полноты картины были использованы материалы, характеризующие керамику докушанской эпохи, но без включения сюда «баночной» посуды середины I тыс. до н. э.

Как известно, вопросы номиналистики в археологии (Gardin, 1967) решаются либо на основе терминов языка наблюдателя, либо на основе местной ремесленной терминологии («народная», или автохтонная, модель). Поскольку в среднеазиатской археологической практике имеется устойчивая традиция частичного использования местных терминов, было решено остановиться на варианте смешанной терминологии, но каждый раз с четким определением вкладываемого содержания.

Вопросы датировки, орнамент и прочие аксессуары не затрагиваются. Основной акцент делается на «скелет» формы.

В прилагаемых рисунках не дается масштаба, а лишь выдержаны пропорции сосудов. Внутри каждой формы выделяются основные типы, без вариантов. При этом критерий выделения той или иной формы различен и зависит от степени изученности последней. Переходим к краткой характеристике этих форм.

Закрытые формы (рис. 1)

Хумы — самые крупные бочкообразные сосуды. Толщина стенок от 1.5 до 2.5 см. Тип А — хум (рис. 1, 11); тип Б — хум цилиндро-конический (рис. 1, 12); тип В — хум на трех ножках. Хумы типа В встречаются лишь во фрагментах, на рис. 1, 13 приведена хумча.

Хумчи — крупные толстостенные сосуды, повторяющие профиль хумов, но меньших размеров. Толщина стенок более 0.8 см, но менее 1.5 см.

Котлы. Основные отличия от других форм — ручная лепка и следы копти. Тип А — котел (рис. 1, 9); тип Б — плоскодонный котел (рис. 1, 10).

Горшки. Обязательны следы гончарного круга. Характерно низкое горло ($\frac{h_{\text{горла}}}{d_{\text{горла}}} = \frac{1}{2}$). Сечение стенок 0.6—0.7 см. Тип А — горшок

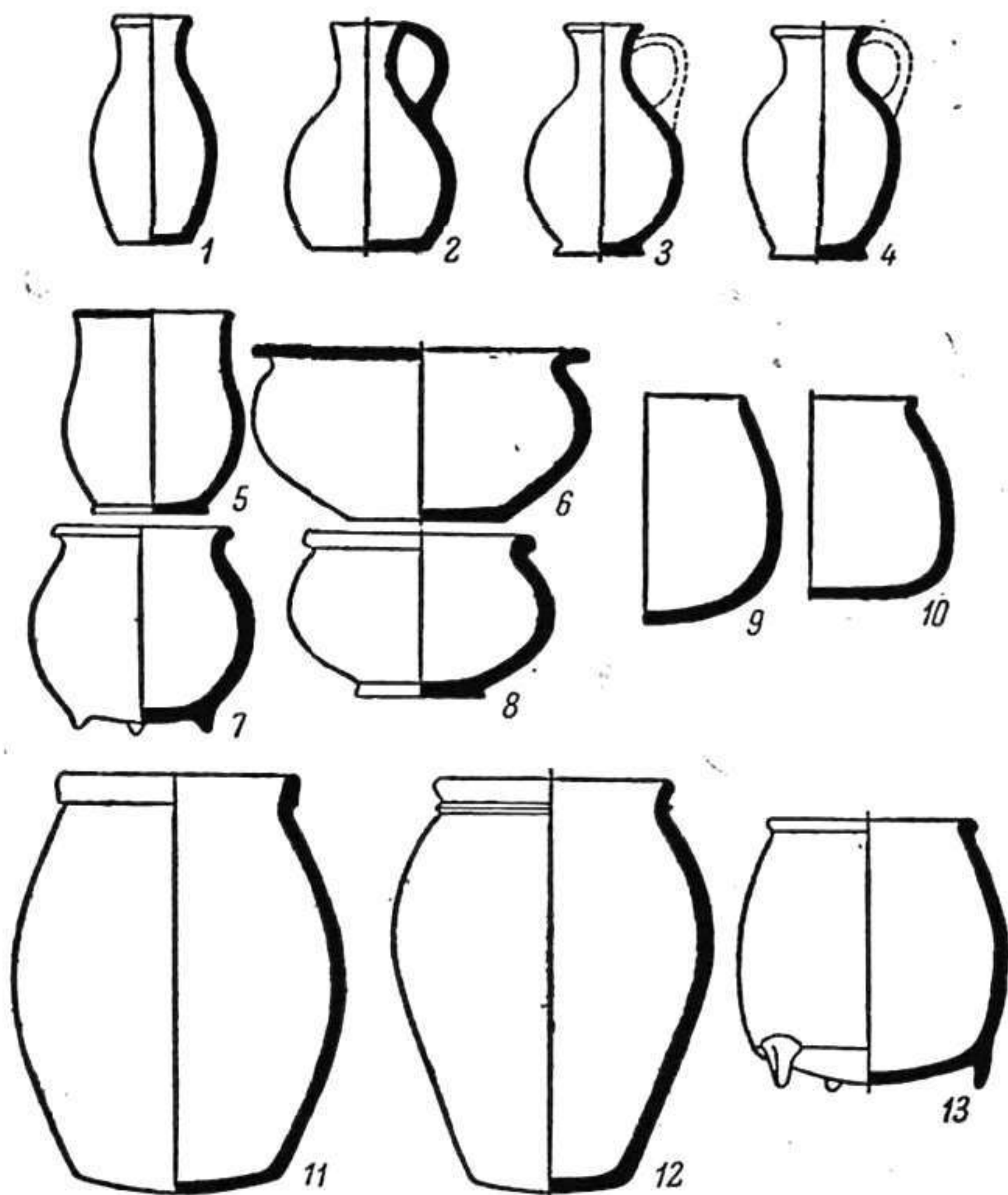

Рис. 1. Кувшины, горшки, хумы.

(рис. 1, 6); тип Б — горшок с прямым венчиком (рис. 1, 5); тип В — горшок на трех ножках (рис. 1, 7); тип Г — горшок без шейки (рис. 1, 8).

Кувшины. Основные признаки — высокое горло, вытянутые пропорции ($\frac{h_{\text{горла}}}{d_{\text{горла}}} = \frac{1}{2}$). Иногда высота горла равна его диаметру. Тип А — кувшин (рис. 1, 1); тип Б — кувшин с грушевидным туловом (рис. 1, 2). Для них характерны значительное расширение тулова примерно на $\frac{1}{3}$ (считая снизу), большой диаметр дна. Тип В — кувшин с шаровидным туловом (рис. 1, 3); тип Г — кувшин с яйцевидным туловом (рис. 1, 4).

Открытые формы (рис. 2)

Тагара. Часто называют тазами. Тип А — тагара (рис. 2, 23); тип Б — тагара с гофрированным венчиком (рис. 2, 22); тип В — тагара коническая ((рис. 2, 21).

Миски. Диаметр 15 см, сечение стенок 0.5 см. Тип А — миска (рис. 2, 17); тип Б — миска с ребром (рис. 2, 18); тип В — миска с загнутым венчиком (рис. 2, 19); тип Г — миска с отогнутым венчиком (рис. 2, 20).

Чаши. Обязателен поддон. Диаметр 15 см, а иногда может доходить до 20 см. Толщина стенок 0.5 см. Тип А — чаша (рис. 2, 10); тип Б —

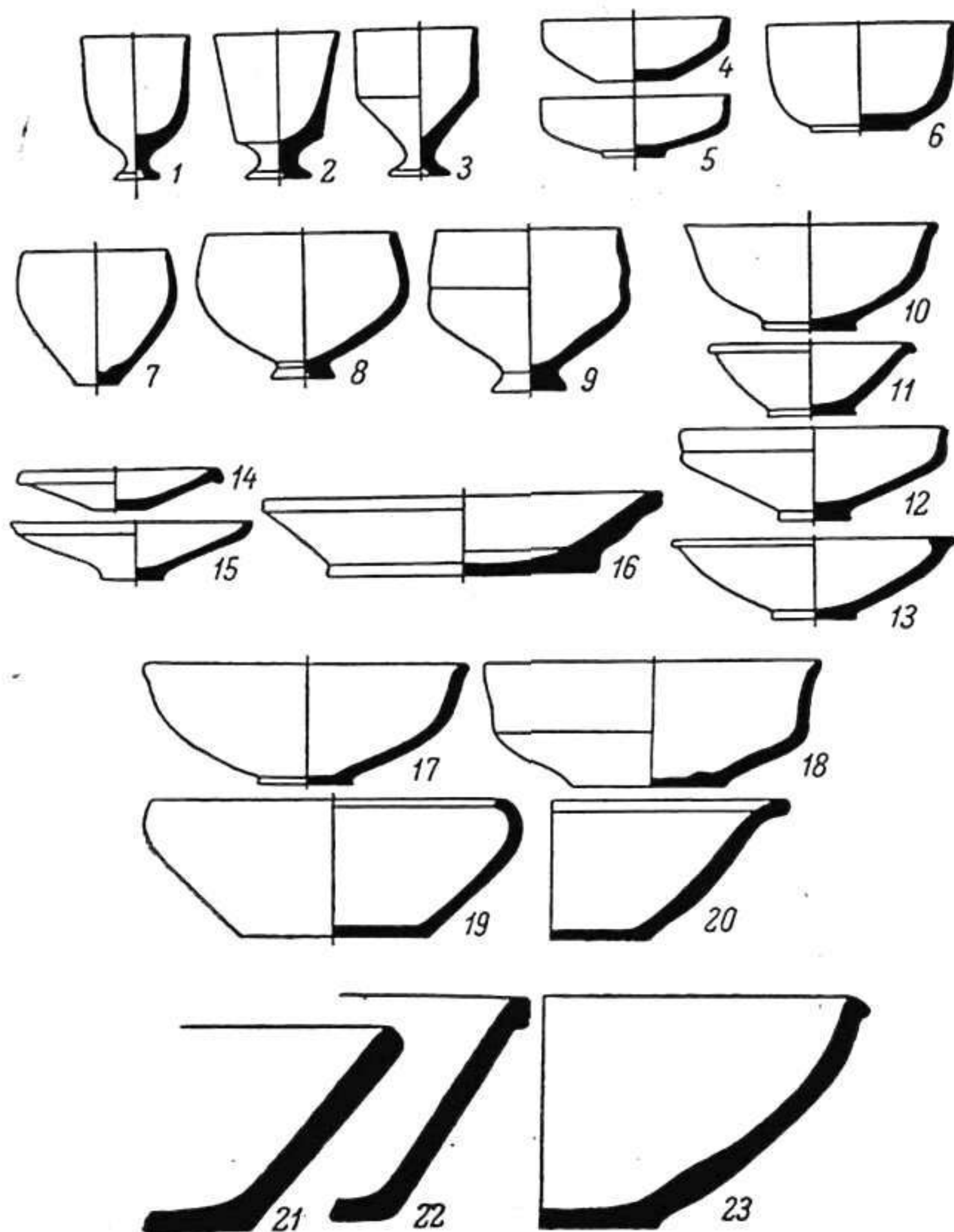

Рис. 2. Бокалы, фяалы, тарелки, миски, чаши.

чаша с отогнутым носиком (рис. 2, 11); тип В — чаша с ребром (рис. 2, 12); тип Г — чаша с уплощенным венчиком (рис. 2, 13).

Тарелки. Форма довольно редкая. Тип А — тарелка (рис. 2, 16); тип Б — тарелка с раскинутыми стенками (рис. 2, 15); тип В — тарелка с клювовидным венчиком (рис. 2, 14).

Фяалы. Диаметр венчика до 15 см. Тип А — фяала (рис. 2, 4); тип Б — фяала на поддоне (рис. 2, 5); тип В — полусферическая фяала (рис. 2, 6).

Кубки. Тип А — кубок (рис. 2, 7); тип Б — кубок на поддоне (рис. 2, 8); тип В — кубок с перехватом, встречается на небольшой ножке и без нее (рис. 2, 9).

Бокалы. Различаются по форме резервуара. Тип А — бокал колоколовидный (рис. 2, 1); тип Б — бокал рюмкообразный (рис. 2, 2); тип В — бокал с ребром (рис. 2, 3).

Прочие и редкие формы (рис. 3)

Крышки. Наиболее распространены крупные и средних размеров плоские крышки. Тип А — крышка (рис. 3, 1); тип Б — коническая крышка (рис. 3, 2).

Светильник — тип А (рис. 3, 3); чираг — тип Б (рис. 3, 4).

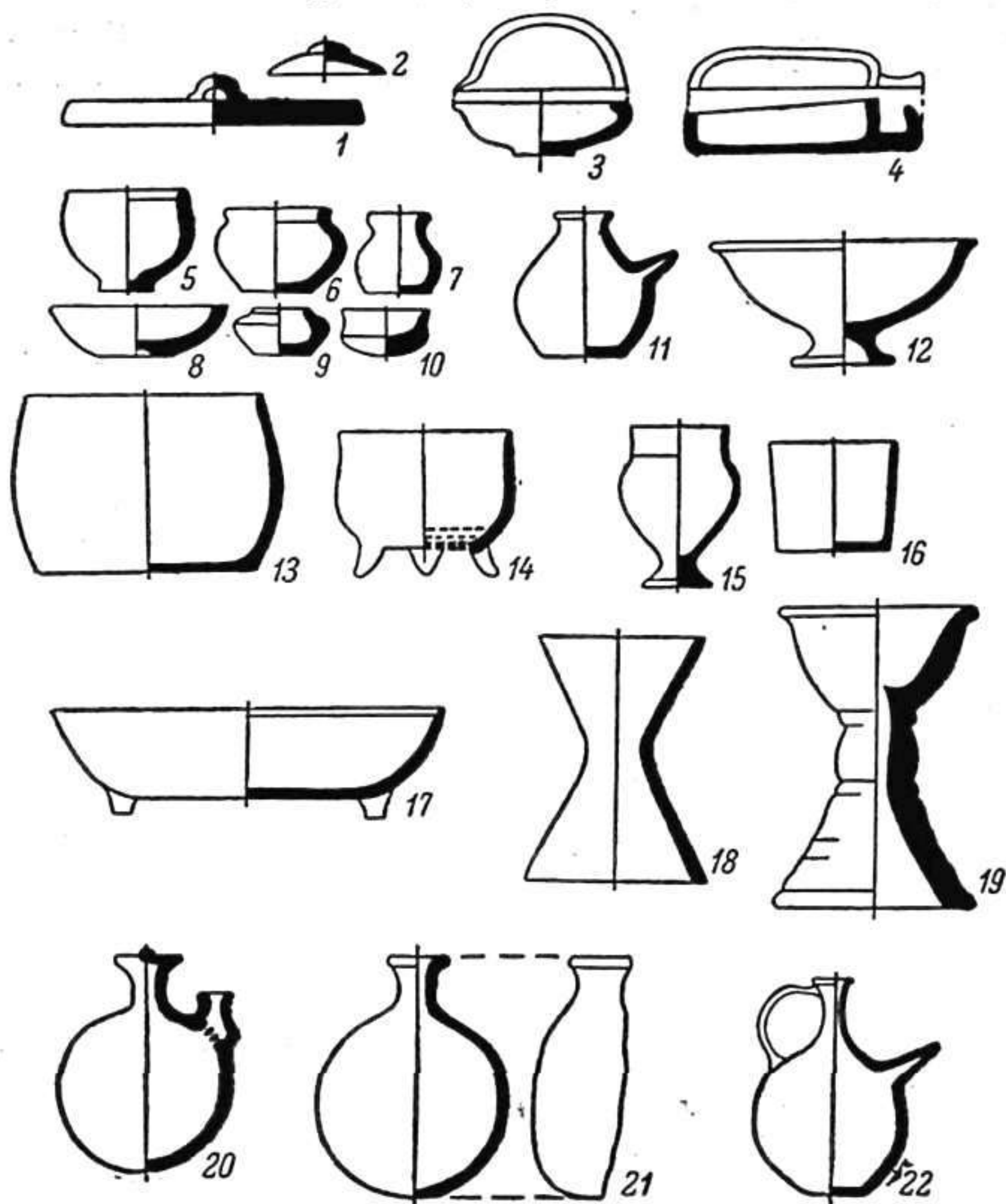

Рис. 3. Керамические сосуды

Сосудик с боковым носиком — поильник (рис. 3, 11).

Ваза (рис. 3, 12). Напоминает чашу, но с более высокой и полую ножкой.

Косметические сосудики (рис. 3, 5—10) — миниатюрные горшочки, кувшинчики, чашечки.

Известный пока что в единственном числе культовый сосуд с резервуаром в форме шара (рис. 3, 20).

Керамическая подставка (рис. 3, 18); цилиндрическая миска (рис. 3, 13); педилка (рис. 3, 14); курильница (рис. 3, 19); вьючная фляга (рис. 3, 21); чайник (рис. 3, 22); бокал с перехватом (рис. 3, 15);

миска на ножках (рис. 3, 17), а может быть, это жаровня; кружка (рис. 3, 16).

Разумеется, схема эта не универсальна, дальнейшая разработка и уточнение ее — задача будущего. В равной мере статистически обоснованное выделение керамических типов кушанской керамики Северной Бактрии должно стать темой специального исследования.

Литература

- Геннинг В. Ф. 1973. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок. СА, № 1.
 Масимов И. С. 1973. Керамическое производство эпохи бронзы Южного Туркменистана. Автореф. канд. дисс. Л.
 Cardin J. C. 1967. On a Possible Interpretation of Componential Analysis in Archeology. American Anthropologist, № 2.

Б. Х. БАТЫРОВ

КОСТНЫЕ ОСТАТКИ ЖИВОТНЫХ ИЗ СЛОЕВ КУШАНСКОЙ ЭПОХИ НА ЮГЕ УЗБЕКИСТАНА

Небольшая коллекция костных остатков животных из Джандавлат-Тепе и Хаитабад-Тепе поступила от участников экспедиции Института археологии АН СССР и АН УзССР, проводимой под руководством В. М. Массона в 1972 г. Материал имеет разрозненный характер. В упомянутых поселениях, очевидно, в дальнейшем будут проведены обширные археологические раскопки, поэтому настоящая работа является предварительным сообщением.

Ниже приводятся результаты определений обнаруженных костных остатков животных (см. таблицу).

Видовой состав животных из памятников юга Узбекистана

Виды животных	Джандавлат-Тепе		Хаитабад-Тепе	
	кости	особи	кости	особи
Собака (<i>Canis familiaris</i>)	3	1	3	1
Лошадь (<i>Equus caballus</i>)	20	3	4	1
Осел (<i>Equus asinus</i>)	10	2	2	1
Свинья (<i>Sus domesticus</i>)	6	2	—	—
Мелкий рогатый скот (<i>Ovis ories</i> , <i>Capra hircus</i>)	100	8	43	4
Крупный рогатый скот (<i>Bos taurus</i>)	21	4	14	2
Верблюд (<i>Camelus bactrianus</i>)	—	—	2	1
Бухарский олень (<i>Cervus elaphus</i> <i>bactrianus</i>)	—	—	4	1
Итого	160	20	72	11

Собака. Найденные фрагменты костей хищных без сомнения принадлежат домашним собакам. Всего здесь обнаружено шесть костей,

принадлежащих двум особям. Особый интерес представляет почти целая нижняя челюсть.

У древних скотоводов (кушанского времени) юга Узбекистана собака была среднего размера. Об этом свидетельствуют некоторые данные. Так, например, длина альвеолярного ряда нижнекоренных зубов из Джандавлат-Тепе 71 мм; длина M_1 —22.1 мм; высота челюсти на уровне M_1 —32 мм. Аналогичны промеры у собак из Каунчи-Тепе: 75, 21.5, 27 мм (Громова, 1940), тогда как материалы из Туркмении дают иные цифры (Алтын-Депе): 68, 22, 31 мм (Ермолова, 1970). Приведенные цифровые данные указывают на то, что собаки у древних скотоводов Средней Азии были почти одинакового размера.

Как известно, предком домашних собак является волк. Среднеазиатский пустынный волк считается одним из мелких форм, его ареал охватывает пустыни Средней Азии и Южного Казахстана, Северного Ирана и Афганистана (Ишунин, 1961). Следовательно, можно предполагать, что в одном из районов Средней Азии происходил процесс одомашнивания собак, но для детального выяснения вопроса требуются дополнительные материалы.

Лошадь. По количеству найденных костей среди обнаруженных видов животных лошадь стоит на третьем месте. Найдены зубы, обломки плечевых и берцовых костей; среди целых костей — метоподий и фаланги пальцев. Судя по характеру сохранности костей, мясо лошадей использовалось в пищу.

Морфологические промеры обнаруженных костей указывают на их принадлежность остаткам домашних лошадей.

Общая длина пясти 215 мм; ширина верхнего эпифиза 49 мм; ширина диафиза 36 мм; общая длина первых фаланг (3 экз.) в среднем 84.7 мм; ширина верхнего эпифиза 53.1 мм; ширина нижнего эпифиза 43 мм.

Осел. Кости домашнего осла немногочисленны: зубы, фрагменты плечевых и берцовых костей, обломки лопатки и фаланги пальцев. Все они принадлежат взрослым особям. Ширина дистального эпифиза плечевых костей (в среднем) 51 мм, а передне-задний диаметр 34 мм.

Свинья. Найдено 12 костей, происходящих минимально от 3 особей. Имеется нижняя челюсть с прорезавшимися M_1 и M_2 , что свидетельствует об использовании в пищу молодых особей.

Мелкий рогатый скот. Среди домашних животных, разводившихся в древности на территории Узбекистана, мелкий рогатый скот занимает первое место, судя как по количеству костей, так и по количеству особей.

Найдены почти все кости скелета. Они принадлежат преимущественно посткраниальному скелету. Из-за фрагментности обнаруженного материала отличить овец от коз затруднительно. Но на основе фрагментов роговых стержней и метаподиальных костей удалось выявить лишь незначительный процент (12%) остатков коз.

Возрастной состав мелкого рогатого скота, судя по костным фрагментам, различен. Преобладают молодые особи, о чем свидетельствуют остатки нижних челюстей и трубчатых костей, лишенных эпифиза. Вопрос о породах мелкого рогатого скота остается открытым. Можно лишь предположить, что у древних скотоводов юга Узбекистана существовали в основном овцы каракульской породы. Не исключено также наличие курдючных овец.

Крупный рогатый скот. Все костные остатки крупного рогатого скота, обнаруженные в Джандавлат-Тепе и Хаитабад-Тепе, без сомнения, принадлежат домашнему скоту.

Имеются зубы, верхние и нижние челюсти, позвонки, целые метаподиальные и пяточные кости. Степень сохранности костей плохая. Преобладают взрослые особи (68%).

Большой интерес представляет одна целая кость пясти и две пяточные. Размеры их следующие: общая длина пясти 210 мм; ширина верхнего эпифиза 59 мм; ширина нижнего эпифиза 64 мм; ширина диафиза 32 мм. Соответственно аналогичны промеры из древнего Хорезма (в среднем): 195.2, 53.6, 28.2 мм. Общая длина пяточных костей 138, 135 мм; тогда как из древнего Хорезма (в среднем) 124.3 (Яз-Депе), 122.3 мм (Гяур-Кала) (Цалкин, 1966).

Как видно из некоторых остеометрических данных, крупный рогатый скот, разводимый древними скотоводами юга Узбекистана, был немного крупнее, чем скот древнего Хорезма.

Верблюд. Найдены два фрагмента костей верблюда, один из которых представляет интерес: это плюсневая кость без нижнего эпифиза. Размеры: ширина верхнего эпифиза 64 мм; передне-задний диаметр 51 мм; ширина диафиза 36 мм.

Бухарский олень. В материале из раскопок поселения Хаитабад-Тепе определены четыре кости, принадлежащие одной особи, — единственный представитель диких млекопитающих среди фаунистических остатков. Это обстоятельство можно объяснить только лишь незначительным масштабом раскопок. Некоторые приведенные данные по мере прибытия остеологических материалов могут быть изменены.

Л и т е р а т у р а

- Громова В. И. 1940. Материалы к изучению древнейших домашних животных Средней Азии. Ташкент.
- Ермолова Н. М. 1970. Новые материалы по изучению остатков млекопитающих из древних поселений Туркмении. В кн.: Каракумские древности. В. III. Ашхабад.
- Ишунин Г. И. 1961. Фауна Узбекской ССР. Т. III. Млекопитающие (хищные и копытные). Ташкент.
- Цалкин В. И. 1966. Фауна древнего Хорезма в свете данных археологии. Древние животные племен Восточной Европы и Средней Азии. МИА, № 135, М.
-

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ВИ	— Вопросы истории.
ВФ	— Вопросы философии.
ДАН	— Доклады Академии наук СССР.
ИАН	— Известия Академии наук СССР.
ИМКУ	— История материальной культуры Узбекистана.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
МКТ	— Материальная культура Таджикистана.
ОНУ	— Общественные науки в Узбекистане.
СА	— Советская археология.
СОНАТ	— Социалистическая наука и техника.
ТТАКЭ	— Труды Термезской археологической комплексной экспедиции.
ТИИА	— Труды Института истории и археологии.
ТХАЭЭ	— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.
ТЮТАКЭ	— Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции.
AJA	— American Journal of Archeology.
MDAFA	— Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
В. М. Массон. Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии (Перспективы исследования)	3
У. Исламов. Новые материалы по каменному веку Южного Узбекистана	13
А. А. Аскарров. К вопросу о выделении культуры Саппали	26
Ш. Р. Пидаев. Материалы к изучению древних памятников Северной Бактрии	32
А. Я. Щетенко. Раскопки монументального архитектурного комплекса Зар-Тепе	42
К. С. Сабиров, В. Н. Пилипко. Раскопки оборонительных сооружений городища Зар-Тепе	49
Л. И. Альбаум. Раскопки буддийского комплекса Фаяз-Тепе (По материа- лам 1968—1972 гг.)	53
Г. А. Пугаченкова, Б. А. Тургунов. Исследование Дальверзин-Тепе в 1972 г.	58
Э. В. Ртвеладзе. Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана	74
В. А. Козловский. К изучению древних памятников материальной куль- туры Сурхандарьинской области	85
Е. Г. Некрасова. К вопросу об унификации терминологии древней кера- мики Северной Бактрии	88
Б. Х. Батыров. Костные остатки животных из слоев кушанской эпохи на юге Узбекистана	92
Список сокращений	95

ДРЕВНЯЯ БАКТРИЯ

(Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана)

*Утверждено к печати Институтом археологии АН СССР
и Институтом археологии АН УзССР*

Редактор издательства В. Т. Бочеввер. Художник Д. С. Данилов
Технический редактор О. А. Мокеева. Корректор А. Х. Салтанова

Сдано в набор 3 X 1973 г. Подписано к печати 24/I 1974 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Печ. л. 6+1 вкл.
(²/₈ печ. л.) = 8.92 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 8.66. Изд. № 5730. Тип. зак. № 602. М-28032. Тираж 2000.
Бумага типографская № 2. Цена 55 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука» 199164, Ленинград, Менделеевская лин., д. 1
1-я тип. издательства «Наука». 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

55 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение